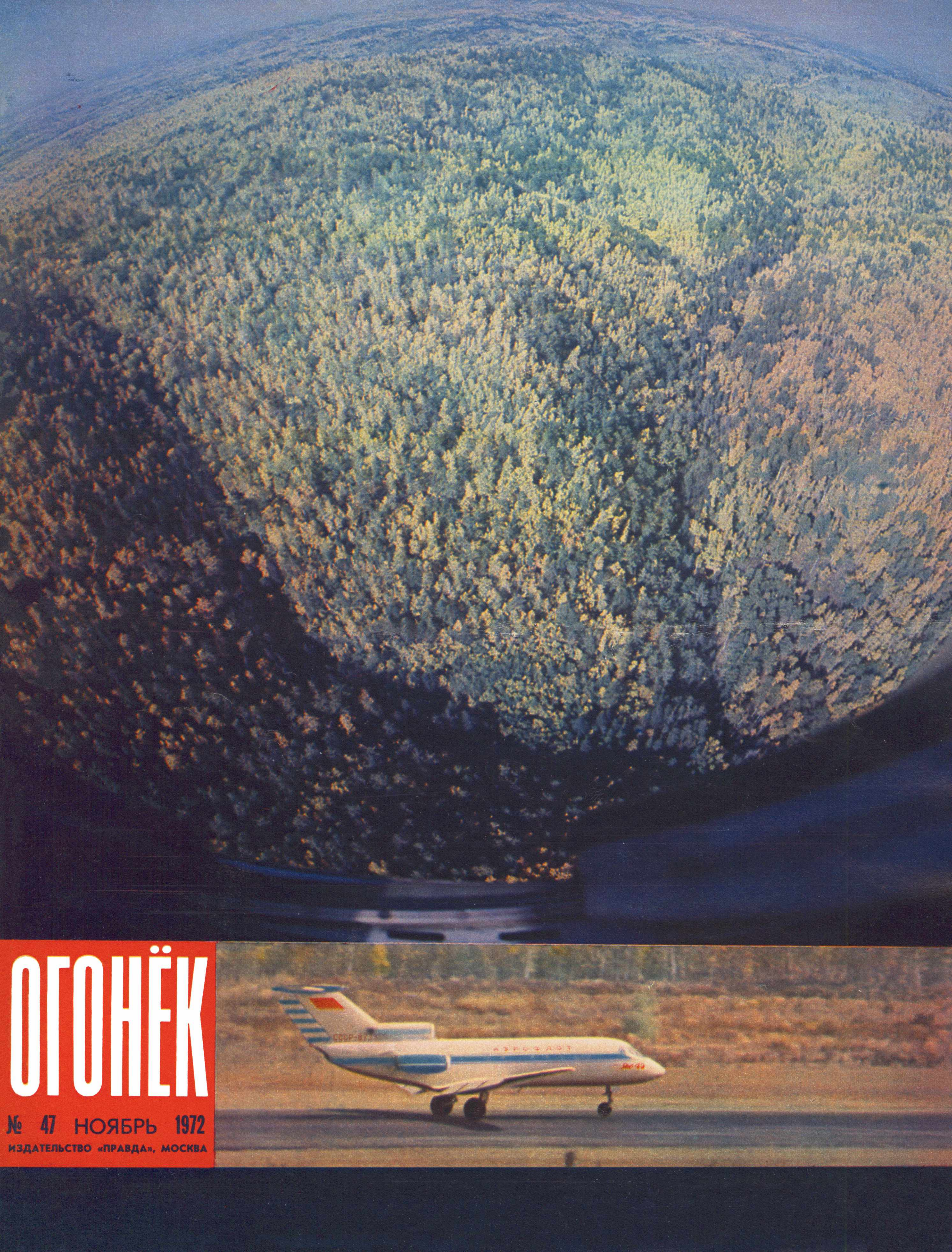

ОГОНЁК
№ 47 НОЯБРЬ 1972
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА
АЭРОФЛОТ

Командир расчета младший сержант Б. Довка.

Ночной залп.

Г. МАКАРОВ

Фото автора.

Ее первым командиром был легендарный Гая Дмитриевич Гай — партизан и красный полководец.

19 ноября 1972 года у артиллеристов этой дивизии двойной праздник: День ракетных войск и артиллерии и тридцатилетие начала разгрома немецко-фашистских захватчиков в великой битве под Сталинградом, где дивизия сражалась в составе 65-й армии генерала П. И. Батова. Боевая судьба ветерана Советской Армии — Железной дивизии сложилась так, что ей два раза пришлось вести бои на берегах великой русской реки. Это по предложению ее бойцов и командиров в сентябре 1918 года после освобождения Симбирска В. И. Ленину была направлена телеграмма: «Дорогой Владимир Ильич! Взятие Вашего родного города — это ответ на Вашу одну рану, а за вторую — будет Самара!»

22 сентября 1918 года из Москвы за подписью Владимира Ильича пришла ответная телеграмма: «Взятие Симбирска — моего родного города — есть самая целебная, самая лучшая повязка на мои раны. Я чувствую небывалый прилив бодрости и сил. Поздравляю красноармейцев с победой и от имени всех трудящихся благодарю за все их жертвы».

В день десятилетия соединения в ульяновской газете «Пролетарский путь» был опубликован послужной список Железной дивизии. Вот он:

1. Имя — Н-ская.
2. Фамилия — Железная.
3. Отчество — Симбирская.
4. Специальность — стрелковая дивизия.
5. Год рождения — июнь-июль 1918.
6. Кем рождена — Великой Октябрьской социалистической революцией.
7. Место рождения — на Волге, под Симбирском.
8. Происхождение — из рабочих и крестьян Симбирской и Самарской губерний.
9. Образование — окончила университет гражданской войны.
10. Подданство — Штаб III-го Коммунистического Интернационала.
11. Место прописки — Союз Советских Социалистических Республик.
12. Какие имеет награды — 10 почетных Красных знамен ВЦИК, до 20 знамен от Симбирского и Самарского губисполкомов, более 1 000 орденов Красного Знамени от Реввоенсовета республики.
13. За что — за участие в освобождении Поволжья, Симбирской, Самарской, Оренбургской губерний и взятие обратно более 100 городов от врагов Советской власти.
14. Чем занимается в настоящее время?
Охраной границ СССР и обучением молодых бойцов для будущей борьбы с капиталистами.
15. Кто может подтвердить правильность изложенных сведений?
Пролетариат Симбирска, Самары, Оренбурга и царские генералы Колчак, Дутов и Деникин.
Верно: основатель и командир дивизии Гая — Гай.

Комментируя этот послужной список накануне Дня ракетных войск и артиллерии, нынешний командир Мотострелковой, Самаро-Ульяновской, Бердичевской, Железной, трижды Краснознаменной, орденов Суворова и Богдана Хмельницкого дивизии, генерал-майор М. М. Букштынович перечисляет новые награды, рассказывает о возросшей мощи дивизии и особенно тепло отзывается об артиллеристах и ракетчиках.

— Мы гордимся своими артиллеристами. Они лучшие в дивизии и с честью выполняют все задачи командования. Многие наши воины, и среди них артиллеристы, уже в годы мирной учебы удостоены высоких правительственных наград. А наш артиллерист — офицер Н. Я. Макаренко награжден двумя боевыми орденами.

Кроме университета гражданской войны, дивизия с отличиями закончила университет Великой Отечественной войны и сейчас в поле, в родном доме воинов Железной дивизии — на полигонах и стрельбищах продолжает занятия в большом университете послевоенной учебы...

При предварительной подготовке к стрельбе устанавливается основное направление для ориентировки орудий, приборов, батарей. Вместе с танкистами, связистами, разведчиками, со всеми воинами дивизии ракетчики и артиллеристы Железной всегда на главном направлении!

19 НОЯБРЯ — 30 ЛЕТ С НАЧАЛА НАСТУПЛЕНИЯ СОВЕТСКОЙ АРМИИ ПОД СТАЛИНГРАДОМ И ДЕНЬ РАКЕТНЫХ ВОЙСК И АРТИЛЛЕРИИ

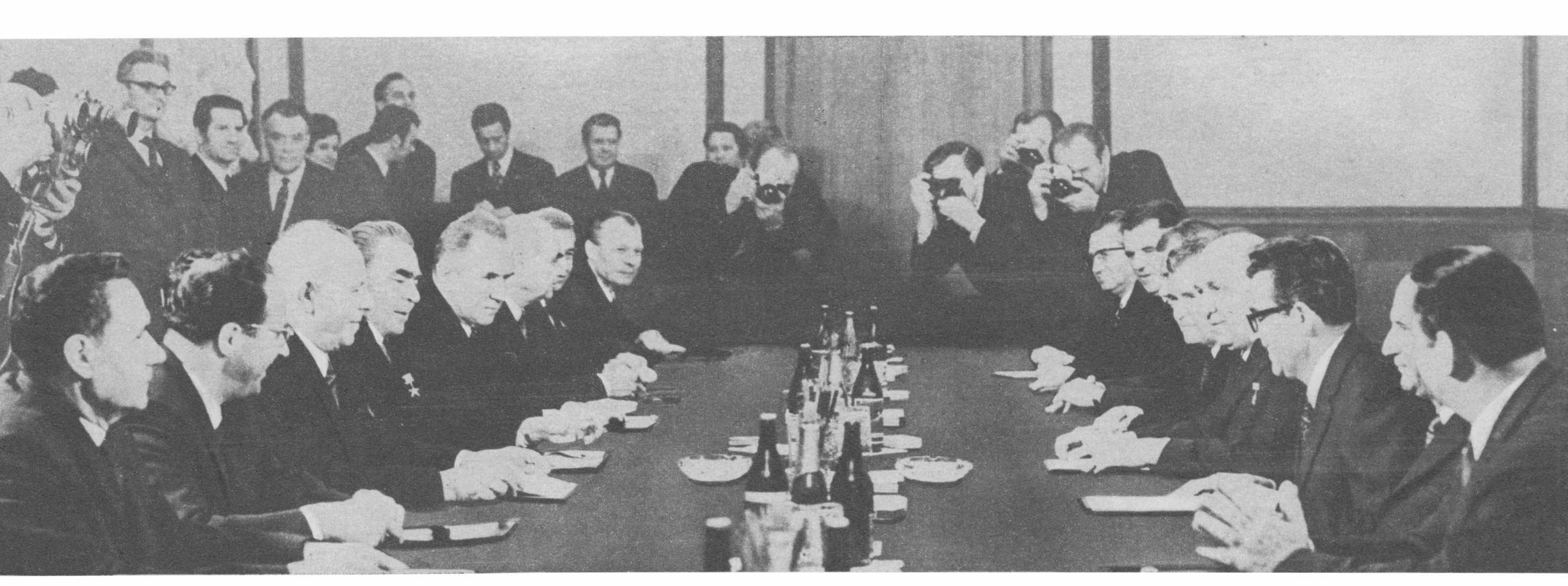
ГЛАВНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ

Встреча на Внуковском аэродроме.

НЕРУШИМО ВО

Советско-болгарские переговоры.

По приглашению Центрального Комитета КПСС, Президиума Верховного Совета СССР, Совета Министров СССР 13 ноября в Москву с официальным дружеским визитом прибыла партийно-правительственная делегация Народной Республики Болгарии во главе с Первым секретарем ЦК БКП, Председателем Государственного совета НРБ товарищем Тодором Живковым.

На Внуковском аэродроме, украшенном государственными флагами Народной Республики Болгарии и Советского Союза, руководящих деятелей Болгарии встречали Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев, член Политбюро ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорный, член Политбюро ЦК КПСС, Председатель Совета Министров СССР А. Н. Косыгин и другие официальные лица.

13 ноября в Кремле начались переговоры Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева, члена Политбюро ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорного, члена Политбюро ЦК КПСС, Председателя Совета Министров СССР А. Н. Косыгина с партийно-правительственной делегацией На-

родной Республики Болгарии во главе с Первым секретарем ЦК Болгарской коммунистической партии, Председателем Государственного совета НРБ Т. Живковым.

Во время переговоров состоялся товарищеский обмен мнениями о путях дальнейшего развития и углубления дружбы и всестороннего сотрудничества между КПСС и БКП, между Советским Союзом и Народной Республикой Болгарией. В духе полного взаимопонимания и взаимной заинтересованности были рассмотрены вопросы, касающиеся дальнейшего расширения масштабов и повышения эффективности экономических связей. Делегации обсудили также широкий круг международных проблем.

Переговоры проходили в обстановке братской дружбы, сердечности, полного единства взглядов и позиций по всем обсуждавшимся вопросам.

«Результаты переговоров,— заявил Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев,— несомненно, дадут новый импульс развитию нашего сотрудничества на благо социализма».

В тот же день в Кремле состоялось вручение советским руководителям юбилейных памятных медалей в честь 90-летия со дня рождения Георгия Димитрова. Глава партийно-правительственной делегации Народной Республики Болгарии товарищ Тодор Живков вручил юбилейные медали товарищам Л. И. Брежневу, Н. В. Подгорному, А. Н. Косыгину, Г. И. Воронову, В. В. Гришину, А. П. Кириленко, Ф. Д. Кулакову, К. Т. Мазурову, А. Я. Пельше, М. А. Суслову, П. Е. Шелесту, Ю. В. Андропову, П. Н. Демичеву, Б. Н. Пономареву, М. С. Соломенцеву, Д. Ф. Устинову, И. В. Капитонову, К. Ф. Катушеву.

«Мы, болгарские коммунисты, болгарские трудящиеся,— сказал товарищ Т. Живков,—...будем свято хранить и последовательно выполнять заветы Георгия Димитрова — неуклонно идти ленинским путем, развивать болгаро-советскую дружбу».

◀ **Выступление товарища Л. И. Брежнева после вручения юбилейных памятных медалей Георгия Димитрова советским руководителям.**

Фото А. ГОСТЕВА.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 47 (2368)

18 НОЯБРЯ 1972

КОЛОНКА МЕЖДУНАРОДНОГО ПУБЛИЦИСТА

США: ПОСЛЕ ВЫБОРОВ

Сергей ЛОСЕВ

Окончательные официальные данные о результатах выборов в США будут оглашены не раньше конца ноября, когда завершится подсчет голосов и в заснеженной Аляске. Но они уже ничего не внесут нового. Внушительного личного успеха добился республиканец Ричард Никсон, победивший во всех штатах, кроме столичного округа Колумбия да штата Массачусетс — вотчины семейства Кеннеди. Бесспорно также и то, что в обеих палатах конгресса большинство сохранилось за демократической партией.

Анализируя исход президентских выборов, американские обозреватели обращают внимание на то, что Р. Никсон оказался первым в истории США республиканцем, который получил большинство голосов католиков и добился некоторого успеха даже в профсоюзах, в то время как среди самых бедных слоев избирателей и негритянского населения он не сумел заручиться сколько-нибудь широкой поддержкой. Большинство из десяти миллионов избирателей, голосовавших в 1968 году за расиста Джорджа Уоллеса, вышедшего из игры после того, как на него было совершено покушение, на этот раз поддержали республиканского претендента.

Ярлык «опасного радикала», нацепленный Макговерну его политическими противниками, вызвал подозрение к нему в консервативных слоях населения и в среде бизнесменов. Представители монополий, создавшие Общенациональную ассоциацию в поддержку республиканского кандидата, щедро финансировали предвыборную кампанию. В результате республиканцы израсходовали на выборах в два раза больше долларов, чем сторонники Макговерна. Кандидатуру Р. Никсона поддерживали почти полторы тысячи американских газет, а Макговерна — менее двухсот.

Обиженные на съезде демократической партии в Майами-бич партийные и профсоюзные боссы — именно они контролируют на местах избирательную машину — отмежевались от Джорджа Макговерна. Бывший президент США от демократической партии Линдон Джонсон, несмотря на личный визит к нему Макговерна, преспокойно наблюдал со своего техасского ранчо, как его дружок, бывший губернатор Техаса Джон Коннэли, помог перетянуть на сторону Никсона избирателей южных штатов — традиционного оплота «партии осла». Партийные функционеры ограничились деятельной поддержкой кандидатов-демократов в конгресс и на губернаторские посты.

Коалиция антивоенного движения, молодежи, жителей пригородов и национальных меньшинств, которая гарантировала успех Макговерна в Майами-бич, оказалась расколотой — не в малой степени из-за метаний Макговерна, продиктованных стремлением заручиться поддержкой правого крыла своей партии и обеспечить приток пожертвований от промышленных магнатов. Отход Макговерна от нескольких коренных пунктов его первоначальной программы и снятие кандидатуры Иглтона в вице-президенты оттолкнули значительную часть из 25 миллионов молодых избирателей, многие из которых вначале готовы были поддержать демократического кандидата.

Из 140 миллионов американцев избирательного возраста в голосовании приняло участие менее 55 процентов — всего 77 миллиона человек. Остальные фактически бойкотировали выборы, потеряв веру в обе партии крупного капитала: ведь несмотря на многократные обещания республиканцев и демократов, по выражению «Уолл-стрит джорнэл», «бичом экономики были и по-прежнему остаются безработица, высокие налоги и инфляция».

Подобной апатии к выборам в США не наблюдалось последние четверть века, и некоторые выведенные из равновесия американские комментаторы, в частности в газете «Нью-Йорк пост», истолковали это безразличие как зеленый свет «продолжению политики бомбардировок и убийств, игнорированию бедных и престарелых, натравливанию белых на черных, милостивому отношению к богатым и презрению к простому человеку».

Но в действительности американский народ кровно заинтересован в скорейшем окончании вьетнамской авантюры и бомбардировок Вьетнама. Он требует предпринять позитивные шаги для решения также острых внутренних проблем Соединенных Штатов. Американцы, не пришедшие к избирательным урнам, жаждут окончания постылой войны в Индокитае ничуть не меньше, чем те миллионы избирателей, которые отдали свои голоса за Р. Никсона, поверив в заверения Г. Киссинджера и других представителей Белого дома, что достигнутое между ДРВ и США соглашение о прекращении войны и установлении мира во Вьетнаме будет в ближайшее время подписано Вашингтоном.

Не случайно на выборах в сенат потерпели поражение такие твердолобые сторонники сохранения у власти марионетки Тхиеу и продолжения войны «до победного конца», как республиканцы Эллот, Миллер, Боггс и «ястребиха» Маргарет Смит. В вопросе о войне и мире наказ избирателей — и тех, кто голосовал за Макговерна, и тех, кто поддержал Никсона,— ясен и недвусмыслен. Выработанное соглашение должно быть подписано как можно скорее.

На нынешних выборах внешнеполитическая активность правительства оказалась действенным фактором в определении симпатий избирателей. В ходе предвыборной кампании республиканцы неизменно записывали в актив правительству США положительные сдвиги в отношениях с социалистическими странами, прежде всего с Советским Союзом. Советско-американские соглашения, отмечает «Нью-Йорк таймс», «помогли Р. Никсону обеспечить поддержку избирателей».

ПРАЗДНИК СОВЕТСКОЙ МИЛИЦИИ

В День советской милиции в Москве, в Колонном зале Дома союзов, состоялось торжественное собрание, посвященное этому празднику. В зале — представители трудящихся Москвы и столичной области, общественных организаций, ветераны органов внутренних дел, отличники советской милиции.

В президиуме товарищи А. П. Кириленко, П. Е. Шелест, заместитель Председателя Президиума Верховного Совета СССР М. Холов, секретарь Президиума Верховного Совета СССР М. П. Георгадзе, заведующий отделом ЦК КПСС Н. И. Савинкин.

Собрание открыл секретарь МГК КПСС Л. И. Греков.

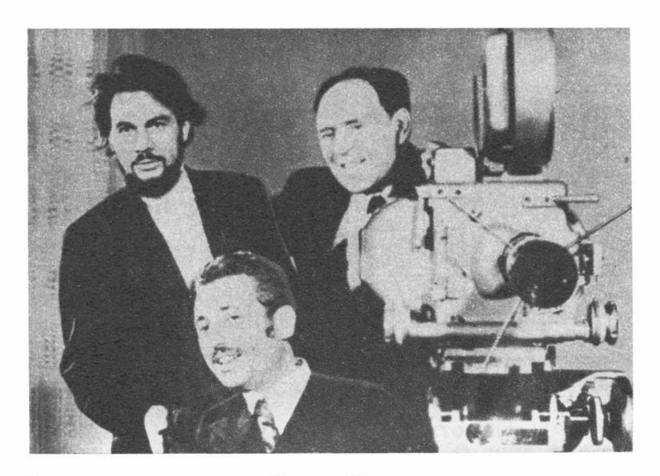
С докладом о 55-летнем пути советской милиции, ее беззаветном служении интересам революции, социалистическому государству выступил министр внутренних дел СССР генерал-полковник Н. А. Щелоков.

Участники собрания единодушно приняли приветственное письмо Центральному Комитету КПСС, Президиуму Верховного Совета СССР и Совету Министров СССР.

НА СНИМКЕ: торжественное собрание, посвященное празднику советской милиции.

Фото А. Бочинина.

ЛАУРЕАТЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПРЕМИИ

Группа сотрудников Киевской киностудии научно-популярных фильмов: автор сценариев Ю. И. АЛИКОВ, заслуженный деятель искусств Украинской ССР, режиссер Ф. М. СОБОЛЕВ и оператор Л. Ф. ПРЯДКИН — премия присуждена за научно-популярные фильмы «Язык животных» и «Думают ли животные!».

Б. Е. ЕФИМОВ, народный художник СССР,— за политические плакаты и карикатуры 1970—1971 годов.

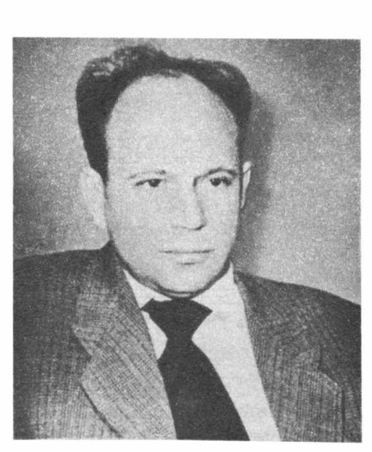
КАРИМ МУСТАЙ (Каримов Мустафа Сафич), народный поэт Башкирии,— за книгу стихов «Годам вослед».

БАБАДЖАН РАМЗ (Бабаджанов Рамз Насырович), писатель,— за поэму «Живая вода».

Р. К. ЩЕДРИН, заслуженный деятель искусств РСФСР, композитор,— за ораторию «Ленин в сердце народном» и оперу «Не только любовь» (новая музыкально-сценическая редакция).

Б. И. РАВЕНСКИХ (Ровенских), народный артист СССР, режиссер,— за спектакль «Драматическая песня» в Московском драматическом театре имени А. С. Пушкина.

«...Из России нэповской будет Россия социалистическая». 50 лет назад в речи на пленуме Моссовета были сказаны Владимиром Ильичем Лениным эти исторические слова.

ВЕЛИКОЕ ПРЕДВИДЕНИЕ

...Весть эта быстро распространилась по Москве: В. И. Ленин после болезни председательствовал на заседании Совета Народных Комиссаров и дал согласие посетить Моссовет. Пленум Моссовета единогласно принял тогда постановление послать Ленину письмо: «Дорогой наш Владимир Ильич, мы, члены Московского Совета, узнали на пленуме, что вы уже приступили к руководству государственной жизнью нашей пролетарской страны. Радуемся, дорогой наш товарищ, вашему выздоровлению и ждем вас у себя на пленуме».

Ждать пришлось недолго. 20 ноября 1922 года на очередной пленум Моссовета, заседавший в зале Большого театра совместно с пленумами всех районных Советов Москвы, приехал Владимир Ильич. Газета «Правда» писала тогда: «Появление на эстраде тов. Ленина встречается громкими раскатами «ура», горячими и продолжительными аплодисментами, переходящими в долго не смолкающую овацию, почти заглушавшую не менее мощные звуки «Интернационала», исполняемого оркестром... Овация продолжается в течение троекратного исполнения «Интернационала». Тов. Ленин пробует начать свое слово, но его перебивают снова и снова горячие возгласы, несущиеся со всех сторон: «Да здравствует вождь мировой революции!», «Да здравствует товарищ Ленин!»

Несмотря на недомогание, как вспоминают участники пленума, Владимир Ильич выступал с большим подъемом. Речь его была воодушевляющей, оптимистической. В руках он держал несколько листочков с планом речи, но в них почти не заглядывал. Здесь члены Моссовета впервые увидели Владимира Ильича во френче, что показалось присутствующим не совсем привычным, так как до болезни Ленин никогда не носил френч.

Речь свою Владимир Ильич начал с извинения и сожаления, что он не мог прибыть на заседание раньше. Ему не удалось сделать это потому, что после болезни, как он шутя заметил, «выражаясь языком профессионалиста, потерял работоспособность на довольно длительный срок и в силу уменьшения работоспособности... пришлось откладывать с недели на неделю настоящее выступление».

Ленин говорил о положении страны после разгрома интервентов и белогвардейщины. Оглядываясь на пройденный путь, Владимир Ильич отметил успехи внешней политики Советского государства — налаживание экономических и дипломатических отношений с другими странами. Что же касается внутреннего положения, то здесь главной задачей Ленин считал правильное и умелое проведение в жизнь новой экономической политики, рассчитанной в конечном итоге на полную победу социализма. Социализм, подчеркивал он, входит в нашу повседневную жизнь, вопросы социалистического строительства стали насущными, будничными, практическими вопросами. Задача наших дней, нашей эпохи состоит в том, чтобы на практике, преодолевая колоссальные трудности, порожденные войнами, хозяйственной разрухой и голодом, строить по-деловому социалистическое общество.

«...Как эта задача ни трудна,— говорил Владимир Ильич, заканчивая свое выступление,— как она ни нова по сравнению с прежней нашей задачей и как много трудностей она нам ни причиняет,— все мы вместе, не завтра, а в несколько лет, все мы вместе решим эту задачу во что бы то ни стало, так что из России нэповской будет Россия социалистическая».

Это было последнее публичное выступление вождя партии и народа.

Пророческие ленинские слова члены Моссовета встретили бурей аплодисментов. Они выражали чувства любви, беспредельного доверия трудящихся Москвы и всей Советской страны к Ленину, к Коммунистической партии.

Вспоминаю, как мы, молодые партийные работники, изучали тогда эту речь Ленина, с каким воодушевлением вместе со всеми трудящимися страны восприняли ленинскую политику партии. Рабочие с утроенной энергией брались за восстановление фабрик и заводов, железнодорожного транспорта. Трудовое крестьянство, с удовлетворением встретившее закон о замене продразверстки продналогом, увеличивало посевы, больше вывозило продовольствия на городские рынки, активно участвовало в борьбе с кулачеством. Лозунг «Крепить смычку города с деревней» был тогда одним из самых популярных.

Из России нэповской будет Россия социалистическая... Прошло немногим более десятилетия героического труда советских людей, и в тридцатые годы социализм прочно утвердился во всех сферах жизни Советской страны. Социалистическая индустриально-колхозная держава в могучем порыве, идя ленинским курсом, устремилась вперед, к новым победам.

«Дело строительства социализма,— говорил Л. И. Брежнев в докладе, посвященном столетию со дня рождения В. И. Ленина,— подняло такую волну революционного энтузиазма, вдохновенного самоотверженного труда, которая буквально смела все преграды на пути к социализму. То, что было планом, стало явью, реальностью. Это была всемирно-историческая победа советского народа, победа ленинизма».

Знаменательную дату — 50-летие исторической речи В. И. Ленина на пленуме Моссовета — наша страна встречает в канун полувекового юбилея Союза ССР. Все народы Советского Союза в единой дружной семье идут ленинской дорогой к коммунизму.

И. КИРЮШКИН, член КПСС с 1918 года

ИЗ ПОЧТЫ «ОГОНЬКА»

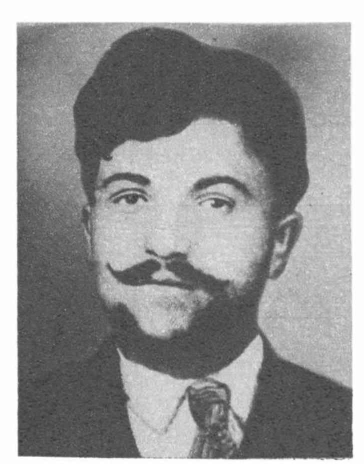
ОСОБЫЙ ОТРЯД БАКИНСКОЙ КОММУНЫ

О многом могла бы рассказать эта круглая печать времен Бакинской коммуны. Оттиснув ее на бумаге, можно прочитать: «Совет Народных Комиссаров. Особый отряд Каграманова Кавказской Красной Армии». Свидетельница бурных событий 1918 года, печать вот уже много лет хранится в фонде Бакинского филиала Центрального музея В. И. Ленина. Она принадлежала одному из бакинских коммунаров, А. О. Каграманову. В октябрьские дни 1917 года, добровольно вступив в ряды Красной гвардии, он принимал участие в Петроградском вооруженном восстании. Тогда же Каграманов прислал в Баку отцу свою фотографию с такой надписью: «Дорогому отцу, Осипу Хачатуровичу. Во время революции 1917 года... Петроград. За свободу Родины...»

В это время большие события происходили и на юге страны, в Баку, который стал форпостом социалистической революции в Закавказье. Советская Россия оказала большую помощь революционному Баку в борьбе против внешней и внутренней контрреволюции. В числе красных командиров, прибывших в Баку из Советской России, был и Анастас Осипович Каграманов. В конце апреля 1918 года его назначили командиром особого отряда Кавказской Красной Армии. Отряд часто перебрасывали туда, где враг меньше всего ожидал этого, где положение было наиболее тяжелым.

Когда летом 1918 года контрреволюционные силы двигались с севера на советский Баку, отряд Каграманова неожиданно для противника появился у берегов Самура, геройски сражался против войск имама Гоцинского, а затем отправился в район Кюрдамир-Геокчай. Вскоре Каграманова назначили начальником агентурно-разведывательной команды Кавказской Красной Армии. Команда эта зарекомендовала себя как ударная сила революционных войск, показала пример мужества и стойкости. Конники-разведчики проникали в тыл врага и оперативно доносили о положении дел.

...Июль 1918 года. Положение Баку стало еще более тяжелым. Отряд Каграманова направляют против надвигавшихся на город турецких войск. Последний бой коммуны — у Биби-Эйбатской горы — оказался роковым. В неравном бою 5 августа 1918 года, за полтора месяца до злодейского расстрела 26 бакинских комиссаров, пали смертью храбрых десятки бойцов революции и среди них командир особого отряда Кавказской Красной Армии А. О. Каграманов.

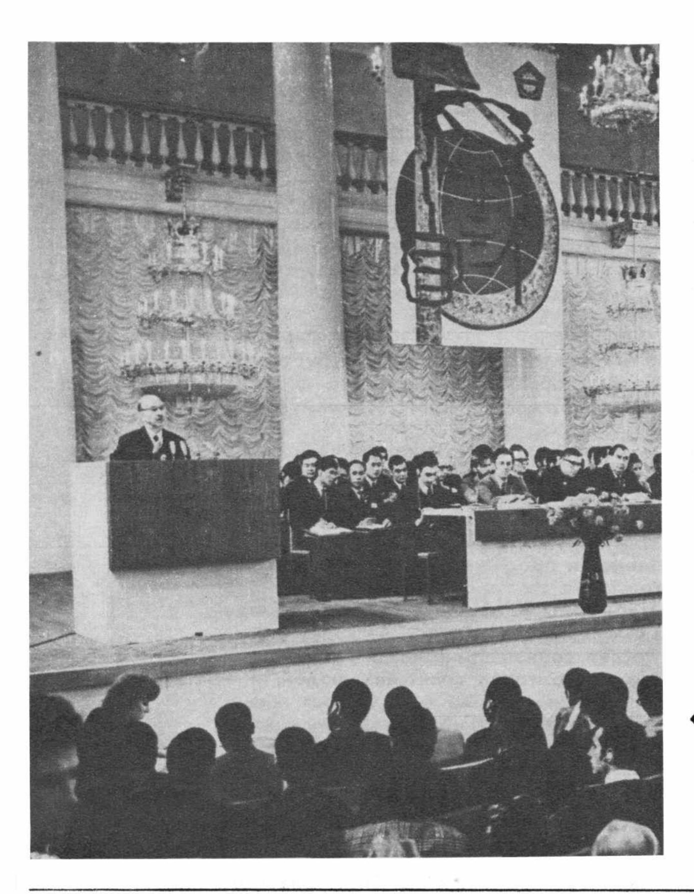

В 1920 году, после установления Советской власти в Азербайджане, в дни, когда останки 26 бакинских комиссаров были перевезены из Закаспия в Баку и захоронены на площади Свободы, друзья вспомнили и погибшего коммунара А. О. Каграманова. На его могиле был установлен надгробный камень.

С того времени прошло больше полувека. Но и ныне на могилу А. О. Каграманова люди несут живые цветы...

Айро САРКИСОВ, кандидат исторических наук

«ЕДИНСТВО» — ДЕВИЗ ЮНОСТИ ПЛАНЕТЫ

10 ноября в Колонном зале Дома союзов в Москве торжественно открылась Всемирная встреча трудящейся молодежи. Для участия в ней прибыли представители 230 национальных, международных и региональных молодежных организаций из 113 стран мира. Тема международной конференции, проходящей в рамках всемирной встречи,— «Трудящаяся молодежь в современном обществе и ее борьба за свои права, социальный прогресс, национальную независимость и мир».

Кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС Б. Н. Пономарев зачитал участникам Всемирной встречи трудящейся молодежи приветствие Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Л. И. Брежнева. «Отрадно сознавать,— отмечается в приветствии,— что трудовая молодежь — растущий отряд создателей материальных и духовных ценностей — все более решительно вступает на путь борьбы за осуществление требований и жизненных интересов всех трудящихся, за мир и безопасность, за национальное и социальное освобождение народов, против гнета монополий и империалистической агрессии».

С докладом «Советская молодежь — активный участник строительства коммунизма» выступил первый секретарь ЦК ВЛКСМ Е. М. Тяжельников. Секретарь ВЦСПС В. И. Прохоров выступил с докладом на тему «Советские профсоюзы и молодежь». Президент Всемирной федерации демократической молодежи Роберто Виецци отметил в своем выступлении, что этот международный форум является чрезвычайно важным событием для молодого поколения планеты, маяком, облегчающим поиски различных возможностей для совместных действий в национальном, региональном и международном масштабах.

Юность планеты обсуждает положение и роль трудящейся молодежи в современном общественном производстве, вопросы, связанные с борьбой против империализма, за мир, демократию и национальную независимость, актуальные проблемы социального и экономического прогресса.

◀ Кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС Б. Н. Пономарев зачитывает приветственное послание Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева.

Встреча юности планеты. ▶

Фото ТАСС.

ЕСТЬ МИЛЛИОННЫЙ!

В свое время это было большое событие — белорусский трактор «МТЗ-2» торжественно заявил о своем рождении и о появлении в стране нового гиганта индустрии. Прошло с тех пор без малого два десятилетия. Теперь тот «МТЗ» стоит на пьедестале у проходной завода. А коллектив приготовил в подарок 55-й годовщине Октября миллионный трактор.

За право вложить свой труд в эту машину боролись во всех цехах предприятия. Среди победителей необычного соревнования сталевар Георгий Шишко, выплавивший с начала года более тысячи тонн сверхпланового металла, бригада кузнецов-штамповщиков Феофана Рыбчака, выполнившая к 5 октября план второго года пятилетки, идущие с опережением графиков резьбонарезчица Юлия Мамис и расточник Федор Потапович...

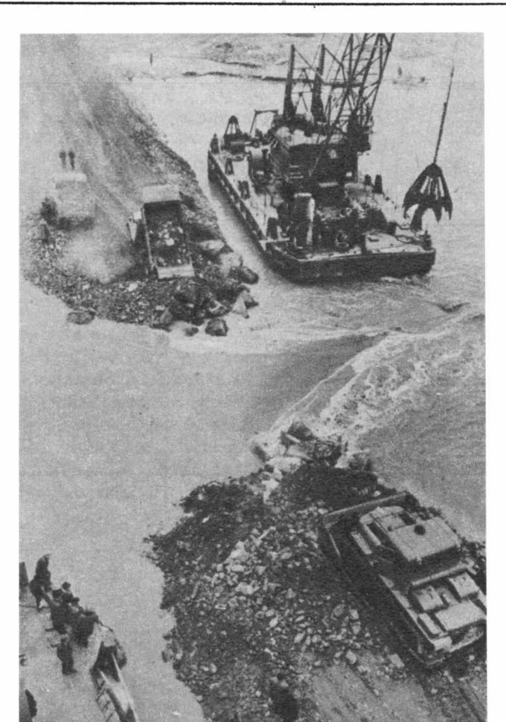
В почте, приходящей сейчас на завод, упоминаются имена многих знатных механизаторов страны, которые достойны того, чтобы работать на миллионном белорусском тракторе.

А. Мызников,
корреспондент газеты «Советская Белоруссия»

На снимке: миллионный сошел с конвейера.

Фото В. Якобсона.

РОЖДЕНИЕ НОВОГО МОРЯ

Рукотворное море не такая уж редкость в наше время. И все же рождение каждого нового моря — большое и радостное событие в жизни страны.

Краснодарского водохранилища, которое смело можно назвать морем, на карте пока нет, но красавица Кубань уже перекрыта, причем гидростроители сделали это на год раньше срока. Настанет весна, и хлынут со снежных вершин Кавказа ручейки и реки, напоят Кубань, а потом эти воды устремятся в гигантскую чашу, созданную человеком. Оттуда по многочисленным каналам живительный поток побежит на поля и оросит 250 тысяч гектаров плодородной кубанской земли.

На снимке: идет перекрытие Кубани.

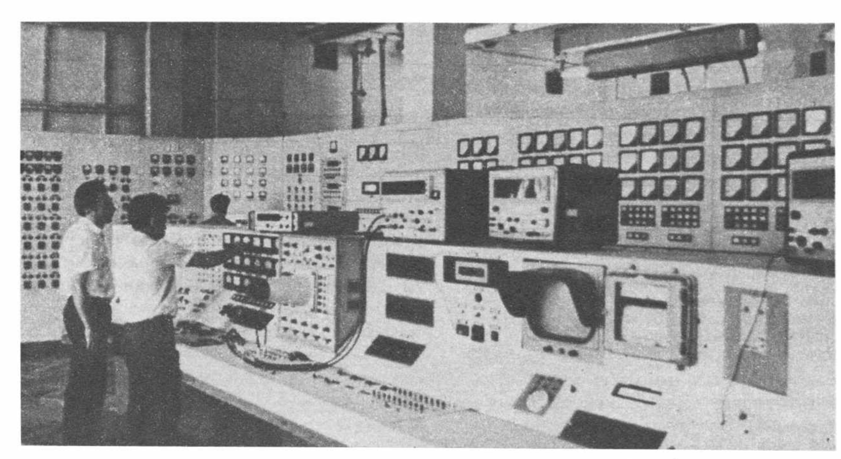
Фото Е. Шулепова (ТАСС).

«ОБЕСПЕЧИТЬ В НОВОМ ПЯТИЛЕТИИ... РАЗВИТИЕ ИССЛЕДОВАНИЙ ПО ЯДЕРНОЙ ФИЗИКЕ...»

Из Директив XXIV съезда КПСС.

ЕГО ИМЯ АРУС

Член-корреспондент Академии наук СССР А. И. АЛИХАНЬЯН отвечает на вопросы корреспондента «Огонька» Ванды БЕЛЕЦКОЙ

Ускоритель частиц становится ускорителем идей, способствует рождению новых научных теорий.

Под нашими ногами на восьмиметровой глубине лежит кольцо ускорителя, тоннель, в котором по магнитной дорожке почти со скоростью света несется поток электронов. От излучения надежно защищает 6-метровая толща земли и два метра бетона.

Рядом высится электрическая эстакада — огромнейшее сооружение, питающее магнит ускорителя переменным током.

Высоко в небо уходит вентиляционная труба, но она ничего не выбрасывает в атмосферу, а лишь забирает чистый, лишенный пыли воздух, который передается в научные лаборатории.

Как верные сторожа, застыли три высокие мачты, защищающие ускоритель от грозовых вспышек молний.

Мы в Ереванском физическом институте Государственного комитета по использованию атомной энергии СССР. Директор института Артем Исаакович Алиханьян один из тех ученых, с чьим именем связаны первые работы в области советской ядерной физики, рождение целой школы по исследованию космических лучей. Недавно к сложным установкам, работающим в его институте, прибавился электронный кольцевой ускоритель — АРУС.

— Чем отличается ереванский ускоритель от своих братьев, построенных у нас в стране и за рубежом?

— У нашего ускорителя есть близнецы. Подобные установки построены в Кембридже в США, в Гамбурге (ФРГ), около Манчестера в Англии. В Советском Союзе наш АРУС единственный. Он ускоряет пучки электронов — легчайших частиц материи, которым гораздо сложнее придать высокие энергии, чем, скажем, протонам. Трудности ускорения электронов заключаются в том, что, совершая свои обороты по магнитной дорожке, они светятся и растрачивают на это излучение часть энергии. Когда же энергия ускорителя достигает 5 миллиардов электрон-вольт, щедрость электронов становится просто катастрофической: на синхротронное излучение они теряют до 90 процентов дополнительно приобретаемой энергии!

Вот почему так медленно ползет вверх цифра энергии электронных ускорителей по сравнению с протонными. Энергия нашего АРУСА — 6 миллиардов электрон-вольт.

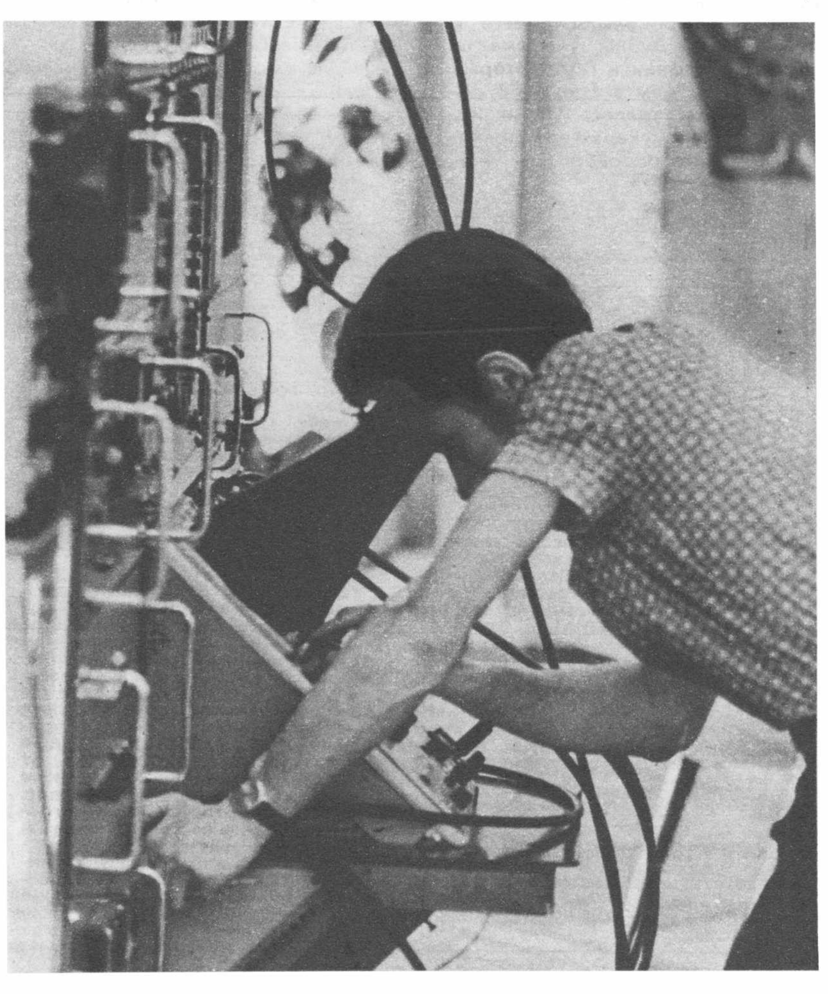
Однако, казалось бы, никому не нужное излучение, эти отбросы ускорения в умелых руках оказались неоценимым подарком для других областей науки, таких, как, например, биология, астрофизика, физика твердого тела.

— С какими трудностями было связано рождение АРУСА?

— Ускоритель подобного типа строился в нашей стране впервые, поэтому прежде всего необходимо было развить теорию ускорения электронов. Много инженерных вопросов должно было быть осознано, поставлено и, наконец,

Почти со скоростью света несется по магнитной дорожке пучок электронов. За его поведением наблюдают исследователи с центрального пульта управления.

Фото Л. ШЕРСТЕННИКОВА.

решено. Здесь исключительную роль сыграла помощь Государственного комитета по использованию атомной энергии СССР, ученых и инженеров многих научных институтов, и в первую очередь НИИ электрофизической аппаратуры имени Д. В. Ефремова в Ленинграде.

Возьмем кольцо ускорителя. 48 магнитов кольца, каждый весом в шестнадцать тонн, должны были быть выполнены с такой скрупулезностью, чтобы магнитное поле у них не отличалось больше чем на одну десятую процента: ведь от этого зависел путь пучка. Электроны по тоненькой кольцеобразной магнитной дорожке почти со скоростью света должны были 11 тысяч раз обернуться по кольцу ускорителя, пройти расстояние, равное пути от Еревана до Ленинграда, и при этом не зацепить стенки вакуумной камеры.

Однако, несмотря на трудности, строить электронные ускорители надо, так как многие вопросы изучения элементарных частиц и ядер можно решить только с их помощью. Наступление на тайны строения материи должно идти с разных сторон, разными методами, на разных исследовательских приборах. АРУС — одна из таких новых установок, чрезвычайно интересных и перспективных.

— Ускоритель уже построен и начал работать. О каких исследованиях, выполненных на нем, уже можно говорить?

— Основная цель строительства ускорителей — исследования строения материи, проникновение в ее недра.

Когда протоны или ядра обстреливаются протонами, то разыгрываются битвы, в которых участвуют мощные ядерные силы. На языке физиков это называется сильными взаимодействиями. Когда же быстрый электрон сталкивается с протоном, то он рассеивается от него и как бы по-своему прощупывает структуру протона. Мы делали опыты вместе с физиками из Дубны, учеными из Венгрии, Румынии и ГДР, которые приезжали к нам в Ереван. В результате нам удалось установить истинные черты характера протона например, опровергнуть мнение о некоем ореоле заряда вокруг него.

Микромир, его причудливые свойства раскрываются при столкновении частиц с большими энергиями. И как литераторы стремятся в своих произведениях создавать конфликтные ситуации, помогающие раскрыть характер героев, так и физики ищут моменты, когда происходят события, раскрывающие роли частиц в строении мироздания, помогающие понять их характер и свойства.

Вот почему центр тяжести современных физических исследований переместился в область сверхвысоких энергий. А здесь возникла проблема опознавания частиц. Для проведения эксперимента частицы материи надо увидеть, зафиксировать и опознать. Когда экспериментатор не знает, «кто есть кто», его исследования бессмысленны. Вот почему одна из важнейших задач проникновения в природу — это опознавание элементарных частиц, умение отличить их друг от друга.

При умеренных энергиях экспериментаторы пользуются излучением Черенкова, основанным на разнице скорости распространения света в определенной среде и скорости частицы в той же среде. Но когда энергия превышает сотни миллиардов электрон-вольт, найти эту разницу практически невозможно, что создает в ряде случаев непреодолимые трудности в применении метода Черенкова.

В чем состоит метод, разработанный нашим институтом? Еще в пятьдесят девятом — шестидесятом годах сотрудник нашего института Григорий Гарибян теоретически предсказал, что при переходе частицы из одной среды в другую наряду с обычным светом должно быть еще невидимое, рентгеновское излучение.

Начались работы в нашем институте еще до строительства ускорителя, а с пуском его стали развиваться особенно интенсивно.

Сейчас уже созданы устройства и полностью отработаны два способа улавливать невидимое излучение и при его помощи узнавать энергию отдельной частицы, ее массу. И пусть само устройство и метод теперь покажутся до смешного простыми, но мы-то знаем, что эти, казалось бы, примитивные приборы стоили десяти лет труда...

Вкратце расскажу суть нашего метода.

Когда частица проходит многочисленные преграды, например, пакет из сотни пленок, то на преградах возникает рентгеновское переходное излучение, тот невидимый свет, о котором уже говорилось. Это излучение вместе с частицей попадает в искровую камеру, наполненную газом с примесью ксенона. В искровой камере становится виден не только след первичной частицы, но и медленных электронов, рожденных рентгеновским переходным излучением.

Взглянув на эти автографы невидимых частиц, экспериментатор сразу понимает, с кем он имел дело. Если трек частицы лысый, то это протон, если средний, то пи-мезон, курчавый, ворсистый — электрон. Глядя на эти фотографии, можно понять, что за битва разыгралась, кто принимал в ней участие, каков ее исход. Понять это можно и без фотографирования автографов частиц, если вместо искровой камеры поставить ксеноновый сцинтиллятор. Ионизационный эффект в камере от переходного излучения в сотни раз больше, чем от частицы. А по ионизационному эффекту тоже можно судить об энергии отдельной частицы, ее массе. Все данные автоматически передаются на электронно-вычислительную машину, которая со свойственной ей точностью докладывает, «кто есть кто».

Хотя этот прибор родился совсем недавно, он уже показал свои возможности. Группа наших сотрудников только что вернулась из Серпухова, где этот детектор проходил испытания. Он с легкостью различал частицы высоких энергий, например, пи-мезоны от электронов.

— Последний вопрос. Ускоритель частиц так или иначе всегда становится ускорителем идей. С одной стороны, открывая новые стороны явления, он способствует рождению научных теорий, объясняющих эти явления; с другой — сам процесс его создания вызывает прогресс в, казалось бы, далеких от физики элементарных частиц науках. Вы уже упомянули о том, что плодами вашего АРУСа пользуются не только физики, но и специалисты других областей. Расскажите, пожалуйста, об этом подробнее.

— В последнее время наш АРУС стал местом самых необычных встреч. Здесь работают радиобиологи, биофизики, специалисты по структуре твердого тела, астрофизики. Например, филиал Бюраканской астрофизической обсерватории проводил у нас настройку оптических инструментов. Как это делается и при чем здесь ускоритель? — спросите вы. А вот при чем. Скажем, телескоп предназначен для внеатмосферного фотографирования спектров далеких звезд и Солнца, на искусственных космических станциях. Но каков масштаб измерений, с каким источником света вести сравнения? Где та строго определенная постоянная величина, самый лучший эталон? Оказывается, это — свечение электрона. Вот почему у нас производится настройка (калибровка) оптических инструментов, в которых точность особенно необходима.

Второй пример приведу из области биологии. В последнее время стало известно, что целый ряд функций организма, таких, как мышечное сокращение или деление клеток, осуществляется не отдельными молекулами, а целыми их ансамблями, напоминающими кристаллы. Изучать поведение этих ансамблей лучше всего с помощью очень узких и очень интенсивных пучков рентгеновских лучей. Вот тут-то биологам приходит на выручку то, что мешает нам, физикам. Я уже говорил о свойстве электронов светиться, что мешает ускорению. Синхротронное излучение, содержащее рентгеновские лучи, стало тем самым тонким и мощным щупом, с помощью которого можно проникнуть в структуру молекулярных ансамблей, понять, что в них происходит, какие функции они несут в организме.

Все это, конечно, очень интересно и захватывающе.

НА ЮЖНОМ ФРОНТЕ

В ноябре сорок первого года, когда политрук Клочков в боях на подступах к столице нашей Родины бросил героям-панфиловцам огненные слова: «Отступать некуда — позади Москва!» — в те же самые дни в жестоких боях на степных просторах Дона политрук Сергей Вавилов, сын России, еще не зная о подвиге своего побратима Клочкова, обратился к артиллеристам батареи лейтенанта Сергея Оганяна с тем же призывом: «Братцы! Отступать некуда — за нами Ростов! Будем стоять насмерть!» И артиллеристы стояли насмерть.

Именно об этом поведали читателям авторы повести «На Южном фронте», бывшие военные корреспонденты Михаил Котов и Владимир Лясковский.

Берущие за сердце горячие строки, опаленные войной,— живое свидетельство участников тех памятных событий.

На ростовской земле в ноябре сорок первого разыгрались события, коим суждено было войти в летопись Великой Отечественной войны. Об этом весьма выразительно свидетельствуют следующие строки:

«Бои за Ростов осенью 1941 года были историческими: здесь наша Красная Армия перешла от обороны в наступление. Воздвигнутый вами памятник будет напоминать новым поколениям советских людей о беззаветном героизме их отцов и дедов, посланцев всех братских народов нашей страны, по призыву партии Ленина грудью вставших на защиту Родины от врага. Никогда не сотрется в памяти народной их подвиг, значение которого было громадным для нашей страны и для всего человечества».

Это слова из письма участника ростовского сражения Леонида Ильича Брежнева, которое он отправил ростовчанам в мае нынешнего года.

Раскрытию исторического значения боев за Ростов и героизму участников памятного ростовского сражения и посвящена повесть Михаила Котова и Владимира Лясковского. Ими проведена большая исследовательская работа, воссоздана широкая панорама жестокого сражения, даны правдивые картины боев за столицу тихого Дона. Показана битва у ранее безвестного кургана Бербер-оба, у которого ныне сооружен памятник боевой славы — противотанковая пушка на огромном бетонном постаменте.

Гитлеровский генерал фон Клейст, командующий первой танковой армией, рвался к Ростову — вожделенным «воротам Кавказа». Дорого обошлась Клейсту авантюра под Ростовом.

О многом интересном и волнующем узнают читатели из повести «На Южном фронте». Они познакомятся с ростовчанином, прославленным героем Малой Земли, журналистом Цезарем Куниковым, жителем Ростова, родным братом Николая Островского — Дмитрием Алексеевичем Островским, чей батальон отважно сражался на улицах Ростова, с племянницей Николая Островского Зиной, павшей в боях на Одере весной сорок пятого...

Выразительно очерчен образ бригадного комиссара Л. И. Брежнева. Мы видим его значительную роль в организации разгрома немцев под Ростовом в ноябре 1941 года, его неустанную деятельность по сплочению сил для отпора врагу. Он непрерывно в гуще бойцов, постоянно заботится о них, бережет каждого солдата.

Главное, что несет людям повесть «На Южном фронте»,— это жизнеутверждающая правда о героических сынах нашей многонациональной Советской Отчизны.

Михаил АНДРИАСОВ

М. Котов, В. Лясковский. На Южном фронте. Журнал «Дон» №№ 3, 4, 5 за 1972 год.

МИХАИЛ АНДРЕЕВИЧ СУСЛОВ

К 70-летию со дня рождения.

А. Куинджи. 1842—1910. ПОСЛЕ ГРОЗЫ. 1879.

Государственная Третьяковская галерея.

БЕРЕЗОВАЯ РОЩА. 1879.

КУИНДЖИ

Борис ЩЕРБАКОВ

Куинджи... О славе его, потрясающей и бурной, о жизни необыкновенной, о судьбе, выкованной собственными руками, имеем мы много свидетельств современников, писанных и устных.

Мне посчастливилось от моего отца, а больше от Аркадия Александровича Рылова, одного из самых любимых учеников Архипа Ивановича, слышать об этом ярком и сильном, как и его произведения, человеке. Рылов любил Куинджи сыновней любовью, и лицо его освещалось внутренним светом при воспоминании о дорогом учителе и друге. Этот не погасший до конца дней свет — свидетельство яркого излучения, истинной человеческой доброты, которой щедро был наделен «глубокомысленный грек», как называли Куинджи товарищи-художники.

В 1842 году в предместье Мариуполя Карасевке, в семье бедного сапожника, грека по происхождению, четвертым ребенком родился мальчик, нареченный Архипом. Судьба сурово встретила нового обитателя земли. Пяти лет он оказался круглым сиротой. Конечно, старшие братья, Спиридон и Елевферий, с голоду умереть не дали, но сама жизнь научила ценить корку хлеба и добро человеческого сердца с самых первых шагов. Вместе с подружкой Настей пасти гусей, собирать кизяки и выполнять иные, не менее важные поручения пришлось уже в шестилетнем возрасте. Преданность этой первой дружбе сохранилась до конца дней.

Помогать слабым, творить добро начал Архип с ранних лет. Сам говорил: «С детства привык, что я сильнее и помогать должен» — и защищал всегда не только товарищей младших, но и животных. Ненавидя всякого рода насилие, был грозой для маленьких мучителей кошек и собак во всей Карасевке... Недаром в Петербурге появился шарж Щербова «Птичий доктор». Ежедневно по сигналу пушки Петропавловской крепости в полдень слетались пернатые жители столицы на крышу мастерской знаменитого мастера, чтоб угоститься вкусным обедом или получить медицинскую помощь. Когда болел сам и не выходил, стучались клювами в окно мастерской. Так же и с людьми было всю жизнь, до самой смерти...

В Карасевке зори ясные. С крутого обрыва степь видна на многие версты, светлой лентой вьется историческая река Калка, а на горизонте море, сливаясь с небом, создает ощущение почти космического пространства.

Солнце редко скрывалось за облаками, быстро пролетали грозовые тучи, освеженная дождем степь благоухала, сверкая яркими красками на фоне уходящей с грозным рокотом темной тучи. Лунные теплые ночи, восходы и закаты над необъятной степью глубоко запали в душу маленького Архипа. Так глубоко, что, воскрешаемые воображением и подкрепленные новыми наблюдениями, давали пищу для творчества, для картин, покоривших Россию.

...Однако, когда мальчику минуло 11 лет, пришлось заняться делами более тяжкими, чем пастьба гусей. Он нанимается работать, выполняя все, что потребуется хозяевам: чистит сапоги, прислуживает за столом и на кухне.

Недолгое обучение в школе дало Архипу первоначальную грамоту, но страсть к рисованию уже тогда овладела мальчиком с такой силой, что он рисовал всюду, где мог: на стенах кухни, в конторских книгах, на обрывках бумаги. Эта страсть и порой удачное ее воплощение обращают на себя внимание хозяев, и, получив письменную рекомендацию, Куинджи в пятнадцатилетнем возрасте отправляется в Феодосию к знаменитому Айвазовскому. Однако коренастый, застенчивый мальчуган не производит серьезного впечатления. Великий маэстро не допускает его в мастерскую. Живет юноша во дворе под навесом, и единственное серьезное поручение, какое ему дают,— это покраска забора. Над его этюдами с пристрастием к ярким краскам посмеиваются близкие окружающие художника люди, впрочем, дают и советы согласно своему разумению. Через три месяца он покидает феодосийский «храм искусств», так и не заглянув в его святая святых. После этого будут несколько лет работы ретушером у фотографов Мариуполя и Одессы.

Наконец, на скопленные сбережения Архип отправляется в Петербург. Мечта попасть в святилище искусства, Академию художеств, еще далека, и никому не известно, как проходят первые шесть лет в столице. Наконец, после двух неудачных попыток автор первой картины, «Татарская сакля», удостаивается академией звания неклассного художника. Ценой отказа от звания его принимают вольнослушателем.

Так первая изображенная Куинджи лунная ночь приносит первый успех — открывает двери Академии художеств, сближает с молодежью, самозабвенно, всей душой преданной искусству. Особенно близкими стали Репин, Васнецов, Макаров, Буров. На 5-й линии Васильевского острова, неподалеку от академии, в кухмистерской «Мазанихи» вечерами разгораются споры о животрепещущих вопросах, о святом служении искусству. Это способствует бурному духовному росту, но острая нужда заставляет Куинджи исчезнуть из академии и из круга новых друзей. Около года о нем ничего не известно. Случайно его находят в мастерской фотографа. Виктору Васнецову с трудом удается уговорить упрямца вернуться к живописи. Он ничего не объясняет, ни на что не жалуется, но на первой же академической выставке показывает сразу три картины.

В этот период Куинджи сближается с молодыми еще передвижниками. Пишет пейзажи острова Валаама на Ладожском озере. Место очень популярное для молодых пейзажистов того времени. Уже в 1873 году «На острове Валааме» направлена академией на Венскую международную выставку. Большой успех имела и картина «Ладожское озеро». Стремление к правде и только к правде захватило художника. Он пишет ряд вещей, которые можно было бы назвать «серым периодом» в его творчестве. Это «Осенняя распутица», «Чумацкий тракт», «Забытая деревня», выставленная на 3-й Передвижной выставке.

Но этот Куинджи пока еще не Куинджи — певец таинственных очарований ночи, живого солнечного света, ослепляющего и трепетного, просторов почти космических, тревоги и тишины, какой не знала русская пейзажная живопись. Лишь с 1876 года, с 5-й Передвижной выставки, с картины «Украинская ночь», начинается тот оригинальный, неповторимый художник, та необычайная слава, которая окружала ярким ореолом имя мастера.

Пожалуй, здесь сама собой напрашивается мысль о содружестве муз, о взаимном обогащении двух сестер: литературы и живописи. Вспоминается образное определение Леонардо да Винчи, что поэзия — это живопись, которую слышат, но не видят. Живопись — это поэзия, которую видят, но не слышат.

Гоголь — властитель если не дум, то сердец того поколения русских людей — проложил пути к успеху произведений Куинджи. Его поэтическая страница, начатая вопросом «Знаете ли вы украинскую ночь? О, вы не знаете украинской ночи!», получила зримое, пластическое выражение в картине художника. Пресса дружно отметила большой успех этого произведения.

«Пчела» писала: «С глубиной поэтического захвата и с энергией формы, с энергией, так сказать, художественного языка, каким высказана эта ночь, не может мериться ни одно из остальных произведений». Выдержала картина испытание и на Международной выставке 1878 года в Париже. У Стасова в отчетной статье приводимые отзывы французов более всего касаются «Украинской ночи», и, конечно, не случайно. Упреки в некоторой схематичности рисунка с лихвой перекрываются сильным поэтическим аккордом, атмосферой, живой и трепетной, мощным звучанием красок. В этом полотне определилась творческая судьба Куинджи — чародея, поэта необыкновенной силы, творящего живой свет из обыкновенных красок.

В 1878 году, на следующей выставке передвижников, появились «Лес» и «Вечер на Украине», имевшие успех, но в известной степени заставившие насторожиться таких чутких и тонких ценителей живописи, как Крамской. «Суконные деревья, наивность и примитивность рисунка исключительные»,— пишет он о «Вечере», впрочем, отдавая должное огромному таланту художника и необычайной его способности передавать световые эффекты. На 7-й выставке в 1879 году Куинджи вновь покоряет всех тремя картинами: «Север», «После грозы» и «Березовая роща».

Широкий эпический простор «Севера», прощальная картина северной природы контрастировали с эффектным освещением «После грозы» и мажорным аккордом ослепительного солнца «Березовой рощи». Построенная с известной декоративной условностью, картина эта поражала зрителя необычной свежестью красок, передававших ослепительное солнце и воздух до физической ощутимости.

Это было последнее выступление Куинджи на выставках передвижников. Между ним и Клодтом произошло бурное столкновение по вопросам принципиальным, в результате которого оба вышли из Товарищества.

Вскоре, в 1880 году, Куинджи совершает акт редкий по своей дерзости и конечному результату. Он устраивает в Обществе поощрения художеств выставку одного пейзажа — «Ночь на Днепре». Слухи о необыкновенной картине распространились задолго до выставки. Появились сообщения в прессе, заинтриговавшие публику. Двери мастерской были открыты для всех желающих по воскресеньям в течение двух часов. Началось небывалое. Картина была выставлена на Морской, в

помещении Общества поощрения художеств. Счастливы были попавшие посмотреть полотно в первые дни, ибо потом началось столпотворение. Кареты и коляски выстроились очередью в версту длиной. Появившиеся во всех газетах статьи с неслыханными доселе отзывами создавали атмосферу возбуждения умов, что усиливалось восторгами счастливцев, проникших в выставочный зал, где художник с красивой головой ассирийского царя при свете ламп показывал свой пейзаж.

«Какую бурю восторгов поднял Куинджи! Вы, вероятно, уже слышали... Этакий молодец — прелесть»,— пишет Крамской Репину. А Репин затем передает свои наблюдения: «Восторги зрителей переходят в какую-то молитвенную тишину: слышны только вздохи». Это было ново, неожиданно и вместе с тем покоряло, рождало любовь и преклонение перед силой таланта, перед неожиданностью его открытий. Подлинно новаторский дух творчества Куинджи отмечался всеми. Известный критик того времени Н. Вагнер, пишет: «Трудно теперь предсказать, куда пойдет пейзажная живопись, но перед ней распахнулось что-то широкое, светлое, совершенно новое, небывалое, чего никто не ожидал, о чем никто не смел думать... Какая же сила должна быть у художника, который смело, широко распахнул эти двери и открыл новую неведомую область!»

Но не только критики, писатели, художники, ученые берутся за перо, чтобы выразить свое отношение к необычному явлению в искусстве. Концепция о том, что новаторское искусство обязательно должно быть не понято и поругано современниками, опрокидывается Куинджи.

Меценатствующий великий князь Константин, купивший «Ночь на Днепре», взял картину с собой на фрегат в кругосветное путешествие. Тургенев с трудом уговорил Константина показать шедевр Куинджи парижской публике. Увы, всего на десять дней! Слава живописца достигает своего апогея. Суворин пишет: «Такой картины нет в целом мире, нет в мире искусства». Поэт Полонский, вернувшийся из путешествия по Европе, утверждает: «По силе колорита, по блеску красок не видел ничего подобного». Крамской, обеспокоенный тем, что могут потемнеть краски, во избежание несправедливого отношения потомков к восторгам современников предлагает составить «протокол» в том, «что «Ночь на Днепре» вся наполнена действительным светом и воздухом, его река действительно совершает величественное течение, и небо настоящее, бездонное и глубокое».

«Украинская ночь» породила явление в искусстве, носящее имя Куинджи, а эта третья его ночь, «Ночь на Днепре», принесла ему громкую славу, какой не знал ни один пейзажист на Руси.

В 1882 году последняя выставка Куинджи в Петербурге. На ней три картины: «Ночь на Днепре», «Березовая роща» и «Днепр утром». И тут совершается опять необычайное. Художник, достигший зенита славы, получающий со всех сторон заказы на повторение своих картин, не говоря уже о новых, вдруг закрывает для всех двери своей мастерской и не показывает ни одного полотна ни на одной выставке до самой своей смерти.

Тридцать лет затворничества, тридцать лет молчания для человека, полного сил и кипучей жизненной энергии! Для многих это было загадочно и непонятно тогда, не совсем понятно и сейчас. Во всяком случае, это было решение, свидетельствующее о большой внутренней силе, способности к нравственному подвигу, к победе самой трудной, к победе над самим собой, над своими страстями, честолюбивыми помыслами, жаждой славы, которых был не чужд автор знаменитых картин. Здесь необходимо сказать о Куинджи-человеке, ибо и с этой стороны он представляет собой явление столь же необычное и яркое, как и в творчестве.

Куинджи, с детства видевший горькую нужду, не забывал этого всю жизнь. И им овладела идея борьбы с нищетой, желание помочь каждому, кто нуждается. Для этого нужны деньги, и деньги большие. Куинджи удается и это. С помощью хорошо продуманных операций с покупкой домов, которые он, приведя в порядок, продает с большой выгодой.

Но, став богатым, он сохраняет образ жизни аскетический. Демократ по духу, он с женой живет по-студенчески, не признавая прислуги. Как установился скромный бюджет в период начала жизни, так и остался до конца дней. Для себя только необходимое, для друзей, для нуждающихся в помощи все возможное, вплоть до расточительности. Правда, со временем Архип Иванович начинает сознавать безнадежность единоличной борьбы с морем людской нужды и вынужден разбираться в просьбах, которые пошли потоком. Как птицы слетались в час полуденный к доброму человеку и стучались клювами в окно мастерской, так и люди стучались в двери дома. Особенно же активно помогал Куинджи молодым художникам, без просьб, сам узнавая и находя нуждающихся.

В 1894 году Куинджи вместе с товарищами-передвижниками Репиным, Шишкиным, В. Маковским, Кузнецовым был приглашен преподавать в Академию художеств. Тут начинается очень короткий, но весьма плодотворный период, создавший если не школу, то целую плеяду талантливых, ярких художников, горячо любивших своего учителя до конца дней. Рылов, Рерих, Пурвит — это только три из окончивших мастерскую Куинджи.

Каждый из них оставил яркий, самостоятельный след в искусстве. В 1895 году Куинджи устраивает на свой счет поездку учеников в Крым. Они живут там и работают несколько месяцев, затем разъезжаются каждый в свою сторону, снабженные деньгами на проезд. В крымском имении Куинджи не было дома. Сам он с женой жил обычно в разборной палатке, состоящей из шести деревянных щитов. Ученикам пришлось устраиваться и того проще, однако этюды, привезенные этим летом, заметно выделили мастерскую среди остальных.

В 1897 году происходит инцидент, приведший к неожиданной развязке. Один из учеников, не узнав нового ректора академии, не поздоровался с ним при встрече, тот в весьма оскорбительной форме сделал выговор провинившемуся. Студенты устроили забастовку. Был созван экстренный совет академии. Куинджи просил разрешить ему поговорить со студентами, зная свое влияние. Ему было в этом отказано, однако он все-таки пошел и просил разгорячившуюся молодежь приступить к занятиям. На другой день, как вспоминает Рылов, академия была оцеплена полицией, двери заперты, студенты исключены, а Куинджи получил от президента, великого князя Владимира, предписание в 24 часа подать прошение об отставке. Крыжицкий свидетельствует, что Куинджи, получив это известие, упал в обморок: так тяжел был для него этот удар — отлучение от любимого дела.

Через несколько дней опальный профессор получил организованный учениками приветственный адрес, в котором горячо и искренне было изложено отношение молодых художников к своему любимому учителю. Вот характерный факт. По окончании академии обычно посылались в заграничную командировку выпускники, получившие золотые медали. Куинджи решил повезти за рубеж весь свой выпуск, что и было осуществлено в мае 1898 года. Это путешествие осталось незабываемым на всю жизнь для всех участников. Забота Куинджи о молодежи была неустанной и действенной. Отставной профессор проводит через совет академии решение об устройстве «Весенней выставки» и жертвует на ежегодные премии молодым художникам сто тысяч рублей. Не откликнуться на такую акцию было нельзя, и президент, великий князь Владимир, которого Куинджи перестал замечать при встречах после своей отставки, вынужден был пожаловать ему чин действительного статского советника. Художник нанес визит президенту в его резиденции на Дворцовой набережной, и вот как рассказывал он об этом Рылову:

«Владимир очень любезный был. Усадил меня в кресло, предложил папиросу, спрашивал о здоровье, а потом спросил: «Ну, как дела в академии?» Я ему говорю: «Плохо». «Как? Почему? Кто виноват в этом?» «Виноваты прежде всего вы, ваше императорское высочество»,— выпалил я князю. Тот вскочил удивленный и спросил: «Почему же?» «Вы президент, а не посещаете академии, не знаете, что там делается». Князь смутился и сказал: «Ну да, это правда, даю вам слово, что завтра же буду в академии». Потом я ему сказал: «Вот вы купили на прошлогодней «Весенней выставке» декадентскую картину Кандинского, и под ней был повешен ярлык: «Приобретено августейшим президентом академии его императорским высочеством и т. д.» Публика в недоумении». «Ну, Архип Иванович, это я для шутки наследнику в подарок, он такие штуки любит». «Вам, президенту академии, шутить с искусством нельзя»,— бросил я ему на прощание. Князь снова смущенно пробовал возразить, но, видимо, ему впервые пришлось слышать такую откровенную речь...»

Эта сценка прекрасно характеризует Куинджи, его независимый дух, прямоту, заботу о судьбах искусства. Архип Иванович не забывал своих питомцев и после окончания ими академии. Он первый благословил на долгую жизнь «Зеленый шум» Рылова. Ученики, в свою очередь, с большим трепетом относились к творчеству учителя. После почти двадцатилетнего творческого затворничества он решил показать немногим свои картины. С каким волнением эти избранники ожидали, когда отодвинется черный занавес и перед ними возникнет картина. В этом волнении была и боязнь: а вдруг любимый художник не на высоте? Однако, как мы теперь знаем, в этот период было написано немало прекрасных вещей, и среди них такие, как «Закат в степи», «Облако», «Христос в Гефсиманском саду», «Ночное», ничуть не уступавшие тому, что в свое время сделало никому не известную фамилию Куинджи одной из самых знаменитых в России.

Особой прелестью дышит «Ночное». Холод ощущается в бесконечности предрассветного неба. Тихая, чистая и светлая грусть, далекий, далекий горизонт, тонкий серп месяца и не пробудившаяся еще река. До предела простая и тонкая живопись. Нет, напрасно тревожились молодые сердца учеников, напрасно с беспокойством думали они: «А работает ли Куинджи?» — и с радостью замечали красный ободок вокруг большого пальца руки — след от тяжелой палитры. Нет. Не напрасно прожиты долгие годы, не угасла ни на миг огромная любовь к искусству. «Иллюзия света была его богом, и не было художника, равного ему в достижении этого чуда живописи»,— восклицает Репин. Но вторым богом этого солнцепоклонника было добро, которое он творил от детских сиротских лет до последнего вздоха. По инициативе друзей Куинджи во главе с Крыжицким был разработан план создания Общества художников, и 6 декабря 1908 года состоялось первое собрание учредителей.

Архип Иванович не хотел на нем присутствовать, так как жертвовал на нужды будущего объединения огромную сумму наличными и свои земли в Крыму. 19 февраля 1910 года состоялось торжественное открытие Общества, а в марте Куинджи составил завещание, по которому передавал Обществу все свои произведения и средства с обязательством выплачивать пенсию Вере Леонтьевне.

Через четыре месяца после открытия Общества от тяжелой болезни сердца умирает его основатель. Отныне Общество носит имя Куинджи, оно продолжало свою жизнь свыше двух десятилетий, устраивая ежегодные выставки и еженедельные собрания — «пятницы», имевшие большое культурно-просветительное значение. Занимало оно большую, восьмикомнатную квартиру с концертным залом на Морской. Здесь собирались артисты, писатели, ученые, взаимно обогащая друг друга плодами своего творчества, на стенах развешаны были картины Куинджи, созданные в период тридцатилетнего молчания.

Мой отец, бывший секретарем Общества в течение ряда лет, принимал живое участие в устройстве ежегодной выставки, в организации «пятниц», и мое детство прошло где-то рядом с этими событиями.

Куинджи... Неумолимое время заставило померкнуть краски, некогда сверкавшие на дивных полотнах живописца, воспевшего родную природу, потускнел волшебный свет, покорявший современников. Ослабели колдовские чары его картин, но осталась его непреклонная вера в победу солнца, которую он с такой мощью воспел в своих творениях.

СССР глазами друзей

ХАШАР

Йозеф МАШИН,
корреспондент газеты «Руде право» в Москве
Фото автора.

Уже много лет я работаю в Советском Союзе. Любознательность для журналиста — это не просто черта характера, а необходимое профессиональное качество. Я не могу, скажем, не обратить внимания на то, что главный врач современной поликлиники в городе Кировске на Кольском полуострове — грузин по национальности, на то, что среди слушателей Кишиневского университета много вьетнамцев, немцев, чехов, словаков, что на строительстве Саяно-Шушенской ГЭС работают рука об руку с сибиряками украинцы и белорусы, что Ленинский мемориальный комплекс в Ульяновске вместе с советскими строителями сооружали посланцы молодежи из братских социалистических стран.

В языках среднеазиатских народов я часто встречал слово «хашар». Оно означает бескорыстную помощь, родственную или соседскую, как правило, при постройке жилья. Это слово обрело особенно глубокий смысл в дни, когда представители всех республик Советского Союза поспешили на помощь Ташкенту, пострадавшему от землетрясения. Из многих городов шли тогда в столицу Узбекистана материалы, машины и лучшие проекты. Хашар необычайных размеров! Рука, протянутая брату в несчастье. Во время моего пребывания в Ташкенте строители из Вильнюса уже заканчивали один из жилых домов с детским садом, соревнуясь со своими коллегами из Белоруссии и Российской Федерации.

Сегодняшний Ташкент — прекрасный символ братства народов великой Страны Советов.

Советский Союз, строя социализм, ликвидировал национальный гнет, объединил под мудрым руководством Коммунистической партии народы и народности, живущие на территории бывшей царской России, в единую дружную семью.

Недавно в Катангском районе, самом северном районе Иркутской области, мне говорил один старый охотник-эвенк: «Посмотрите на наших детей: они учатся и живут в школах-интернатах. В наши края первый врач и учитель приехали только при Советской власти, а сегодня у нас во многих деревнях есть поликлиники или прилетают регулярно бригады врачей. Мы хорошо зарабатываем на охоте, живем счастливо. Наша благодарность русскому народу, Советскому правительству и Коммунистической партии».

Представители всех национальностей Советского Союза называют русский народ своим старшим братом. И по полному праву. Это уважение к старшему брату, который много сделал для счастья человека, всего человечества.

Без преувеличения можно сказать, что именно единство, основанное на правильной национальной политике, помогло советским людям успешно вынести исторические испытания и в первые годы существования Советского государства и во время Великой Отечественной войны, когда на плечи советского народа легла основная тяжесть борьбы с гитлеризмом. И как бы ни пыталась буржуазная пропаганда умалить заслуги и роль советских войск в победе над гитлеровской Германией, она не может опровергнуть тот факт, что решающие сражения этой войны проходили на советско-германском фронте, что именно здесь были разбиты основные силы фашизма.

К Советскому Союзу относятся как к старшему брату народы других социалистических стран. Значительную поддержку у него находят и развивающиеся страны, которые освободились от колониального гнета империалистических держав. Развивающиеся страны видят в первом социалистическом государстве маяк, прообраз своего собственного будущего. Политика Советского Союза является моральным стимулом для трудящихся капиталистических стран в борьбе с эксплуататорами.

Мир капитала не собирается добровольно уйти с арены истории. Классовая борьба продолжается. Вынуждена отрабатывать свой хлеб и буржуазная пропаганда. Весь арсенал идеологической борьбы используется для разжигания националистических страстей. Империалисты пытаются любыми способами оболгать ленинскую национальную политику Коммунистической партии Советского Союза, разрушить дружбу советских народов и братский союз первой в мире социалистической страны с ее последователями и союзниками в Европе, Азии и Латинской Америке. Это подтвердили и события в моей стране, когда правые оппортунисты под аплодисменты Запада взяли курс на реставрацию буржуазной демократии. За крикливыми лозунгами о «чистой демократии» и «гуманном социализме» стояли представители бывших эксплуататоров, антисоциалистические силы. Против интернационализма поднялись волны национализма. Все это должно было создать атмосферу для разрыва с братскими социалистическими странами, и прежде всего с нашим освободителем — советским народом.

Кому мешают наша дружба и сотрудничество? Только тем, для кого вся мировая социалистическая система, единство стран социализма, их растущая экономическая мощь и влияние на трудящихся других стран словно бельмо в глазу. Советский Союз достиг колоссальных экономических успехов. По сравнению с 1922 годом — годом образования СССР — произведенный национальный доход страны увеличился более чем в 100 раз. Объем промышленной продукции — основы экономического могущества страны — за полвека увеличился, например, в Грузии в 150 раз, Узбекистане — в 228 раз, Киргизии — в 381 раз, Армении — в 483 раза, Таджикистане — в 500 раз, Казахстане — в 558 раз.

Одним из источников силы первой в мире страны социализма является мудрая ленинская национальная политика, ее интернационализм. Благодаря последовательному проведению в жизнь этой политики мы говорим сегодня о новой исторической общности людей — о советском народе, народе — созидателе и творце, защитнике завоеваний социализма, народе-победителе.

Этот снимок я сделал в Якутии. Кем станет малыш? Врачом, ученым, артистом?.. Перед ним страна открыла широкий путь.

Надежда
КОЖЕВНИКОВА

Фото А. НАГРАЛЬЯНА.

Со свадебной фотографии, висевшей на беленой стене украинской хаты, склонив друг к другу головы, смотрели новобрачные. Несовременность, старинность были заметны даже в самом выражении их лиц. Манера смотреть в объектив доверчиво и открыто, с серьезностью, порождаемой ответственностью момента, как бы ставила на фотографии еще одно клеймо, помимо того, что фиолетовыми виньетками было напечатано на обратной стороне толстого картонного паспарту. Клеймо — напоминание о запахе темного, чем-то занавешенного маленького ателье, о фотографическом аппарате на подставке со страусиными ногами, о согбенной спине фотографа, выскакивающего из-за своего аппарата со сказочной неожиданностью... А может, то был заезжий фотограф и никакого ателье не было?.. Может, он случайно оказался на той свадьбе?.. Неизвестно... Но все это случилось давно. Приметы времени были в прочно сложенных на коленях руках, в выцветшем фоне коричневатого с разводами снимка. Солдатские усы мужчины воинственно топорщились...

Новобрачные были очень, очень молоды...

Фотография висела в чисто выбеленной хате, где за длинным дощатым столом собрались люди; хозяйка в платке, низко надвинутом на лоб, почти закрывающем ее лицо с врубленными смуглыми морщинами, оглядывала стол: у всех ли налито, лежит ли закуска. В хозяйке трудно было сейчас признать молоденькую новобрачную с фотографии. Но рядом сидел ее муж, и на лице его все так же воинственно топорщились жесткие солдатские усы.

Муж и жена сидели за столом точно так же, как на старинной фотографии,— очень прямо, торжественно. Плечи их хоть и не касались друг друга, тем не менее казались слитными. Будто срослись они за пятьдесят прожитых вместе лет, будто одним человеком стали — отец и мать семейства.

А семейство большое... Семь дочерей, один сын и двадцать четыре внука. Внуки ко взрослому столу пока не допускались. А дети сидели рядком — по старшинству. У всех одинаково высокие скулы, широковатые носы и как бы чуть вспухшие губы, глаза, немного оттянутые к вискам, у всех — озорные, веселые.

Когда они запели, родственное сходство еще больше увеличилось. Ну, как один человек! И просто невероятно расщедрилась природа на эту семью, всех десятерых одарив прекрасными голосами, музыкальностью, артистизмом.

Они пели, и голоса их сливались с такой унисонной чистотой, будто у них была одна гортань, одно сердце, одни легкие, да еще это внешнее сходство — губы, глаза, подбородки. Они пели старинные народные песни, обрядовые. Например, «Куст».

Обряд «Куст» упомянут еще в Ипатьевской летописи: это языческий праздник — приход весны, поклонение солнцу. Праздник радостный, с венками — символами солнца, с хороводами вокруг цветущего дерева — «Куста», с заклинаниями и наговорами.

«Куст» в своем подлинном, старинном варианте сохранился в очень немногих украинских селах. Семья Чудиновичей исполняет именно такой вот подлинный, редкий вариант. Переходила песня «Куст» от поколения к поколению. Мать Мария Павловна Чудинович выучилась песне от своего отца, а потом пела «Куст» своим детям. Теперь вместе с мужем и детьми Мария Павловна создала очень хорошо спетый ансамбль. И многие знатоки народного творчества, старинной обрядности рады подолгу слушать Чудиновичей. Они поют и в концертах, поют на телевидении — правда, редко. Но многие уже слышали их и знают далеко за пределами родного колхоза «Партизан», что в Дубровицком районе, Ровенской области...

Кроме подлинности материала, у Чудиновичей есть еще подлинность самих жизней, связей — исконных, древних — с народными традициями, с той земной глубинной основой, что породила и этот языческий праздник земледельцев и давнюю, из поколения в поколение передаваемую любовь к земле, солнцу, крестьянскому труду...

Они поют, семья Чудиновичей, а на коленях в непривычной, тяжелой неподвижности лежат их руки, широкие, сильные, рабочие. Земля глубоко, прочно въелась в кожу этих рук. Чудиновичи сидят, выложив, как один, на колени свои руки, но позы их не кажутся скованными, нарочитыми. Руки, десять пар рук, отдыхают. Этот короткий отдых надо ценить...

Чудиновичи поют необыкновенно, будто после долгих, упорных спевок: складно, срепетированно. Хоровики-то знают, с каким трудом дается пение «в один лад». Чудиновичам, правда, легче. Они поют не от репетиции к репетиции, а постоянно. Поют, пока работают, укачивают детей, занимаются хозяйством. Поют и вместе и врозь. Хотя, кажется, до пения ли им?.. У каждого своя работа, своя ответственность. Анна, Ольга и Онисья работают в колхозе на фермах, Яков — комбайнер, Мокрина и Полина выращивают лен, Александра — строитель-дорожник, самая младшая, Вера, окончила медицинский техникум — она фельдшер в соседнем селе. Просто невероятно, когда находится время петь! Ведь дома еще и дети... Но если вдуматься, какой же древний, властный инстинкт родил в людях песню — самое желание петь и песней выразить всю горечь и радость сердца, все волнения, тревоги и надежды. Поэтому-то так сильно действует на всех нас человеческий поющий голос...

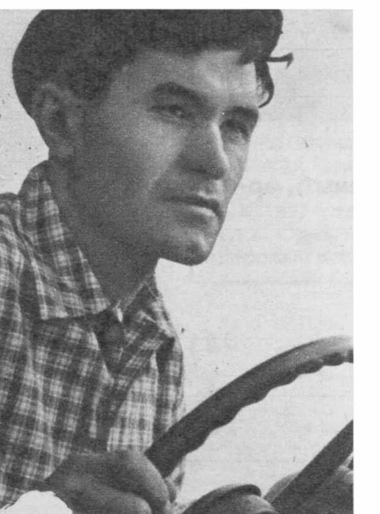
Семья Чудиновичей большая. Дети выросли и зажили своими домами. Несколько аккуратных хаток стоят над оврагом одна за другой, близнецово похожие. У крыльца горой лежат ярко-желтые тыквы, твердые и бугристые. Ходят куры, высокомерно блестя пуговичными глазами. Село Сварицевичи, где расположилась усадьба колхоза «Партизан», находится на Полесье. Прямо у домов — многолетние сосны с розоватыми, будто сорвали с них кору, стволами. А под ногами белый, рассыпающийся песок, на котором вырастает замечательный картофель. В Полесье любимое блюдо — рассыпчатый, сочный картофель, его подают на стол в дымящихся чугунках, семья садится обедать... Дети пришли навестить родителей — еле уместились за столом. Дочки повыходили замуж, сын женился, только Шура на выданье осталась, теперь она в доме родителей главный распорядитель: приносит тарелки, накладывает еду, бегает, блестя сережками и узкими «чудиновичскими» глазами. «Папа, здесь садитесь. Мама, куда же вы?» Сестры подчиняются команде младшей, слегка посмеиваясь. Впрочем, у нее профессия командирская, мужская — строитель.

А потом Чудиновичи опять поют, потому что привыкли петь, хотят и любят петь... Потому что для них естественно жить в песне.

Сын комбайнер Яков.

Концерт на полевом стане.

Невестка Татьяна.

Утро на ферме.

ТЬ В ПЕСНЕ...

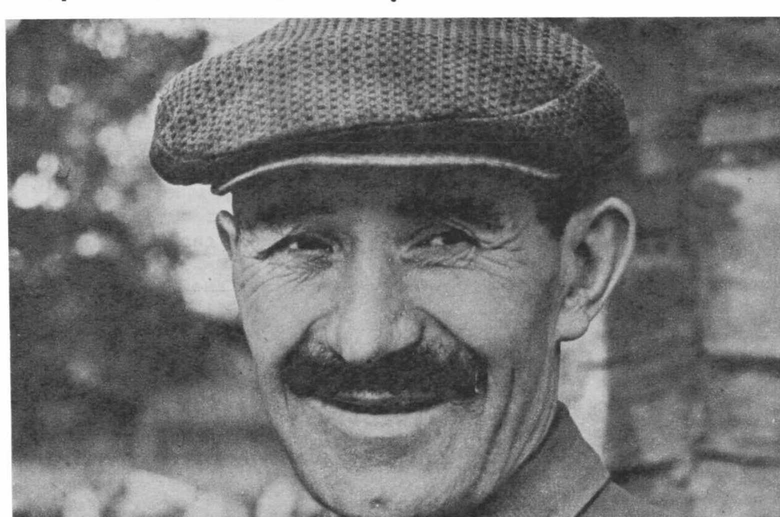
Полина собирает лен.

Мать Мария Павловна.

Отец семейства Василий Петрович.

ДА БУДЕТ

СЕРДЦЕ

Чужое сердце в грудь пересадили,
И человек другому сердцу рад,
Весь мир обходит весть об этой были,
Мир удивлен,
Все: «Чудо!» — говорят.

По-прежнему он дышит и гуляет,
Живет —
Тень смерти не висит над ним,
Печаль исчезла,
И благословляет
Чужие руки сердцем он чужим.

Раз не могу — такая мысль тревожит —
Беречь тебя в счастливой тишине,
А вдруг и ты изменишь мне, и тоже
Чужое сердце пересадят мне.

Пускай сто лет я проживу, как люди,
Что равнодушны в жизни ко всему,
Чужое сердце — с ним стихов не будет,
Чужого сердца боль я не пойму.

Когда мое достанут обнаженно,
Отнимут сердца близкого мне звон,
Придет минута горечи и стона —
Кому без сердца нужен этот стон?

Не дай мне бог испытывать такого,
Меня трясет от этой мысли страх:
А вдруг бесчеловечного и злого
Мне пересадят сердце впопыхах?

Покой души моей тоска изгложет,
И, как ручей, иссякнет жизнь моя.
Чужим я сердцем полюблю кого же?
Кого же с ним возненавижу я?

Один останусь, на вопрос суровый
Как мне себе ответить, не пойму:
— Зачем я отнял сердце у чужого,
Чтоб жить как можно дольше самому?

Пока я этой болью не страдаю,
Но день придет, не миновать его,
Скажу:
— Такой я жизни не желаю,
Умру пускай от сердца своего.

Зачем сто лет мне жить, в тиши немея,
Не знать
Любви, ни радостей труда?
Чужое сердце боли не имеет,
Стихов с ним не напишешь никогда.

* *
*

Всего два дня, как путь в село направил,
С родными встреча так еще свежа,
А что-то, что в Тбилиси я оставил,
Зовет меня: скорее приезжай!

Я словно в море высохшем и дальнем,
Одно лишь одиночество вокруг,
В родном селе я сироты печальней,
В Тбилиси я оставил сердце вдруг.

Я не живу, мое сознанье гаснет,
И нити грусти с каждым днем сильней.
А кто-то мне рассказывает басни,
И новости, и сплетни сельских дней.

И все это бесследно пылью тает,
Одной тобой наполнена душа,
За горло прямо так меня хватает,
Что ты в Тбилиси, не со мной дыша.

Бледнеет ночь, гора синеет строго,
И хор берез уж по ветру звучит.
Изгнать с тобой нас только вместе могут,
Друг с другом нас никто не разлучит.

И вот сейчас на этом сельском камне
Твоей улыбки жажду, полюбя.
Почувствовал, что ты всегда близка мне,
Только сейчас, далеко от тебя.

Пускай кувшин бездонных сельских сплетен
Не иссякает, пусть меня зовут
Спесивцем и влюбленным люди эти,
Пусть говорят, что важничаю тут,

Что не забочусь о селе и людях,
Случайный гость, лишь мимолетный глаз,
Что от меня им радости не будет —
Не заглянул к соседям ни на час.

На что мне люди, что мне их обычай?
Иду, своим я часом дорожа,
Да, я иду, меня ведь сердце кличет:
— Скорее приезжай!
Скорее приезжай!

Перевел с грузинского Николай Тихонов.

«МЗЕ ШИНА»

Тебя, красивую и молодую,
Что станом, гибкостью сродни газели,
Уж сколько лет совсем напрасно жду я,
Когда зову пройтись по Руставели.

Сказать по правде, ты сама ребенок,
Сама, как мир, весною хорошеешь.
Но, видно, с первых наших дней
влюбленных
Ты чувство материнское лелеешь.

Все солнце для тебя в твой дом спустилось,
В двух колыбельках малых уместилось.
В большую песнь твой нежный голос
входит...
И мне он больше всех других подходит.

Твоих точеных пальцев взмахи,
знаешь,
Еще милей у колыбелек этих.
Смеешься ты, что сон свой потеряешь.
Твой сон прекраснее всех снов на свете.

Весну узнав так рано и так смело,
Ты ничего в себе не потеряла.
Ты сеть мечты своей соткать сумела
И ласточек своих запеленала.

И время около тебя — под стать
Тому ломтю единственного хлеба,
Который для себя жалеет мать.
Ты для грузинских и земли и неба
Не хочешь даже мига потерять.

Ведь для тебя живут, как дни, как нивы,
Бакури, Тамта,
сбывшиеся снами...
Когда о них кто скажет: как красивы!..
Витаешь ты за девятью горами.
Ты хочешь, хочешь, чтобы все сбывалось,
Чтоб так же солнце Грузии смеялось

Навечно — годы, месяцы, недели;
Все наши горы, склоны и равнины...

И не выходишь ты на Руставели,
И про себя поешь себе:
«Мзе шина»[1].
«Мзе шина»...
В доме у тебя весна.
И тишина, цветы, порханья, краски
И солнечных лучей — твоих детей —
Ответные тебе
и смех и ласки.
Так и живешь, верна светлейшей цели!..
Как не сказать, что долг бессмертен твой,
Что пред тобой не только колыбели,
А будущее
Грузии самой!

ПИСЬМО В ЛАГОДЕХИ

Ты думаешь, забыл
я шум твоих ветвей
И отказался сыном быть твоим?
Что я порой иду в тени твоей,
Как гость, случайной жаждою томим?
Нет! Не сердись напрасно на меня.
Ты мать мечты моей
на утре дня.

Какое там забвенье! И о чем
Нам забывать? Я жив твоим плечом.
В моей душе все веточки твои
Нашли приют.
Пусть мы живем в разлуке,
Я в безграничности моей любви
Всегда к тебе протягиваю руки.

Что мне поделать! Я не назначал
Себе судьбы в нежданном отдаленье.
Ты — мыслей всех моих один причал,
В тебе — стихов моих сердцебиенье.
Когда смотрю я в будущее, ты
Мне видишься как цель моей мечты.
С зеленых гор дожди ко мне летят...
Шумит во мне твой вечный водопад...

Стихи — лоза. Вот солнцем залито,
Вот ливнем поле. Это не помехи.
У нас одни успехи-неуспехи...
Ведь для меня
совсем другое то,
Что для других всего лишь Лагодехи.

ЗЕЛЕНАЯ БАЛЛАДА

Ладо Асатиани.

Не тронутые старостью глядели
На мир
зелеными
глазами
ели.

Зеленые их косы колыхались...
Стояли ели. Свету улыбались.
Зеленым цветом — цветом жизни вечной,
Земной, небесной, жизни человечной.

Здесь пела жизнь сама в минуту эту,
Подобная бессмертному поэту.

А сам поэт?.. Чем опечален он?
Минувшим или тем, что впереди?

Сегодня, здесь, где жизнь со всех сторон,
Он тяжесть ощутил в своей груди.
Ладо! Ладо! Какую пустоту

[1] «Мзе шина» — дословно «солнце дома», подразумевается «радость дома», «счастье дома».

ВЕЧНО ТАК

Бердия БЕРИАШВИЛИ

Вдохнул он вдруг и зелени поведал:
«Зачем мне бог дал жизнь, любовь, мечту,
А времени для этой жизни не дал?»
Сказал он елям, прижимая грудь
К стволу, летящему навстречу свету:

«Немного зелени и юности чуть-чуть
Подайте, ели, вашему поэту.
Дыханья дайте, ощущенья гула
Ветров, что могут целый мир обнять...»

Склонилась ель и ветви протянула,
Чтобы поэта на руки поднять.
Но... мгла взошла внезапно из расселин.
И все. Не видно больше ничего.

И только в том, что стих стал вечно зелен,
Исполнилось моление его.

ДЕРЕВНЯ АСАНУРИ

Я снова увидел и гору мою и ложбину,
Деревню родную, как молодость, после
разлуки.
Как мать, я хотел бы обнять ее и как
судьбину,
Как к детству, к деревне мои
простираются руки.

Здесь каждый мне кустик знаком
и травинка любая.
Моя Асанури дороже мне лучших селений.
Моя Асанури! Она моя клятва святая,
Хоть только лишь пастбище
для ранних
оленей.

Я кланяюсь лозам, растут виноградников
волны.
Склоняюсь пред деревом, дверью,
и склоном, и долом.
Любовь немотой одарила меня.
И безмолвно
Я вновь за зеленым, как лес,
материнским подолом.

Взойдет ее утро в глазах моих,
как восходило.
Как скатерть, расстелется луга
слепящая сырость.
Она, Асанури, меня малышом проводила.
Теперь пусть увидит, как мама, насколько
я вырос.

Я вижу, что щеки ее розовеют, как вишни.
Не надо нам звать ветерком ее вздох.
Так негоже.
Одна только горсть ее почвы, земной
и всевышней,
Не просто всех гор,
а всех гор золотых
мне дороже.

Здесь каждый мне кустик знаком
и травинка любая.
Моя Асанури милее мне лучших селений.
Моя Асанури! Она моя клятва святая,
Хоть только лишь пастбище
для ранних
оленей.

ИСТИНА

Ты хочешь правды? Все на это ставишь?
Тогда готовь заранее коня.
Ты в одиночку мира не исправишь.
Чужой неправды бойся, как огня.

Лису твой недруг именует львом.
А я: «Лиса! Лиса!» — кричу о нем.
Кто истину мою в сей миг одобрит?
Друзья нужны мне в случае таком.

Борясь со мною, лисы бьют тревогу.
К лисе идут лисята на подмогу.
И чтобы доказать: лиса не лев,
Я с ними бьюсь, сурово осмелев.

Мне говорят, что нужно быть глухим,
Мне говорят, что нужно быть слепым,
Мне говорят, что нужно быть немым,
А то отнимут крылья, оголтев.

Я не имею дара быть немым.
Я не нуждаюсь в этом. Не хочу.
Вот потому я вниз подчас лечу
И остаюсь порой совсем один.

Боишься волка? В лес иди. Иди!
Не предавай того, что впереди.
Вот и сейчас я правду говорю
И, как мишень открытая, стою.

РЕЧКА

Соскучусь по ручью родимого села —
Он тут как тут, со мной.
Струя его светла.
Мой сельский ручеек, две пригоршни воды,
До дна землей родной еще не выпит ты?
Жарою, птицами? Ведь ты так мал и тонок.
Ой, что я говорю, как маленький ребенок...
Течет,
течет,
течет,
как прежде, ручеек.
Ну кто бы осушить его на свете смог!
Он слезы радости села. Он мой исток.

* * *

Листьями дуба, корнями дуба...
Напишем лес грузинский.
Г. Леонидзе.

Листьями дуба, корнями дуба,
Белыми строчками рек...
Песню, что всех зеленее, думал
Я воплотить навек.

Песнь
человеческую на деле,
В нежных, как сталь, стихах,
В млечных побегах Ркацители [1]
В долах и на горах.

В солнечных красках весны и лета
(Будущее само!)
Родина, ты мой пергамент леса,
Свернутый, как письмо.

Лес мой грузинский, ты вдохновенье
Вечно шумящих строк!
Каждое древо — стихотворенье,
Рифма — любой листок.

* * *

Когда в груди усилится биенье,
Себя тотчас почувствуешь бойцом...
Хочу я так сложить стихотворенье,
Чтоб кто-нибудь пропел его потом.
Сердца друзей на крепость проверяю,
Ведь на просторах утренней земли
Я лишь такие травы собираю,
Что и больным бы помощь принесли.

И в дождь и в снег заветную округу
Люблю. Волненья в сердце не унять.
Я тем легко протягиваю руку,
Кого взбодрить обязан иль поднять.
Знать не желаю я скупца такого,
Что редко словом теплым одарит,
Ведь я в словах ищу такое слово,
Что обнадежит, верой озарит.
Я тех люблю, кто сам души не чает
В беспечной и бессмертной ребятне.
Но колыбель, которую качает
Не мать — другая, горько видеть мне.
Возносит розы в птичьей перепалке
Шальное дуновение весны.
Но прежде роз
замечу я фиалки,
Они с рожденья более скромны.
Любовь дыханье милое сплетает
С моим. Ты здесь! Да будет вечно так!
Порой тепла и солнца не хватает,
Когда на поле облетает мак.
Зазнайством я от братства не отторжен.
Я сеятель. И в ведро и в туман
Я твердо знаю, знаю: что-то должен
Ручьям и сам великий океан.
Следы святые предков
я целую,
Как ты, как он.
В нас общий дух горит.
Мы воины... Прожить бы жизнь такую,
Что кто-то с чистым сердцем повторит!

МОЖЕТ БЫТЬ...

Когда в одно сольются день и ночь
В каком-то странно ясном совершенстве,
Когда и спать пора и спать невмочь,
Поскольку ты в негаданном блаженстве,
Когда признаться в чем-то все трудней,
И ты живешь каким-то ожиданьем,
Когда,
со всеми смелый,
только с ней
Подобен ты, храбрец,
пугливым ланям;
Когда все лучше ты на жизнь глядишь,
Когда иначе все —
и шум и тишь,
Когда не спишь ты, как из-за утраты,
И ищешь то, чего и не искал,
Когда взлелеять хочешь ты все травы
И все ромашки, что не приласкал,
Когда ты вместо длинного письма,
Напишешь стих, в котором свет и тьма,
Тогда, богат не тьмой,
а этим светом,
Ты, может быть,
останешься поэтом.

ЗЕЛЕНАЯ ПЕСНЯ

Зеленый цвет все ярче и свободней
Зовет к зеленой песне. Как мечта...
На склонах и на кронах он сегодня —
Зеленый цвет весны, травы, листа.
Я пригоршнями пил живую зелень,
Глазами звал зеленую траву.
Стих —
если только свеж,
тогда лишь верен.
Стихи растут из почвы наяву.
Зеленый цвет, как жизнь. Он чет и нечет.
Стихи извечно зелено лепечут.
А что на свете
нового чудесней?
В зеленом царстве лета моего
Зеленой рифмы и зеленой песни
Я нынче жажду более всего.

Перевел с грузинского
Владимир Соколов.

[1] Ркацители — виноград, растущий в Алазанской долине в Кахетии.

ВСТРЕЧЬ СОЛНЦА...

Ю. ЛУШИН,

фото Г. КОПОСОВА,

специальные корреспонденты «Огонька»

«...Те землицы людны и хлебны и собольни, всякого зверя много, и хлеба́ родятся много, и те реки рыбны...»

Василий Поярков, русский землепроходец.

Лотосы на заповедном Улика-Павловском озере уже отцвели, а муссон все не унимался. Разверзлись хляби небесные, и словно все дожди мира, обрадовавшись лазейке, ринулись в нее и все лили, лили, лили в верховьях Зеи, Буреи и других притоков Амура, почти не переставая, который день подряд. Земля уже не была землей — она превратилась в губку, в трясину, в кисель. Реки стали не реками, а чем-то непонятным. Шалая вода на десятки километров затопила берега — поля, посевы, сенокосы, дороги, поселки. Да, тяжкую заботушку принесло лето. Старожилы припоминали громкое наводнение 1928 года, синоптики утверждали, что нынче уровень воды выше. И легче от этих сравнений не становилось. Зея будто знала, что совсем недолго оставаться ей вольной рекой, и разлилась местами на двадцать километров. В августе такого еще не бывало. Люди, отбившие натиск двух паводков подряд, вдруг встали перед необходимостью сражаться с третьим за одно только лето (весенних паводков, как на европейских реках, здесь не бывает). Такого прежде тоже никто не помнил. А вода все поднималась, а дожди кончаться и не думали.

В Зею полетели телеграммы: «Подготовить город к эвакуации». Строители Зейской ГЭС встали перед дилеммой: либо бросить все силы на эваку-

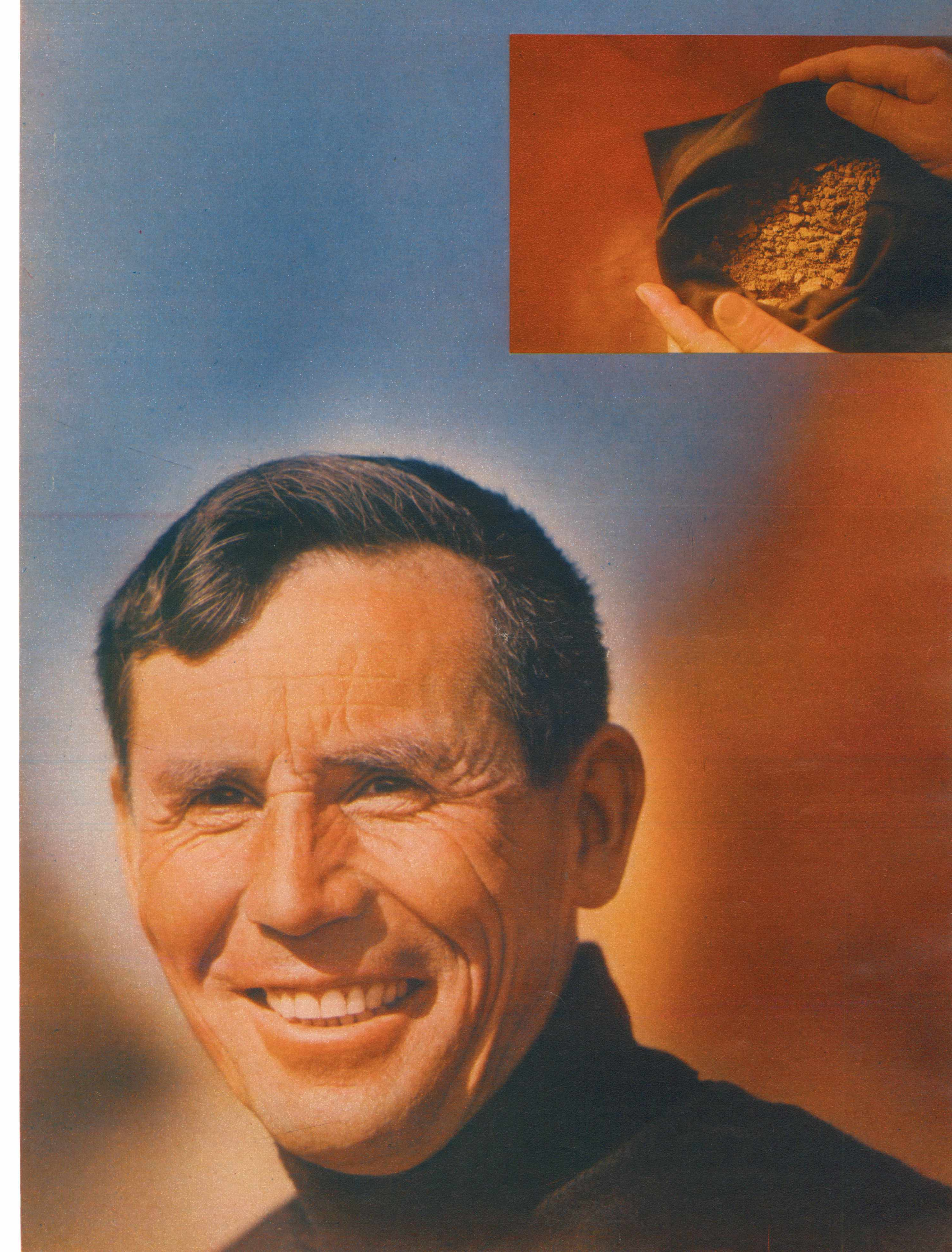
Геологи Зейской экспедиции.

Золото с прииска «Октябрьский».

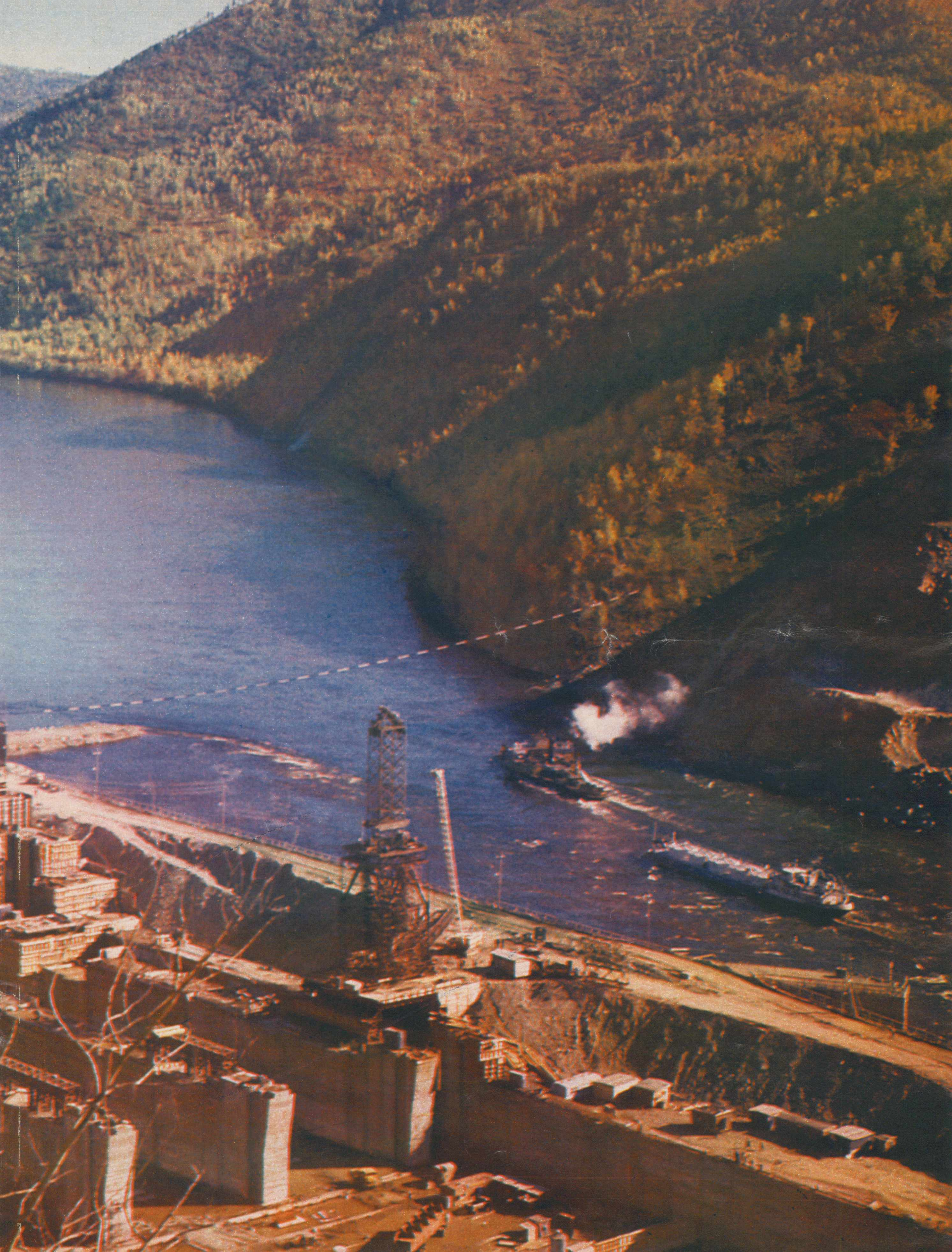
Более двадцати лет работает на прииске начальник гидромехустановки коммунист Александр Васильевич Дутов.

На развороте вкладки:

В «Зейских воротах», где русло реки сжали хребты Соктахан и Тукурингра, строится мощная ГЭС — первенец дальневосточной гидроэнергетики.

За власть Советов

ацию — с риском отложить близящееся перекрытие на неопределенное время (может быть, на год), либо попытаться отстоять город без ущерба для стройки. Но как! Выбрали второй вариант и приняли смелое инженерное решение — немедленно начать сужение русла реки путем отсыпки банкета, создав тем самым выше него подпор воды (собственно, это уже можно было считать первым шагом к перекрытию). Одновременно с помощью десятков машин и бульдозеров возводили днем и ночью в особо опасных местах вокруг города заградительные дамбы. Я видел их позже на расстоянии многих десятков метров от русла реки, что невольно рождало сомнение: а нужны ли они! Но я видел также и фотографии, на которых вода подступала к самому гребню дамб. Комментируя фотографии, первый секретарь Амурского обкома партии Степан Степанович Авраменко говорил:

— Паводки на Зее и других наших реках — большая беда Амурской области. В этом году после ливневых дождей в июне, июле, августе затопило громадную территорию — двенадцать тысяч квадратных километров (сто двенадцать населенных пунктов, двадцать восемь из них полностью, почти четвертую часть всех посевов). К счастью, это — последнее в истории зейское наводнение: река скоро будет перекрыта и сток ее урегулирован.

— Что это даст!

— Многое, очень многое. Будут ликвидированы наводнения не только в долине самой Зеи, но и частично на Среднем Амуре (до Буреи), это позволит совхозам и колхозам области получить примерно полмиллиона гектаров прекрасных пойменных земель. Не забывайте, что Зея еще и отличная дорога. ГЭС поможет улучшить ее качества, сделает судоходной на триста километров выше плотины. А в том районе сосредоточено свыше трехсот миллионов кубов леса — огромное богатство, которое вывозиться будет как раз по этой дороге. Других путей нет. Кстати, леспромхозы уже создаются... Главный экономический эффект, конечно, будет получен от Зейской ГЭС мощностью в полтора миллиона киловатт. Смотрите, какие перспективы откроет ее пуск. Дешевая электроэнергия позволит начать строительство азотнотукового и свинцово-цинкового заводов. В будущем, возможно, строительство металлургического комбината на базе богатейшего Гарьского месторождения железных руд (около миллиарда тонн). Железные руды расположены неподалеку от Транссибирской магистрали, можно вести дешевую открытую разработку, а недостающий кокс заменят зейская энергия и райчихинские бурые угли. Подсчитано, что это будет дешевле, нежели завозить кокс из Кузбасса...

Решающий штурм Зеи.

Иван Алексеевич Шульга — один из тех, кто сражался в лихих эскадронах дальневосточных партизан.

Так выглядит рабочая столовая гидростроителей.

Пересменка.

— Стало быть, житница Приамурья, как называют Амурскую область, превратится еще и в область индустриальную?

— Для этого, как видите, есть все основания. Но вместе с тем будет увеличено производство зерновых, овощей и, конечно, главной культуры — сои...

— И в этом увеличении опять-таки сыграет роль укрощение строптивой Зеи?

— Да, конечно.

Кстати, все притоки Амура обладают такой же строптивостью, непостоянством характера и склонностью к неожиданным наводнениям. По этой-то причине случаются катастрофические разливы на самом Амуре.

И вот хожу я по дну Зейского моря. Сейчас это просто и водолазный костюм ни к чему, потому что над головой стометровая толща воды... пока воображаемой. Хожу с ощущением, что я, вероятно, один из последних людей (журналистов по крайней мере), кто видит «донный» пейзаж — эти фантастической красоты дубки, осины, березы, охваченные осенним пожаром, всякий раз волнующим душу по-новому, эти последние цветы...

Мне почему-то хочется думать, что такая же осень была в далеком 1643 году, когда плыли русские землепроходцы во главе с Василием Поярковым вниз «по Зие реке», а потом по Амуру, «встречь солнца», к океану, к землицам, неведомым и до них незнаемым, терпя нужду и тяготы великие. И так же, наверное, курились туманами недоступные отроги Тукурингры и Соктахана, стиснувшие в каменных объятиях реку. Теперь, три с лишним века спустя, я тоже иду встречь солнца, как говаривали славные наши предки, по следам беспримерных походов землепроходцев. Я не хочу сравнивать века минувшие с нашей эпохой. Это, мягко говоря, наивно, потому что все, чего достиг этот край, он достиг за годы Советской власти. Я не преувеличиваю...

Жирафьи шеи кранов, возникшие вдруг вдали, воспринимаются как нечто досадное, лишнее в идиллической картине осени. А между тем они-то и есть главное. Неустанно, днем и ночью подают они бетон в конструкции плотины. Близится перекрытие Зеи. Вчера меня познакомили с комплексной бригадой Леонида Дроздова. А сегодня я встретил новых знакомых на дне моря с такими сияющими лицами, будто все они — именинники. Бригадир галантно раздаривает громадный букет цветов женскому составу бригады, и все вместе они обсуждали, что делать с общей премией. Наверное, такие дни дороже именин. Во-первых, бригада Дроздова перекрыла месячный рекорд укладки бетона, державшийся два года. Во-вторых, выполнила годовой план и начала работать в счет 1973 года (за что и премия). В-третьих, получила право участвовать в перекрытии — честь, которой другие еще должны добиться...

Когда же это было? Меньше месяца назад, а сегодня я лечу на перекрытие Зеи и боюсь опоздать. И такое у меня ощущение, что я безнадежно отстаю со своими репортажами, что Дальний Восток такие темпы набирает — не угонишься. Впрочем, это уже не ощущение, а реальность. Там, где я недавно ходил пешком, плещутся волны. Но тогда, 13 октября 1972 года, реке еще был оставлен узкий, 25-метровый проран, сквозь который с ревом, сметая все на своем пути, неслась вольная вода. Казалось, ничто не смогло бы ее остановить, но уже стояли наготове с включенными моторами по обе стороны потока мощные бульдозеры, краны и самосвалы. Люди в праздничных костюмах и белых рубашках смотрели на проран со ступенек машин, ждали близкой команды: «Приступить к перекрытию!» Они уже предрешили судьбу Зеи на эти ближайшие часы, и на годы, на десятки лет вперед. Они высчитали с точностью до киловатта мощь ревущей стихии, которую даже в сказках никто не мечтал покорить...

Первые многотонные глыбины бетона, сброшенные самосвалами, Зея играючи швырнула вниз по течению. Люди предвидели это и лишь усилили натиск. В ход пошли связки глыб. На другом берегу прорана синхронно повторили тот же маневр. Машины подкатывали непрерывно, обрушивая раз за разом в кипящую воду бетониты, иные из которых задиристо кричали свежими надписями: «Покорись, красавица!», или: «Эй, ухнем!», или: «Ну, погоди, Зея!», или просто: «Ура!». Целая река бетона начала спорить с потоком. К исходу второго часа этого спора гидрологи, наблюдавшие за уровнем воды, заметили то, чего другие увидеть пока не могли. Уровень воды ниже перемычки падал, а выше — поднимался. Значит, река стала утрачивать былую мощь. Проран сузился до нескольких метров, скорость потока еще более возросла, но сила его ежеминутно убывала. Не выдержал, убежал с праздничной трибуны начальник управления механизированных работ Виктор Нагорянский, встал в черном парадном костюме на край прорана, взялся азартно дирижировать роем самосвалов. Однажды он уже перекрывал Зею... теоретически, когда защищал в институте несколько лет назад дипломный проект по этой ГЭС. Тогда на ватмане все получалось гораздо проще и, пожалуй, красивее. Здесь — серьезнее, гораздо сложнее и, пожалуй, интереснее...

Потом, когда последний куб бетона окончательно перекроет путь воде, а Зее только и останется, что свернуть в рукотворное, подготовленное человеком русло, когда побегут по камням с берега на берег возбужденные строители, крича друг другу что-то радостное, когда поутихнет суматоха и ударит медь оркестра, сзывая всех на торжественный митинг, я снова увижу Нагорянского. Он будет стоять в опустевшем штабе перекрытия у растворенного окна и, никого не замечая, смотреть вниз, и лицо у него будет растерянно-счастливое, лицо человека, славно потрудившегося и выполнившего свой долг.

— Вот и все. Не будет больше никогда наводнений на Зее.

Ветеран стройки. Забавно, когда в тридцать два года тебя называют ветераном. Но он здесь с первых дней, поэтому ветеран в тридцать два — почетно. И молод, еще не одну такую станцию успеет построить. Недаром Нагорянский уже теперь мечтает о новой ГЭС — на Бурее. Там ему будет вдвойне интересно — Виктор родом из тех мест. Туда он поедет обязательно. Конечно, после того, как здесь будет нечего делать. Когда поднимется вровень с сопками красавица плотина. Она будет особенная, контрфорсная,— не сплошь из бетона, а с пустотами внутри. Зачем тратить лишний бетон? Подобных плотин, да еще в таких суровых северных условиях, в мире до сих пор не возводили. Правда, в Швеции есть такого типа плотинка, но высотой всего 45 метров, почти втрое ниже Зейской. Разве это плотина?.. Интересно, а что будет в пустотах? Их перекроют, в них станут поддерживать постоянную температуру, и начальник Зеягэсстроя А. М. Шохин шутил, что в них можно будет выращивать овощи на гидропонике и даже спортзалы устроить. А если без шуток? Нет, что ни говори, а ему, Виктору Нагорянскому, повезло. Красивая поднимется ГЭС, лучше, чем была в его дипломном проекте. И турбины тут будут тоже особенные — диагонального типа. Обычные турбины рассчитаны на определенный напор, который зависит от довольно частых колебаний уровня воды. Диагональную турбину такие колебания не волнуют... Да, у каждой ГЭС свои особенности, свой неповторимый характер, которому, вероятно, сообщаются какие-то качества, черты характера людей, ее строящих. Фантастика? Кто знает. В принципе, что такое ГЭС? Это инертные материалы, это цемент разных марок, это бетон и металлические конструкции, но это и жар души человеческой, точный расчет и мысль творца. ГЭС — это памятник эпохи, ее лицо. Люди будущего станут судить по ней о нашей культуре. ГЭС плохо делать нельзя, и он, Виктор Нагорянский, счастлив тем, что дело свое любит и делает его хорошо...

Он делает все для того, чтобы в конце пятилетки первые турбины были пущены. Так записано в Директивах XXIV съезда КПСС.

* * *

— Вы знаете, я против института на асфальте,— сказала она решительно.

Мы шли соевым полем, дорога разрезала его надвое и уводила нас к горизонту. Поле тоже уходило к горизонту, но, приглядевшись, я заметил, что оно не однородно, а как бы состоит из многих мелких полей.

— Делянок,— поправила она меня мягко,— причем размером они от полутора до сотни метров. 13 тысяч делянок...

— Сколько, сколько?— переспросил я, боясь ошибиться.

— Тринадцать тысяч,— повторила она спокойно.

— И на каждой свой сорт?

— Нет, конечно, но одна от другой обязательно чем-то отличается — сроками сева, например, или нормой высева, ну и сортами тоже...

— А это что?— показал я на одну из гряд, каждое растение которой украшали картонные бирочки разного цвета.

— Это память о том, каким цветом зацветала весной соя. Фиолетовая бирка — значит фиолетовым, белая — белым...

— На каждом растении?

— Обязательно.

— Неужели даже окраска цветка влияет на свойства сои?— в который раз не удержался я от удивления.

— Возможно,— невозмутимо ответила она.— Мелочей в работе селекционера не бывает.

— А каждый ли может им стать?

— Нет,— твердо ответила она,— не каждый...

Здесь я прерву наш диалог, чтобы кое-что пояснить. Во-первых, о сое. Сказать, что она волшебница, мало. На земном шаре нет другой такой культуры, имеющей в своем составе 20 процентов масла и 40—45 процентов белка, причем белка, способного заменить мясо,— таковы свойства его аминокислот. Из сои можно произвести ни много ни мало 400 видов продукции (во всяком случае, столько производит Япония), например: маргарин, глицерин, муку, мыло, консервирующие вещества, пластмассы, линолеум, воск, клей, искусственную шерсть, непромокаемые ткани, даже каучук и многое другое. К сожалению, из четырехсот видов мы производим едва ли десятую часть, а остальное уходит в жмых, на корм скоту. Что это, неумение распорядиться собственным богатством? Или незнание его? Или, как говорится, руки пока не дошли? Наша страна засевает соей 844 тысячи гектаров, из них Амурская область —650 тысяч. И посевные площади с каждым годом будут увеличиваться. Соя имеет на это право...

Теперь о моем собеседнике — заслуженном агрономе РСФСР, старшем научном сотруднике Всероссийского научно-исследовательского института сои Татьяне Петровне Рязанцевой.

...Январская вьюга заметала остатки воспоминаний о лете, заносила по самые окна домики опытной станции, дороги, так что добраться даже до Тамбовки, ближайшего села, становилось проблемой. Впрочем, Рязанцеву это не волновало. Целые дни проводила она в крохотной лаборатории, обрабатывая результаты летних опытов. Похвалиться пока было нечем, работа по выведению нового сорта сои только начиналась, работа, в которой почти все неизведанное, все тайна. Но как раз вот это неизведанное придавало острый интерес всей ее жизни. Пожалуй, она была счастлива здесь (в этом глухом углу — как с иронией писали ей родные из жаркого Краснодара). К тому же здоровье мужа пошло на поправку, едва они сменили в 1939 году чересчур влажный климат Приморья, куда шестью годами раньше приехала она на свою первую самостоятельную работу после окончания Краснодарского института селекции и семеноводства. Она вспомнила, как некоторые удивлялись их выбору, когда им предложили ехать либо в Крым, либо в Амурскую область, и улыбнулась про себя. Не сговариваясь, они выбрали эту маленькую опытную станцию (муж ее Карп Карпович Малыш тоже был селекционером) и ни разу не пожалели об этом. Работа здесь обещала быть интереснее, чем в Крыму.

Первая тысяча растений, отобранных ими для опытов, сразу же задала множество загадок. Казалось, все было против селекционеров, не должна бы по теории в этих местах расти соя. Культура южная и при этом коротко-

дневная. Здесь же световой день длинный, климат чрезвычайно неровный, с затяжными муссонными дождями. Зато по количеству солнечных дней Приамурье не уступит тому же Крыму, а сумма тепла вполне достаточна для вызревания южанки, если только... чуть-чуть, на несколько дней, сократить вегетационный период. Они знали, что на это «чуть-чуть» уйдут годы напряженного труда, поисков, ошибок, разочарований, удач, но не предполагали, что годы растянутся в десятилетия. Хотя будь это известно им с самого начала, они не свернули бы со своего пути, не отступили от цели...

Три года пролетели как один день. Вы знаете, что такое три года селекционера? Это три посева и три урожая. Всего три. Но из каждого урожая тщательнейшим образом отбирала Рязанцева по 10—15 тысяч растений по каким-то одной ей известным признакам, затем просматривала каждое зернышко в отдельности (а в растении их от 50 до 200). Вот что такое три года. И наблюдения, каждодневные кропотливые наблюдения, подробнейшие записи в журнале: о появлении всходов и их качестве, начале и конце цветения, высоте растений, подверженности болезням, количестве бобов на стебле, количестве зерен в бобах, весе тысячи семян, форме и окраске зерна, содержании масла и белка... Как не потеряться в этом море информации, как нащупать верный путь, как передать, привить великолепные качества одного растения другому, которому именно таких качеств недостает? Задачи, загадки...

Новый 1941 год начинался удачно. Ей казалось, что близится тот момент, когда удастся наконец найти ключ к успеху, но тут — война. Как гром средь ясного неба. На душе пасмурно и тревожно, из рук все валится.

— Никому теперь соя, конечно, не нужна,— рассуждала она, направляясь вместе с мужем в военкомат. Но оттуда их решительно завернули назад: «Ждите. Понадобитесь — вызовем».

Они прождали два дня, но заброшенные делянки ждать не хотели. И они снова вернулись к своей сое, к своей мечте, твердо веря в победу. Стало еще труднее. Работников не хватало, мужчины ушли на фронт. Теперь все приходилось делать собственными руками. Вскапывать землю под посевы, сеять, жать серпом, молотить... Гибридизация и многократный направленный отбор, кажется, стали давать результаты. Внимание Рязанцевой все больше привлекал один рядочек сои, который шел под номером 216. Он явно превосходил и ростом и урожаем своих собратьев по эксперименту. Оставалось совсем немного, года два-три, чтобы полностью убедиться: да, это то самое, что она искала. И тут случилось непредвиденное. Вдруг необычно рано, 10 сентября, повалил снег, да такой крутой, что вскоре накрыл почти полностью делянки с соей. Думали, что осень пошутит и отпустит, снег растает и будет снова тепло. Но снег не растаял, а все подваливал и подваливал, и соя ушла в зиму неубранной.

— Неужели придется все начинать сызнова, неужели годы потрачены впустую, неужели цель, от которой отделял лишь шаг, ускользнет?— волновалась Рязанцева.

Но думай не думай, а оставалось одно: ждать. Ждать и надеяться. На что? Ей уже приходилось испытывать случайно оставшиеся в зиму бобы сои. Они не утрачивали жизнеспособности и давали нормальные всходы. Вот на это она и надеялась.

К счастью, ее ожидания оправдались, а 216-й вышел из этой переделки как будто бы еще более окрепшим. Чудеса? В памятном мае 1945-го, когда закончился последний, решающий сев, она сказала самой себе, что назовет 216-й «салютом» — в честь залпов победы... если только все будет в порядке. Но это она так, на всякий случай себя страховала, а сама уже точно знала, что все будет как надо. Действительно, жатва убедила: родился новый сорт, который, кстати, и сейчас культивируют многие районы. Но я невольно тороплю события. Сорт считается годным к районированию лишь после конкурсного испытания на государственной сортоиспытательной станции, где он еще должен доказать свои преимущества перед контрольным образцом.

Прошло еще два года (это не считается большим сроком), и «салют» доказал свое право на жизнь — испытания он успешно выдержал. И тут снова неожиданность. Колхозники отказывались сеять сою.

— Лучше синица в руки, чем журавль в небе,— рассуждали они, отдавая предпочтение «шести хлебам», как говаривали в старину, в XVII веке, славные землепроходцы, имея в виду ячмень, овес, просо, гречу, горох и пшеницу. «Седьмой хлеб» — соя — был им непонятен, они не знали, как возделывать его, что он может принести, и попросту не верили в незнакомца.

О, какие пламенные речи пришлось держать Рязанцевой в защиту «салюта»! Мало того, вместе с мужем она разъезжала по ближайшим совхозам и колхозам, развозила мешки с семенами. И чуть ли не сами они засевали поля. Обком партии поддержал тогда селекционеров...

Первым понял выгоду новой культуры колхоз «Приамурье». Кстати, и сейчас у института с этим колхозом не только прочные деловые связи, но и настоящая дружба. Все новые сорта получают боевое крещение здесь, тут же расположена государственная сортоиспытательная станция. Нынче под соей свыше восьми тысяч гектаров — почти половина всех колхозных посевов. Я не могу сказать, что только это позволило колхозу «Приамурье» стать участником ЭКСПО-70 (он славится и отличными урожаями зерновых, и птицей, и скотом, и молоком), но первый шаг к нынешнему своему благосостоянию, к миллионным доходам он сделал именно тогда, когда засеял первые гектары «салютом». Это же подтвердил нынешний председатель колхоза, депутат Верховного Совета СССР Василий Иванович Рафальский,— сою хоть и трудно растить, но выгодно. Не забыв произнести похвальное слово «салюту», Рафальский сказал, что теперь стараниями Рязанцевой этот сорт начинают теснить новые: более урожайный «амурская-310» и раннеспелый «смена» (период вегетации — 96 дней вместо 107 у «салюта»).

Сама Татьяна Петровна впоследствии говорила, что есть уже «северная-4», которая вызревает за 82—86 дней. Фантастика? Я спросил тогда у нее:

— Что же, старые сорта уходят в забвение, когда появляются новые? Вам не жаль расставаться с ними?

— Ну, почему же в забвение? Они основа для этих новых. И потом, отчего же мне грустить, если новые лучше, урожайнее, устойчивее к непогоде, чем прежние? В конце концов это моя цель...

— Но на каждый сорт уходит столько времени... Кстати, сколько, хотя бы примерно?

— В среднем лет по десять, пожалуй.

— Вот видите! А всего вы вывели пятнадцать сортов. Стало быть...

— Что «стало быть»? Не хотите ли вы сказать, что мне полтораста лет?

— В таком случае вы прекрасно сохранились и выглядите лет на сто моложе,— поддержал я шутку.

— Спасибо,— вдруг посерьезнела она,— но, говоря по правде, мы могли бы добиться большего.

— ???

— До сих пор мы вынуждены часть уборки, равно как и сева, вести вручную, вручную же вносим удобрения, что несколько удивительно в наш век. Не правда ли? У нас нет специальных малогабаритных уборочных машин и другого оборудования. Крайне нужны фитотроны или хотя бы теплицы на худой конец — это позволило бы вести опыты круглый год. Для нас строится сейчас новый институт в Благовещенске, говорят, там будет лучше, но вы знаете, я против института на асфальте. Селекционер должен жить у поля...

— С чем вы можете сравнить свой труд?

— Ни с чем,— не подумав и секунды, твердо ответила она.— Ни с чем...

Другой ответ меня бы удивил.

ЛЕНИНГРАД

СЕРВИС ПО ТЕЛЕФОНУ

Вы собираетесь за город, но не знаете, какая будет погода. Не застигнет ли вас дождь? Что же делать? Прислушиваться к радио? Однако оно вещает о погоде не каждую минуту... Оказывается, выход есть. Наберите 001 плюс свой номер и вы услышите голос, записанный на магнитофонную ленту. Автоинформатор сообщит, какая сейчас погода в Ленинграде и пригородах. А если вы хотите через месяц отдохнуть на юге или отправиться на теплоходе вокруг Европы — набираете 062, и вам сообщают прогноз погоды на ближайшие два-три дня по городу и его окрестностям, на нынешний месяц по стране и столицам европейских государств, вам скажут и о температуре воздуха и воды на Кавказе, в Крыму, на Рижском взморье...

По этому же номеру можно проверить выигрыш облигаций 3-процентного займа, лотерейных билетов, узнать программу радио и телевидения. Набрав другие соответствующие номера, вы получите юридическую справку, узнаете адреса и часы работы музеев, предприятий быта и даже закажете по телефонным проводам для детей прослушивание сказок, а для взрослых — проигрывание любимых мелодий, узнаете последние спортивные новости. Телефон помогает ленинградцам в самых неожиданных вопросах. Как сохранить цветы, если хозяин будет отсутствовать в квартире двадцать дней? Почему завод называется «Светлана»? Когда Михаил Шолохов получил Нобелевскую премию? Как приготовить рыбное заливное? Когда сняли деревянные мостовые в Ленинграде?..

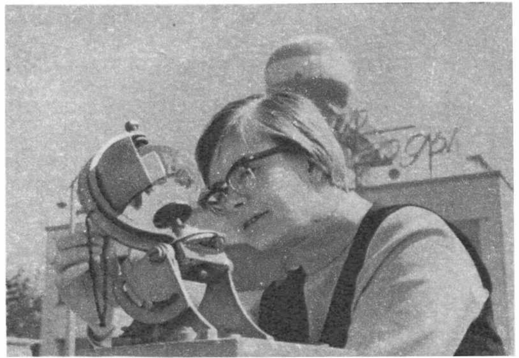
Служба платной информации по телефону, введенная Управлением ленинградской городской телефонной сети, пользуется доброй славой.

И. СЫСОЕВА

Инженер-метеоролог Р. Измозик — одна из тех, кто обеспечивает новую форму обслуживания.

Фото В. Самойлова.

АЗЕРБАЙДЖАН

СВЕРХГЛУБОКАЯ...

125 лет тому назад на Биби-Эйбатском месторождении, которое раскинулось на берегу Каспия близ Баку, была пробурена первая в мире нефтяная скважина глубиной 30 метров. А сейчас азербайджанские нефтяники готовятся к бурению скважины-великана. Ее стальной ствол, словно копье, вонзится в мантию земли на целых 15 тысяч метров.

— Еще никто в мире не бурил скважины на такие глубины,— рассказывает видный советский ученый, действительный член Академии наук Азербайджана Сафтар Мехтиевич Кулиев.— Прежде чем разработать технологию проходки скважины-великана, мы заложили так называемую опережающую скважину-разведчик глубиною пять тысяч метров. Она позволит получить полную картину разреза этой структуры.

Первую половину скважины-гиганта буровики пройдут, так сказать, уже знакомым путем. А вот после 7500-метрового рубежа встретятся кристаллические, гранитные и базальтовые фундаменты, и тут возможны как приятные, так и неприятные сюрпризы. Уверен, что на всем пути разведчикам недр повстречаются нефть и ее добрый спутник — газ, глубинное тепло и термальные воды, различные полезные ископаемые, включая и полиметаллы. Очень любопытно, в каком физическом состоянии предстанут эти богатства, постоянно находящиеся в зонах высоких температур и повышенных давлений.

Смелый и необычный научный эксперимент объединил усилия ученых Москвы, Баку и Свердловска.

Г. ПОГОСОВ.

Владлен КУКСОВ

ТЕПЛ

День-два назад казалось, до настоящей весны еще далеко-далеко — по небу плыли бесконечные серые тучи; сморщенные, будто неживые ветви дикой акации знобко тарахтели на холодном ветру оставшимися с осени длинными стручками; по утрам в скверах белая изморозь щипала набрякшие почки на тополях и каштанах, серебрила раннюю траву, победно пробившуюся сквозь мертвые стебли и прошлогодние полуистлевшие листья. Тщетно печальными посвистами звали весну скворцы — весна не шла...

Но однажды утром — так часто бывает на юге — солнце вдруг разметало по небу тучи, залило все вокруг ослепительным светом, заструилось теплом на крышах. И все увидели — весна! Пришла весна!..

Еще неделю назад Михасик кутался в коротенькое пальтишко, а сейчас, едва проснувшись, он выбегал в одной рубашонке за дом на высокий, пологий холм, подставлял солнцу ладони, жмурился, и солнце опрокидывало на него столько тепла и света, что даже в ушах начинало чуть слышно звенеть, и Михасик невольно жмурился.

С высокого обрывистого берега открывался ему залитый светом мир, такой бескрайний, что казалось: взмахни руками — и полетишь над рекой, над синими озерцами, оставшимися после разлива, к самым горам, к заводу, что возвышался почти у подножия сиреневых гор.

Весеннее небо, синее, глубокое, приближало в утренние часы и завод, и горы, и пышные облака. Небо близко. Протяни руку — и достанешь небо, пахнущее речной тиной, молодой зеленью, влажной землей.

До чего просторно, радостно!

— Э-э-э-й! — кричит Михасик и прислушивается. Эхо молчит. Здесь, за городом, не живет эхо, как у бабушки в лесу. Он снова кричит, машет руками голубям, что ошалело купаются в небе.

Нередко в эту раннюю пору на холме появлялся и сосед по квартире — художник Меркулов — с полосатым полотенцем, перекинутым через плечо. Смешной этот Меркулов, будто маленький. Выбежит на холм и давай приседать, махать над головой полотенцем, подпрыгивать. Всегда при встрече он кричит Михасику:

— Привет, Дон-Бидон!

Кричит он, наморщив лоб, вполне серьезно. Но Михасика не обманешь! Михасик зна-

Рисунок И. ПЧЕЛКО.

ет, что Меркулов шутит. Он смело приближается и слушает всегда разные и не очень-то складные песни соседа.

— Ого-го-го! Спешит весна, торопится, зажигает она подснежники... — И так же нараспев, вскидывая руки, приседая, он может неожиданно спросить у Михасика: — О-о-отвечай, Дон-Бидон, почему подснежники синие? А-а?

— Не знаю-у... — невольно тоже нараспев тянет Михасик и улыбается Меркулову. Глядя на Меркулова, Михасик всегда улыбается. Он просто не может не улыбаться.

— Эх, ты! — скорбно качает головой Меркулов.— Да оттого, что напились неба! Это же понимать надо!

Заметив в небе голубей, Меркулов закладывает в рот два пальца и свистит соловьем-разбойником, машет над головой полотенцем.

— Ого-го-го! Го-го-луби! Спускайтеся-а-а...

Но голуби, наверное, тоже знают, что Меркулов шутит, и не спускаются, а, напротив, еще сильнее машут крыльями.

— А чьи это голуби? — спрашивает Михасик. Спрашивает он просто так, для разговора.

— Дикие они, ничейные... — не глядя на Михасика, отвечает Меркулов. — Понимать надо...

— А горы? — спрашивает Михасик, и хитрые зайчики играют в его зеленых глазах.

— О! Как ты близорук, Дон-Бидон,— вскидывает длинные руки Меркулов. — Горы — они мои, твои и... ничейные, как все небо... То-то!..

Дернув Михасика за черный хохолок, Меркулов убегает, приминая кедами молодую траву.

Иногда на холм приходит Толик Худюшкин. Из одиннадцатой квартиры. «Худюшкиным» Толю дразнят за худобу. У него и вправду костлявые плечики, тонкие, прозрачные пальцы. А все, наверное, оттого, что Толик занимается музыкой. Каждый день можно слышать, как выколачивает он из пианино пестрые звуки. Каждый день. И, слушая их, Михасик вздыхает: вот ведь страдает человек, а чем поможешь?

Михасику нравится Толик. У него большу-ущие глаза, и если присмотреться, то в них отражается небо, и облака, и сам Михасик, курносый, большеротый, с черной прядкой на темени. Лишь здесь, на холме, в грустных глазах Толика появляется удивление и какая-то тихая радость.

Если на холме нет Меркулова, Михасик голосом художника приветствует друга:

— Иди сюда! Эй! А знаешь, чьи это голуби?

— А чьи?

— Эх, ты! Ничейные они. Понимать надо...

От избытка чувств Михасик запускает камень далеко-далеко, к самым озерцам, что приютились внизу, под обрывом.

Озябнув, Михасик мчится домой. Их дом совсем новый. Он тоже стоит на холме и двумя этажами окон смотрит на широкую автомагистраль, обсаженную молодыми деревьями. По ней проносятся заляпанные цементом самосвалы, быстрые «Волги», шустрые «Москвичи»... В утренние часы в клубах пыли появляется на дороге желто-красный автобус. Михасик знает: это междугородный. Он певуче сигналит, поравнявшись с домом, и тогда пассажиры высовываются из окон, смотрят на самый первый дом в большом городе. Кажется, что дом этот специально убежал от своих сородичей на окраину, чтобы самым первым встречать восходы, купаться в холодных туманах по осени или смотреть, как весенними полднями уплывают со снежных шапок Кавказского хребта миражи.

Прежде они жили в центре города, в маленькой квартире огромного дома, и тогда у Михасика почти не было знакомых. А теперь... В этом новом доме все знают друг друга. И Михасик тоже знает почти всех жильцов. Вот хотя бы дед Пимичев. Прежде он работал в сберегательной кассе. А переселившись сюда и выйдя на пенсию, он вдруг взял в руки метлу, стал дворником. У Толи Худюшкина отец работает шофером на большом самосвале. Есть еще Кучеренко — толстый, круглый, с лицом, похожим на дыню, в маленьких складках морщин. А в квартире у него живет настоящий живой бульдог. Страшный!.. Каждый вечер Кучеренко выводит его на прогулку. Бульдог роняет с намордника белую пену и принюхивается к углам, будто ищет невидимых врагов. Все это видит Михасик каждый вечер.

А недавно ранним утром к ним в квартиру ввалился сам Кучеренко. Михасик еще лежал в постели, а мать собирала завтрак.

Кучеренко помялся на пороге, спросил разрешения войти, но заговорил не сразу. Сначала он осмотрелся, почесал твердыми ногтями небритый подбородок, потом уселся за стол и стал улыбаться и говорить о чем-то. Из всего разговора Михасик запомнил только одно.

— Землица тут под окнами, на холме, прямо сказать, отменная. Хорошая землица. Вот и решили мы ее поделить промеж жильцов. Воду подведем. А картошка, должон вам сказать, уродится здесь знамени-итая-а! Огуречики можно посадить или там баклажаны... Зачем земле пустовать?

— Отвык я от этого дела, сосед,— сказал отец и покачал головой.— Я ведь с двадцати лет слесарничаю.

— Вот и напрасно, вот и напрасно...— запричитал Кучеренко.

Михасик видел, как отец широкой ладонью откинул черный, такой же непокорный чуб, как и у него, Михасика, погасил сигарету, развел руками.

Как любил эти большие, сильные руки Михасик! Они носили его, когда он был совсем маленький. Он бы и сейчас с удовольствием вскарабкался на отцовские плечи, обнял, и — знает Михасик! — его обдало бы крепким запахом металлической стружки и табака. Но этого делать нельзя. Он, Михасик, вырос. Он уже учится в первом классе....

— А что, Петро? Хорошее дело предлагает сосед... Может, возьмем? — вступила в разговор мать.

Михасик понимал: мать такая тихая лишь на людях. Обычно она редко соглашается с отцом.

— Все ж подспорье. Свой огород...

— Нет, делите землю без нас. Не хочу,— отрезал отец.

— Ну, как знаете... Как знаете. Оно верно, хлопотливое дело. А мы все поделим, по закону, на едоков...— объяснил Кучеренко и торопливо пошел к двери.

Михасик слышал, как на верхней площадке хлопнула дверь и нетерпеливо заскулил бульдог.

А вскоре Михасик забыл об этом разговоре. Мало ли о чем говорят в доме?!

Зато на улице...

На улице вовсю бушевала весна. И за домом на холме со всей школы собирались мальчишки играть в футбол. Играли всерьез, без скидок. И если художник Меркулов к этому времени возвращался домой, то непременно бросал в сторону плоский черный ящик, закатывал брюки, сбрасывал клетчатый пиджак и начинал как одержимый гоняться за мячом. Он всегда играл за слабую команду. Не было случая, чтоб ему отказали. С Меркуловым играть было куда интересней!

— Эй, мазила! — кричал он на Толика Худюшкина. — Стал в воротах, так держи мяч всей массой. Вникаешь? То-то...

Михасика не брали играть в футбол, говорили, что он еще мал. А разве это справедливо? Ему разрешали лишь бегать и приносить мяч, если кто-нибудь нерасчетливо пошлет его слишком далеко.

Зато Меркулов видел в нем равноправного игрока, хотя Михасик только подносил мяч.

— Давай, Дон-Бидон! Двигайся! Бей, король кожаного мяча! Бей!..

И Михасик старался как можно быстрее выбросить на поле мяч. Он ни чуточки не обижался на художника. Чего там! Художник всех мальчишек называл диковинными именами.

— Навесь, Алебард! Так... Принял.. Обводи его, обводи! Здорово! Теперь навались, Джошуа Рейнольдс! Та-а-ак... Мы наденем на них венки из петрушки. Побей меня гром — наденем...

И пусть себе пожимали плечами взрослые: мальчишки отлично понимали странный язык Меркулова. Понимали, что за шутливыми, напоказ громкими словами Меркулов прятал что-то важное, самое главное, что не выскажешь никакими словами, что угадывалось в добром прищуре глаз, в улыбке. И если кто-нибудь просил разъяснить, что значит «алебард» или «Джошуа», то лишь из желания послушать, как все здорово объясняет художник, увидеть, как тот смешно таращит глаза и говорит без улыбки, с нарочитою скорбью:

— О! Маловозрастные бармалята! Для вас невежество обратилось слепою ночью... Алебарда не что иное, как оружие древних, а Джошуа Рейнольдс — знайте — великий художник.

— А при чем тут... эта самая... петрушка? — спрашивал кто-нибудь под общий смех.

И Меркулов, закатив глаза, восклицал трагическим шепотом:

— Остановитесь! Неужели не знаете, что древние египтяне, а вслед за ними греки находили более достойное применение петрушке! Они не бросали ее в суп, как делают нынешние волшебницы кухонь. Боже упаси! Они из этого злака плели венки и надевали в знак глубокой печали...

Закончив тираду, Меркулов смеялся вместе со всеми, дружески хлопал мальчишек по мокрым спинам и убегал, стряхивая со лба капельки пота.

Михасик всегда напоминал:

— А он, знаете, живет в нашем доме...

Но мальчишки без него знали, где живет Меркулов. Они ходили за ним ватагой, слуша-

ли, смотрели влюбленными глазами, поджидали его на автобусной остановке. Он здоровался с каждым за руку, как с равным. Даже с Михасиком. И тогда совсем близко Михасик видел густые брови художника, темную родинку на смуглой шее, морщинки у переносицы и серые, всегда улыбчатые глаза.

Весною, когда все люди еще носили пальто, Меркулов уже ходил в свитере — белом с синей полоской на груди. Все делали вид, что им безразлично цветение вишен, кураги или пламенеющее голубизной небо. А Меркулов замечал все. Он шумно вдыхал носом воздух, щурился, вкусно шевелил губами, спрашивал шепотом:

— Хорошо-то как!.. А ну, кто угадает, чем пахнет весна?

— Землей,— отвечал один.

— Зеленью,— пробовал угадать второй.

— Травой,— догадывался третий.

Михасику очень хотелось угадать, чем пахнет весна, он брякнул:

— Небом пахнет...

Все засмеялись, а Меркулов крикнул:

— Тихо, племя незнакомое! Знайте же! Весна пахнет утренней свежестью и, конечно, небом, как изволил сказать сей последний принц Дон-Бидон...

Ох, как зарделся Михасик! И, чтоб никто не заметил этого, сбросил шапку, опустил голову и стал скрести затылок, пока кто-то легонько не стукнул его сзади.

И уже позже, когда разошлись ребята, а солнце спряталось за гору, выбросив веер лучей, Михасик все смотрел в небо, принюхивался, слушал утихающий щебет птиц и по-новому видел облака, подкрашенные закатом, словно их нарисовал сам Меркулов.

И, как прежде, едва проснувшись, он торопился на холм смотреть голубей, слушать весну.

Рано просыпался Михасик. И все же сегодня отец проснулся раньше него. Всегда он открывал глаза с радостным предчувствием чего-то необыкновенного, а сегодня — с непонятной тревогой. Лишь позже, услышав резкий голос матери, он понял, почему так тоскливо стало на сердце.

— Сознательного из себя строишь?!— кричала мать.— Сознательного? Нашу землю решил отдать? Я же все равно дома сижу. Разве трудно мне посадить картошку? Или помидоры? А разве плохо — свои укроп, петрушка?..

— Не хочу слушать,— басил отец.— Тянет тебя к земле пережиток... Сыном бы занялась, без твоей ласки растет юнец.

Михасик встал, проскользнул мимо матери, но та даже не заметила его. Она стояла к нему вполоборота.

Михасик выскочил на холм. Но что это? На бывшем футбольном поле у холма, откуда любил он следить за дикими голубями, теперь суетились люди, тщательно перемеряя холм клеенчатым метром. Больше всех суетился Кучеренко, а его бульдог сидел у дома на привязи, смотрел на всех красными глазами и брызгал слюной из-под намордника.

— Граждане! Послушайте!— Дворник Пимичев бегал от одного жильца к другому и все упрашивал граждан послушать его.— Послушайте, это дело самоуправством пахнет. Согласовать бы надо.

— Верно, верно, говоришь, дедушка...— соглашался Кучеренко, ползая по влажной земле с клеенчатым метром.— Землица — она чья? Государственная, а стало быть, я и есть народ. Вот и выходит... Участочек этот мой, а следующий... тэ-эк... Крюковых. Получайте.

— Так-то оно так... Да вот неприятностей бы не вышло,— не то поддакивал, не то сокрушался Пимичев, косясь на бульдога.— Так-то оно так...

Михасик, расставив ноги, смотрел исподлобья, морщился. «Зачем все это? Зачем делить землю? Где же теперь в футбол играть будем?»

— Вы уж извините... Я тоже возьму участок...— Михасик оглянулся и увидел мать. Она была в цветном переднике. На шее ее проступили пятна — так было всегда, когда мать волновалась.— Вскопаю сама.

Кучеренко крякнул, выпрямился, краска отлила от его брюзгливого лица, недовольно посмотрел на мать.

— А говорили, что брать не будете...

— Да вот посоветовались и решили.

— Н-нда... Тогда меряем дальше...

И тут Михасик увидел художника. Он был в одной майке, в домашних шлепанцах на босу ногу, высокий, тонкий; через плечо, как всегда, висело полосатое полотенце.

— Что здесь, граждане, происходит?

— Землю мы делим... огороды.— Кучеренко искоса посмотрел на художника.— Вам-то, надеюсь, огород ни к чему?

Меркулов задумался, долго и пристально посмотрел на Кучеренко, сказал:

— А почему так решили? Мне как раз нужен земельный надел... Непременно нужен.

Кучеренко криво улыбнулся.

— А вы, оказывается... настырный... Небось, капусту будете выращивать? Или чего?

— Кроме капусты, есть и другие вещи. Вот, например, петрушка. Но мне лично больше нравятся свежие, прямо с грядки колонковые кисти. Уразумели?

Кучеренко часто-часто заморгал глазами, недовольно взмахнул клеенчатым метром, крикнул:

— Участок Меркулова... Не обессудьте, что крайний...

— Тоже мне... «участок»,— услышал Михасик и обернулся. Рядом стоял Толя Худюшкин, переминался с ноги на ногу и все пытался застегнуть тонкими пальцами ворот рубашки. Сейчас глаза его показались Михасику особенно огромными и печальными.

Так и не застегнув ворота, Толя убежал в дом, а Михасик стоял и смотрел, как художник, подпоясавшись полотенцем, ходил по своему наделу, собирал камни, что-то примерял на глазок. И непонятная горечь вдруг омрачила Михасика, будто потерял он что-то очень нужное, а что не мог догадаться, и от этого стало ему как-то неуютно и горестно.

Если бы Меркулов ударил его — ну, что ж!— он простил бы ему. Однажды в школе он подрался с Костей из третьего «а». Костя был сильней, и Михасику тогда здорово влетело. И ничего. Помирились. А тут... Как же так? Значит, он притворялся, а сам такой же, как Кучеренко?

Михасик бросился с холма и, скользя по росяной траве, скатился к самым озерцам. Здесь пахло непрогретою сыростью, тиной; вода в озерцах была холодной — стоило лишь опустить руку, и сразу же ломота до боли сводила пальцы. И теперь Михасику не таким теплым и близким показалось небо, а холодным, как эти озерца, оставшиеся после разлива реки.

Проголодавшись, Михасик полез в гору, упираясь коленками в щебень, скользя по влажной траве.

Мать все еще была на огороде. Она старательно носила камни и укладывала их на межу.

— Все бы тебе бегать,— сказала она.— А уроки сделал? Ну, иди, иди... И смотри в школу не опоздай...

...Из школы Михасик не торопился. Зачем? На холме теперь ребята не будут гонять футбол. И Кучеренко, наверное, привяжет к своему огороду бульдога. А вот интересно: чем кормят бульдогов? И почему они такие злые, бульдоги?

Теперь, как и взрослые, Михасик не замечал, что на пригорке распустилось белыми цветами молоденькое деревце кураги, не смотрел в небо. Тревога прошла, а что-то горькое осталось в нем и не давало покоя. И почему-то дом — их совсем новый дом, что стоит на холме,— не манил больше окнами, в которых отражалось сейчас и вечернее солнце, и небо, и белые облака.

Первый, кого встретил Михасик, был Толя Худюшкин. Он весь измазался белой известью, в руках держал ведро и веник.

— Кидай портфель!— закричал он.— Будем землю таскать. Мы свой сад сажаем. Понятно? С художником. Мировой сад будет. Все наши там...

На холме толпились мальчишки с лопатами, ведрами, а среди них возвышался Меркулов в какой-то широченной куртке. Он был, как всегда, суров, но что-то заговорщическое, веселое проглядывало в его облике, и даже одна бровь торчала выше другой.

У меркуловского участка на огороде красовалась написанная маслом дощечка, и на ней Михасик прочел:

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СКВЕР!
ЧЕЛОВЕК, ПОМНИ! ЗЕМЛЯ РОДИТ НЕ ТОЛЬКО КАРТОШКУ, НО И ЦВЕТЫ...

— О! Наследный принц!— услышал Михасик над самым ухом насмешливый возглас.— Принимайтесь за работу... Или вы устали от школьных дел?

— Ни капельки!— крикнул Михасик.— Я мигом...

Совсем рядом увидел он смеющиеся, серые-пресерые глаза художника, и будто холодная льдинка растаяла у сердца.

А дел было уйма! Вы никогда не сажали сквер? Это совсем не просто! Во-первых, нужно нарисовать несколько кругов — будущие клумбы. У Меркулова круги здорово получаются! Во-вторых, на клумбы нужно натаскать хорошей земли, обложить их битым кирпичом, а кирпичи побелить известью. Потом нужно приготовить ямки для деревьев и скамеек, потом расчистить дорожки, потом...

Уже совсем стемнело, завод за рекой зажег тысячи огней, когда Меркулов скомандовал:

— Единомышленники! Слушай мою команду!— Он, как всегда, шутил.— Вы заслужили быть отмеченными историей. Да! Да! Историей. Прошу вас, мужчины до шестнадцати, перешагнуть порог моей коммунальной квартиры. Утолим голод ломтем свежего хлеба, выпьем хмельного кефира во славу будущего сада!.. Давай, ребята!..

Он двинулся к дому, а за ним потянулись смеющиеся, счастливые, усталые мальчишки, потому что разбивать сквер — это потрудней, чем, скажем, гонять футбол.

Знаете ли вы, как вкусно пахнет корочка обычного хлеба? Вы когда-нибудь пили кефир из крошечных рюмок с золотыми ободками? Вы, наверное, даже не знаете, как может быть уютно в неприбранной комнате, где всюду валяются пахнущие краской холсты и книги не знают своих мест, а стоят стопками на столе, на подоконнике, на диване...

А Михасик все это знает!

Он сидел на диване, жевал хлеб, смеясь, чокался с мальчишками, и пил кефир из рюмки, на которые дома ему смотреть не велено, и слушал Меркулова.

— ...Итак, мужчины, станет на земле одним садом больше... Пройдут года, зашумят деревья листвой, и люди спросят: «А кто посадил этот сад? Кто?..»

...И видит Михасик широкую улицу, а на ней много-много деревьев. Солнце светит сквозь густую листву. Он идет прямо по улице, и никто не останавливает его. И все взрослые смотрят на него, на Михасика, с восхищением, как смотрят, может быть, на космонавтов.

А над улицей — небо. И в нем плавают белые облака, такие же, как на холстах художника Меркулова, пушистые, чистые... Кажется, облака легонько качаются, качаются... И сам он, Михасик, тоже качается, плывет куда-то в прозрачной тени больших деревьев.

Он открывает глаза и совсем рядом видит отца. Это он качает его влево-вправо, влево-вправо...

— Уснул...— шепотом говорит Меркулов.— Уснул мужчина, а одним глазом подсматривает!.. Спи, Дон-Бидон! Спокойной ночи...

Михасик закрывает глаза, но не может прогнать с лица счастливой улыбки.

— А тот участок, что мне нарезали, вы тоже к своему саду приплюсуйте,— говорит отец и смущенно объясняет:— Жена, знаете, в деревне выросла... Вот и тянет ее за подол земля...

А Михасик вновь видит широкую улицу, солнечные дома, и все окна бросают вокруг солнечные зайчики, и тогда листья вспыхивают яркими крыльями зеленых бабочек.

Он спит.

За окном — ночь.

А весеннее, солнечное утро нового дня уже торопится к нему, спешит через реки и горы, через моря и степи.

Вячеслав ГОРБАЧЕВ

МНОГОГОЛОСЬЕ

ЗАМЕТКИ О БРАТСКИХ НАЦИОНАЛЬНЫХ ЛИТЕРАТУРАХ РОССИИ

Юван Шесталов, поэт небольшого народа манси, многие века потерянно жившего в северной сибирской тайге, известен по переводам на русский В. Цыбина и Н. Старшинова, Е. Винокурова и И. Фонякова, Н. Грудининой, В. Португалова и других поэтов. Кто следил за творчеством Ю. Шесталова, не мог не заметить, что его стихи, поэмы рождены глубоким поэтическим вдохновением; время запечатлено в них как бы в трех направлениях. Но что же удивительного, могут сказать: кто из поэтов не пишет о прошлом, настоящем, будущем?! Пишут-то многие, а не каждому дано соотнести с изменчивым временем судьбу народную и выразить это с удивительной цельностью в большом поэтическом полотне.

По разрозненным произведениям Ю. Шесталова можно было догадываться, что он на подступах к эпическому замыслу. И вдруг читанные ранее стихи и отрывки прозы поэта заиграли новыми красками. Горсть самородных алмазов, крупных, мелких и даже совсем бисерных, обработанных рукой чуткого мастера, обернулась поистине сказочным богатством. Произошло это в «Языческой поэме» (издательство «Современник», 1971 г.).

«Языческая поэма»? Если название принять и как определение жанра, то оно будет весьма условным. Перед нами редкое явление в развитии современных национальных литератур: явление эпоса.

Что это: странная случайность или логическая, объективная закономерность?

И случайность, как категория, имеет свою логику. Следуя ей, мы должны были бы признать «случайными» древние русские былины, «Слово о полку Игореве», сказания о нартских богатырях, «Джангар», «Калевипоэг», наконец, «Витязь в тигровой шкуре», «Песнь о Гайавате» и т. п.

С другой стороны, нельзя представить себе рождение эпоса у народа, не имеющего большой и трудной судьбы в истории. Войны, победы и поражения, борьба с дикими силами природы, добывание хлеба насущного, постижение великих таинств — тьмы и света, земли и неба, любви и ненависти, горя утрат и счастья материнства — все это осмысливалось народным сознанием и зернами истины в мифах и легендах, заветах и заклинаниях, здравицах и песнях, в пословицах и поговорках, наконец, языком танца, языком материальной культуры передавалось от поколения к поколению. Не было письменности, но были мудрейшие, ведавшие слово предков, и их-то как зеницу ока оберегало издревле общество, опираясь на свои строгие и непреложные обычаи и законы.

Это сама истина, что так бережно сохранялись и через новые радости и страдания народные множились нравственные, духовные ценности — истоки силы и здоровья народов.

Так или иначе, но завещанная потомкам культура жила в манси. И пришло время, когда поэтический по характеру народ дал поэта, чье творчество впитало все многообразие чувственного и нравственного восприятия манси окружающей жизни, природы. Однако вряд ли Ю. Шесталову удалось бы создать «Языческую поэму», когда бы время его рождения не пришлось на пору появления письменности манси, на пору социального обновления жизни небольшого народа при братской поддержке других народов, на пору приобщения самого поэта к великой русской культуре, к культуре всего человечества. Познание материалистической философии дало поэту ключ к пониманию многосложности связей в природе и обществе.

В преданиях манси лесная фея Миснэ — символ добра и красоты, удачи и счастья, символ самой поэзии. Осмысливая через этот фольклорный образ природу как понятие, неразрывное с понятием Родины, Юван Шесталов раскрывает нам сокровенное:

> В сердце матери сердце родилось мое,
> В сердце доброй Миснэ сердце родилось ее,
> В сердце народа родилось сердце Миснэ лесной,
> А сердце народа родилось в сердце земли родной.

Строки эти как маленький родничок, с копытце лесной лани, из которого идут, ширясь и разветвляясь, поэтические струи, сливающиеся в творчестве Ю. Шесталова в полноводную реку эпической поэзии манси.

Ныне и судьба родного народа по-новому осмыслена Ю. Шесталовым. «Кто говорит, что народ мой умрет или растает, как вешний лед, или вода с берегов его смоет? Кто говорит такое?» — спрашивает он. Люди не лед, не вода, каждый человек останется жить в своих делах и своих песнях.

> Если же так, то умрет ли народ мой, скажите?
> Будет он жить, жить, жить!
> Или растает народная песня, скажите?
> Вечно ей жить, жить, жить!

Ведущая мелодия поэмы исполнена оптимизма, светлой веры в грядущее:

> Где-то под солнцем эры чудесной
> Жить я останусь кровью и песней,
> Я — кареглазый, я — смуглокожий!
> Манси — с собою, сегодняшним, схожий!

Отсюда и сама «Языческая поэма», говоря словами ее автора, воспринимается как «песни возрожденного народа». В них запечатлен поэтический склад души манси — мужественных тружеников земли: и тех, кто добывает рыбу и лесного зверя, и тех, кто дает жизнь промыслам нефти и газа.

Тема кровной связи с русским народом и любви к нему проходит через все творчество писателей национальных советских республик. О том, как много дала ему Россия, Ю. Шесталов рассказывает в одноименной главке своей поэмы. Рассказ непретенциозен, прост и лиричен, хотя полон и чувства собственного достоинства и гордости оттого, что жена поэта — русская. А вот и еще счастье: родилась дочка. Она

> ... в глаза мои заглянет,
> Начнет язык мой понимать...
> Пусть, как Россия, доброй станет
> И очень ласковой, как мать.
> И пусть еще такое будет:
> Две крови в ней одной живут,
> Пускай ее мансийкой люди
> И россиянкою зовут!

К таким чистосердечным стихам комментарии излишни.

У Софрона Данилова в романе «Бьется сердце» есть сцена отъезда коммуниста Всеволода Левина из Якутии в Томск (было это вскоре после разгрома остатков белогвардейщины в Якутии). Левин уезжал с молодой женой-якуткой и сыном. (Кстати, еще до замужества Ааныс спасла Левина от верной смерти, это-то и сблизило их.)

Председатель Совнаркома Якутии Максим Аммосов, узнав, что Левин — учитель, и видя, что того уже никакими уговорами в Якутии не удержишь — на узелках сидит, обращается к жене Левина:

«...Говорят люди,— вот слушай меня, Ааныс,— говорят, что бывает на свете такая любовь, сильней которой ничего нет. Она и приказов сильней и всяких постановлений. А что если и твоя такая? Взять бы тебе да и приказать ему любовью своей: останемся в Якутии!.. Если удержишь, от имени Совнаркома Якутской Автономной Республики поклонюсь тебе в ноги».

А потом — Левину, говорит ему как коммунист коммунисту: «Нигде ты не будешь нужнее людям, чем здесь».

На этих словах Аммосова стоит остановиться. Еще бывает в литературе, что силы, талант, время — ничем не восполнимое время работы писателя — отдаются героям, которые на протяжении сотен страниц заняты метаниями и сомнениями, часто надуманными, и все ради цели: как найти свое место в жизни. И когда, наконец, такой герой найдет и цель и место, когда, кажется, только бы и начаться роману, читателю останется перевернуть последнюю страницу... А дальше показать, может быть, самое важное, самое трудное в жизни героя — его работу — не каждому автору по плечу.

Словами Аммосова — «нигде ты не будешь нужнее людям, чем здесь» — Софрон Данилов начинает жизнь своих героев. В этих словах — мера их поступков, выражение их нравственной зрелости и убежденности.

Интересна судьба молоденькой Саргыланы, мечтавшей стать учительницей.

Отец-чиновник хотел бы видеть свою Саргылану «большим человеком» — при должности в аппарате или научным работником, когда «будь ты хоть олух олухом, а все равно станешь продвигаться со ступеньки на ступеньку...». Что ж, не новое выражение мещанства.

И как легко с ним бороться абстрактно! И как трудно, когда возражать надо отцу, которого практически переубедить невозможно.

Но есть еще одна родственная связь — она проходит через душу и сердце Саргыланы и крепче пуповины связывает ее с якутским народом, рождает в ней гордость оттого, что она нигде не будет так нужна людям, как здесь, в далеком наслеге Арылах, учительницей. Это духовная связь со своим народом. Без нее порвалась бы нить, связующая поколения.

Роман Софрона Данилова — о наших днях, о трудовых буднях социалистической Якутии. Нелегкая в своей обыденности и повседневности, работа сельского учительства приобретает высокий смысл и становится работой поистине творческой и вдохновенной, когда она направлена на воспитание чувства патриотизма и любви к родному краю, ко всему нашему Отечеству. А учениками учителей — героев романа «Бьется сердце» — были те, кто еще несколько десятилетий назад сел за парту и написал слова Ленин, Октябрь, Революция, смысл которых впервые был постигнут на полях гражданской войны; сели за парту и их дети — герои Великой Отечественной войны; и никогда с тех пор, как открылись двери школы, не смолкали в ней радостные и возбужденные голоса детворы. Поколение за поколением оставляет свой след в сердцах учителей, унося с собой частицу их жизни, тепло их души, их знания, опыт — все, что становилось затем в сердцах юных бесценным духовным капиталом социалистической нравственности и гражданственности.

Характеры героев С. Данилова — Сергея Аласова, Саргыланы, семьи Левиных, Кубарова — глубоко индивидуализированы, национальны в своей самобытности и, что очень важно, не замкнуты в национальной ограниченности. Интересы героев неразрывны с интересами народа, а это делает их близкими и понятными широкой читательской аудитории других языков и народов. Сегодня из опыта национальных литератур уже очевидно, что, воспевая народные судьбы, художник может достичь таких высот мастерства, когда национальное в его творчестве становится интернациональным. Это, вероятно, и следует иметь в виду, когда мы говорим о зрелости литератур.

Борьбе хакасского народа за социальную справедливость, за национальную независимость, за утверждение Советской власти в Хакасии посвящен роман Николая Доможакова «В далеком аале». Это первый национальный роман в хакасской литературе.

Н. Доможаков пришел в литературу как поэт в 1948 году с первым сборником — «Стихотворения». Затем последовали поэтические книги «Улусы поют», «Поет река Абакан», «Приглашение», многочисленные публикации в периодике.

Чем же объяснить, что первый национальный роман посвящен именно историко-революционной теме?

Быть может, как это ни парадоксально, и тем, что несколько десятилетий назад в Хакасии не было ни письменности, ни литературы. Самому Н. Доможакову, направленному колхозом в Минусинский педагогический техникум, потребовалось пятнадцать лет, чтобы стать кандидатом филологических наук. На богатые фольклорные традиции народа и устной поэзии Балтыжакова, Манаргина, Кокова, Аршанова в сознании поэта благотворно наложился опыт русской классики — от Пушкина, Лермонтова, Толстого до советских писателей — Шолохова, Серафимовича, Гладкова, Горького... И, например, влияние шолоховской «Поднятой целины» на роман Н. Доможакова совершенно очевидно.

Пафос переустройства старого мира на новый социальный уклад принес с собою двадцатипятитысячник Давыдов в Гремячий Лог. Таким же пафосом в романе Н. Доможакова пронизана жизнь, работа русского кузнеца Федора Полынцева, случайно оказавшегося с семьей в далеком хакасском аале над Чобатом-рекой. В этой «случайности», вероятно, известная слабость романа, так же как, скажем, идейная установка «Поднятой целины» была бы исторически менее прицельной, когда бы Давыдов явился в Гремячий Лог ненароком, а не по долгу своей партийной совести, не по призыву и поручению партии. Это тем более важно отметить, что в романе Н. Доможакова на образе Федора Полынцева и его жены-учительницы решаются еще и проблемы национальной политики партии, принципы которой — равноправие, дружба, братская взаимопомощь народов.

События в романе относятся к 1920—1921 годам. Недобитые баи, кулаки, их прихвостни, остатки колчаковских банд скрываются в тайге, тайно готовя мятеж. Матерый враг большевизма Пичон Почкаев, прикинувшийся при Советах смирной овечкой, по-прежнему, как и до революции, эксплуатирует бедных, забитых хакасов. Он даже избран председателем аалсовета.

— Я был вашим благодетелем раньше,— объясняет Пичон аальчанам,— и теперь им останусь, только по новой власти надо, чтобы я назывался председателем аалсовета.

На самом же деле Почкаев спит и видит себя в кресле президента «отделенной Хакасии», пытается для этого наладить связь с бароном Унгерном, освободить из тюрьмы белогвардейское офицерье, сеет среди хакасов рознь и ненависть к русским и к большевикам.

В такой обстановке революционность, партийность Федора Полынцева, его личное обаяние, волевой характер и то, наконец, что он человек вещественного труда — кузнец, сближают его с бедняками-хакасами. С ними Федор организует комитет бедноты, который забирает у Почкаева заработанное бедняками и раздает им — и все это от имени Советской власти. И вот тогда сущность новой власти понимают и старик Хоортай, весьма уважаемый в аале человек, его сын Сагдай, отчаянный Сабис, охотник и следопыт Кормас и другие аальчане; тогда же становится ясно, что торжество советского строя в Хакасии предрешено. Разгром белобандитов в тайге отрядом красных бойцов Жаркова воспринимается как логическое, неминуемое крушение антинародных, националистских замыслов Пичона Почкаева и ему подобных.

События, описанные Н. Доможаковым, имели решающее значение для судеб хакасского народа, и это главная причина того, что первый хакасский роман посвящен историко-революционной теме. Написанный динамично, с острым сюжетом, с подробным описанием природы и бытовых сцен, роман глубоко психологичен. Через образы юной Марик, влюбленного в нее Сабиса, его сестры Кнай и трагически погибшей дочери Полынцева Зои роман устремлен в будущее, к сердцам молодых читателей. В этом тоже его достоинство. Выражая на национальном материале нравственно-этические ценности, роман интернационален по сути своей и в развитии национальных литератур России — явление закономерное.

Советская многонациональная литература освоила и творчески развивает метод социалистического реализма. Развитие нашей многонациональной литературы позволяет утверждать, что интернациональный характер литературы является важной чертой этого метода. Интернациональное зиждется на идейном и художественном отборе материала, на художественном утверждении лучших черт национального характера, национальных народных устремлений, на выражении духовной зрелости нации, народа. Интернациональный характер литературы социалистического реализма еще и в том, что национальные литературы утверждают и принимают для себя за высокий образец нравственные идеалы других народов. Особенно яркое выражение этого в утверждении принципов революционности, пролетарского интернационализма, братства и дружбы народов. И есть для советских писателей образ, наиболее дорогой и близкий всем народам, который на века останется высочайшим примером человечности, гуманизма, партийности, интернационализма и патриотизма. Это образ В. И. Ленина.

Поэты, акыны, ашуги, аксакалы, народные сказители на всех языках и наречиях воспевали и воспевают вождя. Хочу привести здесь хотя бы один пример — из стихов лауреата Государственной премии РСФСР имени Максима Горького татарского поэта Сибгата Хакима: «Письмо Ленину от крестьян деревни Кокушкино».

С. Хаким говорит о крестьянском, народном восприятии Ленина, опираясь на бытовые детали, ведь в Кокушкино, как известно,

...Владимир Ильич
Жил в начале пути своего,
И в историю века вошла
Эта первая ссылка его.

Не забыли об этой поре
Деревенской земли старики,
Ветви зимних склонившихся ив,
Берега занесенной реки.

Да, наверно, он помнит и сам,—
Быть не может, чтоб он позабыл,—
Как с народом тогда толковал,
Как по нашим тропинкам ходил.

Без нажима и приземленности поэт раскрывает сущность той степени родства, которая исстари бытует в народе среди земляков. Да и эти слова — «Быть не может, чтоб он позабыл, как с народом тогда толковал» — в дальнейшей ситуации (у крестьян нет хлеба, нет лошадей, а без лошадей им не вырастить и новый урожай) обнаруживают социальный, нравственный и, если хотите, политический смысл этого напоминания: наверняка Ленин тогда говорил, что освобожденные от ига эксплуатации народы будут по-братски помогать друг другу.

Крестьяне пишут:

...В этот черный, засушливый год
Не видали мы вовсе дождей;
Вместо хлеба и вместо овса
На полях лебеда и пырей.

Сладить с горькою этой бедой
Нам одними руками невмочь —
Только лошадь, лишь лошадь одна
Может вызволить нас и помочь.

Слух прошел, что Советская власть
Хочет в долг продавать лошадей.
Посодействуй, Владимир Ильич,
Всей крестьянской земле порадей...

Разве в этой, глубоко человеческой теплоте и искренности, с которой татарский поэт складывает слова обращения кокушкинских крестьян к Ленину, не сказывается истинно глубокий пролетарский интернационализм?! Разве не очевидно, что интернациональное здесь неотделимо от самого метода социалистического реализма?! И разве не жизнеутверждающа концовка стихотворения, рисующая залитые солнцем поля, топот долгожданных коней, несущих счастье?!

Сам Ильич под уздцы их берет
И заводит их сам во дворы...
Сбылся сон твой, крестьянский народ,
Дожил ты до великой поры.

Не воротятся те времена,
Горе горькое скрылось вдали.
Широко ты шагаешь, страна,
Воплотившая счастье земли!

Максим Горький на Первом всесоюзном съезде советских писателей сказал: «Наша цель — организовать литературу как единую, культурно-революционную силу».

Ныне эта задача выполнена многонациональными литературами России и всей нашей страны. Лучшие произведения российских прозаиков и поэтов — Р. Гамзатова, Ф. Алиевой, А. Кешокова, А. Абу-Бакара, А. Мартынова, С. Хакима, М. Карима, С. Данилова, И. Машбаша, К. Кулиева, Н. Доможакова, Г. Федорова, Ю. Рытхэу, Ю. Шесталова и еще многих писателей, вплоть до недавно вступившего на литературную стезю юкагира С. Курилова, популярны в нашей стране и за рубежом.

Интерес к ним, постоянный и давний, все время растет. Его не объяснить «экзотикой». Целый ряд этнографических особенностей, деталей быта, фольклор, характерное для каждого народа восприятие природы и окружающего мира создают национальный колорит произведения. Но дело литературы — человековедение. И если в этом литература любого, пусть даже самого маленького, народа сильна, она и для других становится интересной, важной, необходимой. В этом ее интернациональный, общечеловеческий характер. Обнаруживая художественную и социальную зрелость писателя, литература выражает духовную зрелость нации, народа. И вполне закономерно то, что пора зрелости братских литератур народов России исторически приходится на время небывалого подъема экономики и культуры всей Советской страны.

А. Куинджи. УКРАИНСКАЯ НОЧЬ. 1876. Государственная Третьяковская галерея.

НОЧНОЕ. 1905—1908. Государственный Русский музей.

А. Куинджи. НОЧЬ НА ДНЕПРЕ. 1882.

Государственная Третьяковская галерея.

ВЕЧЕР НА УКРАИНЕ. 1878.

Государственный Русский музей.

Ричард ДЖЭССЕП

ПОВЕСТЬ

ТЕМНОЕ ДЕЛО В ГЭЙТВЕЕ

Рисунки Е. ШУКАЕВА.

Несмотря на сравнительно ранний час, Нонна Эш уже успела выпить несколько больших рюмок виски и сейчас, когда в прихожей раздался звонок, держалась на ногах не совсем уверенно. Все же она добрела до двери и, разглядев сквозь стекло двух незнакомых людей, хотела уйти в комнаты, но звонок снова зазвенел пронзительно и настойчиво. Открыв дверь, Нонна бессмысленно уставилась на визитеров.

— Мужа нет дома, а я ничего не покупаю,— заявила она и хотела захлопнуть дверь, но один из посетителей помешал ей.

— Мы из уголовной полиции, миссис Эш,— объяснил Вирлок,— и хотели бы задать вам несколько вопросов.

— Из п... полиции? — неповинующимся языком переспросила миссис Эш.

— Да,— подтвердил Смит,— и у нас есть к вам кое-какие вопросы.

— Вопросы?

— Мы расследуем убийство Элен Макдафф, мэм, и хотели бы переговорить с вашим мужем. Его действительно нет дома?

— Сегодня я плохо себя чувствую,— пробормотала миссис Эш.— Приходите завтра.

— Нам очень важно сделать это сегодня,— возразил Вирлок.

— Ну что ж, входите и задавайте ваши во... вопросы.

Миссис Эш распахнула дверь, прошла в гостиную, налила себе виски и, не обращая внимания на Вирлока и Смита, залпом выпила.

— Скажите, это правда,— с места в карьер начал Вирлок,— что у вашего супруга был роман с Элен Макдафф?

— Около года назад,— добавил Смит.

— Это правда... это правда...— пьяно повторила Нонна Эш.— Это правда, что это ложь...

— Кое-кто из ваших соседей утверждает, что мистер Эш проявлял повышенное внимание к Элен Макдафф,— продолжал Смит.

— И что их роман, кажется, недавно возобновился,— вставил Вирлок.— Где ваш супруг сейчас?

Миссис Эш, видимо, несколько протрезвела.

— В конторе. Он постоянно в конторе. А может, играет в гольф, или катается на яхте, или проводит время с...

— Тогда скажите, где был ваш муж в вечер убийства Элен Макдафф?

— Дома, с семьей... с детьми и со мной...

— Вы помните что-нибудь о том вечере?— спросил Смит.

— Ничего.

— У вас это что, привычка — напиваться с самого утра?— спросил Вирлок.

— Не ваше дело.

— Мы ведем следствие об убийстве, мэм, и нам до всего есть дело,— ответил Вирлок.— Спасибо за помощь и за любезный прием, миссис Эш.

— Прощайте, мистер Шерлок Холмс!— крикнула Нонна, с силой захлопнула за детективами дверь и повернула ключ.

Направляясь к машине, Смит вытер со лба пот и присвистнул:

— Подумать только, эта «матрона» с утра пьяна в стельку!

Вирлок и Смит нашли Джорджа Эша в его клубе, где он играл в теннис с красивой молодой женщиной. В поисках Эша они побывали у него в конторе, в нескольких ресторанах и барах и только после этого рискнули появиться здесь. Они подошли к Эшу, когда он, закончив игру и обменявшись с партнершей какими-то шутливыми репликами, направился в душевую.

— Мы только что побывали у вас в конторе и дома,— обратился к нему Вирлок,— нам нужно кое-что выяснить у вас.

— Завтра, завтра,— небрежно ответил Эш, не сводя глаз с изящной фигурки удалявшейся партнерши. Джордж Эш был высокий, хорошо сложенный человек около сорока лет, с белозубой улыбкой; держался он надменно и даже вызывающе.

Эш повернулся и хотел уйти, но Вирлок схватил его за руку.

— Не завтра, а сегодня, сейчас же.— Вирлок предъявил свое удостоверение.— Вы глубоко заблуждаетесь, если полагаете, что можете вести себя, как вздумается.

— Не слишком ли круто берете?— иронически осведомился Эш.— А вообще-то я не буду разговаривать с вами, пока не позову своего адвоката.

— Никого вы не позовете. Пройдите к той скамейке, садитесь и отвечайте на наши вопросы. Ну? Или прикажете тащить вас за шиворот?

Эш оторопело взглянул на него.

— Мне еще не приходилось сталкиваться с таким обращением, но я достаточно влиятельный человек, чтобы...

— Идите и садитесь на скамейку!

— Попробуйте заставить!

Вирлок повернулся к Смиту.

— Вызовите фургон для перевозки арестованных,— распорядился он и достал из кармана наручники. Эш понял, что с ним не станут церемониться.

— Я вынужден подчиниться,— сквозь зубы произнес он,— но не обольщайте себя надеждой, что на этом все кончится.

— Знаете, Эш, мне уже столько грозили за последние сорок восемь часов, что я устал слушать.

— Вы или идиот, или прохвост, который не знает, для чего ему выдали удостоверение детектива,— процедил Эш, опускаясь на скамейку.

— Мы только что беседовали с вашей женой. Она пьяна. Почему, по-вашему, она напилась с самого утра?— Вирлок не сводил с Эша внимательного взгляда.

— Нонна? Пьяна?!— искренне удивился Эш.— Чушь!

— Хорошо сложенная женщина лет тридцати с лишним, называющая себя миссис Эш и проживающая в вашем доме на Бэнкер-авеню, сегодня утром, при нашем посещении, оказалась пьяной.

— Даже если это и правда (а я не верю ни одному вашему слову),— холодно произнес Эш,— все равно вас это не касается.

Он закурил, затянулся и вытер лицо полотенцем. Постепенно к нему возвращалась прежняя уверенность в себе.

— Около года назад у вас был роман с Элен Макдафф,— продолжал Вирлок.— Ваша жена знала об этом. Знает ли она, что этот роман недавно возобновился?

Эш нахмурился.

— Я буду разговаривать с вами только в присутствии адвоката,— твердо заявил он.

— Что ж,— ответил Вирлок и встал.— Не хотите разговаривать здесь — придется вам поехать с нами.

— Пожалуйста, но я должен переодеться.

— Ничего, сойдет и так,— усмехнулся подошедший Смит.

В половине пятого в следственной комнате в тюрьме на Мэретта-стрит Эш признался Вирлоку и Смиту, что он действительно был близок с миссис Макдафф, но порвал с ней, как только об этом узнала жена. Однако он категорически отрицал, что возобновлял с Элен прежние отношения.

— Где вы были в тот вечер, когда произошло убийство?— задал вопрос Вирлок.

— Дома. Вместе с семьей смотрел телевизионную программу. Потом услышал какой-то звук, похожий на выстрел, и вышел узнать, в чем дело.

— Лжете!— крикнул Вирлок.— У нас есть показания одного из ваших соседей; он утверждает, что в день убийства миссис Макдафф, примерно в семь тридцать вечера, он видел, как вы вошли в дом Макдаффов.

Эш провел рукой по лицу.

— Ну хорошо, я в самом деле вышел из дому около этого времени подышать свежим воздухом.

— Потом что?

— Ничего. Постоял, осмотрелся...

— А что вы скажете, если я устрою вам очную ставку со свидетелем, который видел, как вы вошли в дом Макдаффа?

— Вы уже достаточно долго держите меня здесь и пытаетесь приплести к убийству Элен Макдафф. Но у вас ничего не выходит, и теперь я вправе требовать, чтобы вы дали мне возможность позвонить адвокату.

— Почему вы думаете, мистер Эш, что у нас ничего не выходит?— спросил Смит.

Эш пожал плечами.

— Видимо, потому, что я не имею никакого отношения к убийству, у меня не было, выражаясь вашим языком, мотива. Что касается свидетелей... Плевать мне на них! В случае необходимости жена и сыновья под присягой покажут, что я был с ними, когда послышался выстрел. Ну, а теперь почему бы вам не взяться наконец за ум и не отпустить меня, пока вы не навлекли на себя крупных неприятностей?

— Парню, которого задержали в доме Макдаффов, грозит тяжкое наказание. Я не могу допустить, чтобы какой-нибудь самоуверенный ловкач вроде вас скрыл от следствия факты, доказывающие вину или, наоборот, невиновность этого человека. Вы понимаете?

— Понимаю. Выходит, Уэстин нашел себе еще одного защитника?

— Если бы предоставить все таким типам, как вы, наверняка его песенка была бы спета.

— Но вы, однако, скажите, зачем мне нужно было убивать ее?

— А вот зачем,— ответил Вирлок.— Элен Макдафф стала изменять вам, и вы в припадке ревности...

— Я приревновал Элен?!— сухо рассмеялся Эш.

— А почему бы и нет? Например, к пианисту Джемсу Вудроу, который провел с ней в воскресенье почти весь день — в то самое воскресенье, когда вы тихонько выскользнули из дому и прибежали к миссис Макдафф. Возможно, она указала вам на дверь, а вы обвинили ее в измене и обозвали шлюхой. Так, Эш?

— Но такой повод мог возникнуть не только у меня,— нервно ответил Эш.— Уж если вы считаете, что преступление продиктовано чувством ревности, почему бы вам не обратиться к самому Макдаффу и не расспросить старика о всех других связях его драгоценной супруги?

— Пока что наиболее серьезное подозрение падает на вас,— ответил Вирлок.

— Довольно запираться, Эш!— вмешался Смит.— Рассказывайте, как все произошло.

— А я помогу вам,— взглянул Вирлок на Эша.— Дело было вечером в воскресенье. Вы знали, что Макдафф дома, и наблюдали из окна, когда он уйдет. Убедившись, что он уехал, вы пошли к его жене, но она отвергла вас и на ваши настойчивые расспросы заявила, что предпочитает Вудроу. Вы же знаете, ей ничего не стоило сказать об этом прямо вам в глаза, поскольку она не видела ничего плохого в своих амурных делах. Но она не учла, что у вас на сей счет может быть иное мнение.

Эш молчал, уставившись в пол.

— Вы пытались урезонить ее, но Элен Макдафф не захотела и слушать. Она откровенно сказала, что отныне вы ей не нужны. Подумать только: вас, человека состоятельного, считавшего себя образцовым американцем, женщина поменяла на какого-то третьеразрядного полунищего пианиста! Ей нужен был ОН, а не ВЫ. Как же можно было примириться с этим? И вы, естественно, потеряли самообладание. Вот и все, Эш.

Эш устало выпрямился на стуле и покачал головой.

— Это правда, но только отчасти. Я любил ее, но понял это лишь после нашего разрыва. Чем чаще потом я встречал ее, тем больше понимал, как сильно люблю... В тот последний вечер я умолял ее выйти за меня замуж, если я добьюсь развода, но она только улыбалась и мурлыкала мелодию, которую наигрывал на вечеринке этот паршивый пианист...

— И тогда вы схватили пистолет и выстрелили в нее?

— Нет, нет! Я не стрелял в нее! Правда... — Эш помолчал.— Правда, мне хотелось ее убить. Я сидел в спальне, наблюдал, как она причесывается, у меня мелькнула мысль, что было бы так просто подойти, схватить ее за эту красивую шею...

— И вместо этого вы пустили в ход пистолет?— прервал его Вирлок.

— Нет! Я встал и ушел домой. Ей я ничего не сказал. Я даже не попрощался, хотя знал, что теперь-то между нами по-настоящему все кончено.

— Выстрелив в миссис Макдафф,— снова заговорил Вирлок,— вы услышали, что кто-то (это был Уэстин) вошел в дом. Тогда вы бросились бежать, благополучно пробрались к себе и спокойно уселись перед телевизором. В те минуты

Продолжение. См. «Огонек» №№ 42—46.

вы, скорее всего, не знали, кто вошел в дом, но как только полиция арестовала Уэстина, вы решили, что вам теперь ничто не угрожает.

— Не убивал я ее! — крикнул Эш.

— Вы неглупый человек, Эш, но, видимо, не можете понять, что только навредите себе, если выступите перед присяжными с такими показаниями. Что они решат, когда услышат, что у вас был роман с Элен Макдафф и что вы посетили ее в тот вечер, да еще сразу же, как только от нее ушел ваш соперник? Любой доморощенный юрист скажет, что ваши объяснения не выдерживают ни малейшей критики.

— Возможно. И все же убийца не я.

— Смит, пригласите стенографиста и Фэйна. Мистер Эш будет давать показания.

— Никаких показаний я давать не буду.

— Тем хуже для вас. Поберегите их для суда, и посмотрим, что получится.

В дверь просунулась голова полицейского.

— Вам звонит кто-то,— сообщил он.— Говорит, по срочному делу.

— Я занят,— отмахнулся Вирлок.

— Звонит какая-то женщина. Она, кажется, очень расстроена и говорит, что хочет сообщить вам нечто важное по поводу Уэстина. Она не назвала себя.

Вирлок живо повернулся к полицейскому. Наконец-то сбылась его надежда! Надежда на то, что пожелавшая остаться неизвестной женщина снова дает знать о себе.

— Немедленно установите, откуда она звонит!— распорядился он, бросился в канцелярию и взял трубку.

— Вирлок у телефона. Кто говорит?

— Этта Саймонсон. Вы могли бы сейчас же приехать ко мне? Хочу сообщить вам кое-что.

У Вирлока разочарованно вытянулось лицо, и он жестом дал понять полицейскому, что отменяется распоряжение.

— Ну, о «сейчас же» не может быть и речи, миссис Саймонсон. А в чем дело? Вы хотя бы намекнули.

— А по телефону можно?

— Безусловно.

— Нас не подслушивают?

— Что вы!

— Мистер Вирлок, боюсь, что вы можете принять меня за очень рассеянного человека, но иногда память и вправду мне изменяет. Вот только сейчас я припомнила, что заметила коечто в прошлое воскресенье.

— Говорите, говорите!

— Прошлый раз вы напугали нас своим утверждением, будто мой муж тоже подозревается, и я растерялась. Вы помните...

— Минутку, миссис Саймонсон! Мы по-прежнему в числе некоторых других подозреваем и вашего мужа. Теперь, когда я снова повторяю это, вы все-таки хотите продолжать наш разговор?

— Конечно. Мне нечего скрывать. Я уверена, что Элрой не имеет никакого отношения к убийству, в чем вы легко убедитесь, если выслушаете меня до конца.— В голосе Этты Саймонсон прозвучали истеричные нотки.— Вы помните, я рассказывала вам о пианисте по фамилии Вудроу?

— Помню.

— Категорически утверждаю, что мистер Макдафф был все время дома, пока там находился этот пианист. Часов около шести Вудроу ушел, а минут пятнадцать спустя уехал и Макдафф.

— Почти то же самое мы уже слышали от вас, миссис Саймонсон,— терпеливо заметил Вирлок.

— Да, но прошлый раз я не сказала, что примерно в половине восьмого или минут без двадцати восемь в дом вошел еще кто-то.

Вирлок почувствовал, как забилось у него сердце. Он нарочито раскашлялся и жестом приказал полицейскому стенографисту поднять отводную трубку и записывать разговор.

— Извините, миссис Саймонсон,— снова заговорил он,— табачный дым... Повторите, пожалуйста, я не расслышал.

— Я видела, как примерно за час до убийства Элен в дом вошел человек.

— Вы хорошо рассмотрели его? Ведь было уже темно.

— Ну, не так уж темно, сумерки.

— И кто же это был, миссис Саймонсон?

— Джордж Эш.

— Тот самый Джордж Эш, что живет напротив вас?

— Да.

— А вы не заметили, в какое время он ушел?

— Нет.

— Но вы узнали его, это в самом деле был Джордж Эш? Кажется, вы знаете его... Сколько лет вы его знаете?

— Более двенадцати.

— Вы видели, как ваш сосед вошел в дом Макдаффов, и вы не сомневаетесь, что это был Джордж Эш, а не кто-нибудь другой?

— Нисколько не сомневаюсь.

— Вы согласны дать письменные показания?

Этта Саймонсон промолчала.

— Вы согласны? — повторил Вирлок.

— Согласна! — подтвердила миссис Саймонсон.

— Большое спасибо. Я еще позвоню вам.— Вирлок положил трубку и спросил у стенографиста:— Записали?

— Да.

— Немедленно расшифруйте, перепечатайте и принесите мне.

Вирлок медленно направился в комнату для допросов. Во имя спасения своего благоверного, думал он, миссис Саймонсон готова утопить соседа. Что ж, не будем возражать...

Было уже без четверти семь, а Вирлок и Смит все еще продолжали допрашивать Эша. Часов в семь Вирлок предъявил ему запись телефонного разговора с Эттой Саймонсон, подписанную им самим и удостоверенную стенографистом.

— Взгляните на этот документ. Из него видно, что вы пришли к Элен Макдафф примерно в тот момент, когда произошло убийство. Вам не кажется, что этого и всего остального, что мы тут установили, вполне достаточно, чтобы...

— Я хочу поговорить с адвокатом,— охрипшим голосом заявил Эш.

— Теперь можете.

Смит провел Эша в канцелярию, и тот позвонил Гаррисону Блейку, своему адвокату. Затем Вирлок вызвал дежурного Адамса.

— Отправьте его в камеру,— распорядился он, кивнув на Эша.— Я арестовываю его по подозрению в убийстве Элен Макдафф.

— Не могу, мистер Вирлок.— Адамс развел руками.— Мистер Эллендер сказал, что вы отстранены от службы в полиции.

Вирлок достал из бумажника удостоверение, выданное прокуратурой штата, и положил перед сержантом.

— Препроводите Эша в камеру,— повторил он.— Ответственность я беру на себя.

— Да, да, Адамс, посадите его!— послышался голос Эллендера; он подошел к столу дежурного и со злорадной ухмылкой уставился на Вирлока.— С каким удовольствием я буду присутствовать при вашем крушении, Вирлок! В тюрьме уже сидит человек, которому предъявлено обвинение в убийстве миссис Макдафф, а теперь вы арестовываете другого...

Адамс оформил арест Эша, разрешил ему предупредить по телефону жену и отправил в камеру, оказавшуюся рядом с камерой Уэстина.

В половине девятого Эллендер прочитал районному прокурору Питеру Энстроу запись телефонного разговора Этты Саймонсон с Вирлоком.

— Тупица! Вы понимаете, что наделали?— еле сдерживая ярость, накинулся Энстроу на Вирлока.

— Понимаю, господин прокурор. Вам придется аннулировать обвинение, выдвинутое против Уэстина. Ни один состав присяжных, даже если вы и судья Сэм специально их подберете, не решится его осудить, поскольку существуют доказательства, что примерно в то время, когда совершено преступление, муж убитой и ее возлюбленный находились в доме, а позже, после их ухода, в особняк проник еще один субъект. Есть все основания подозревать Макдаффа и Эша не меньше, чем Уэстина. Я заинтересован только в том, чтобы найти действительного убийцу.

— Мистер Макдафф откажется от своих показаний,— запальчиво продолжал Энстроу.— Вы воспользовались тем, что он был пьян. Эллендер в любое время подтвердит это. Что касается Эша... Мне не составит ни малейшего труда усмирить Этту Саймонсон, ее заявление — просто-напросто выдумка старой сплетницы.

— А что вы намерены сделать с Вудроу?— спросил Вирлок.— Отправить его на тот свет? И как вы поступите с Роландом Гудом? Он же видел, как Джордж Эш входил в дом Макдаффов...

Энстроу долго смотрел на Вирлока, потом медленно сказал:

— Ну хорошо, Вирлок, вы сами заварили эту кашу, и я позабочусь, чтобы вы же ее и расхлебали. Вы не хотите последовать доброму совету, но то, что я скажу сейчас, вам придется выслушать. Предположим, вам удастся доказать невиновность этого ничтожества Уэстина и скомпрометировать Макдаффа. Уэстин унесет ноги восвояси, а вы останетесь в Гэйтвее тем же третьеразрядным, жалким сыщиком, причем все мы, кто имеет тут какое-нибудь влияние, постараемся не только избавиться от вас при первой же возможности, но и сполна с вами рассчитаться. Я ничего не прощу вам, Вирлок, не простит Эллендер, не простит Макдафф. Прежде чем вы опять начнете совать мне свое удостоверение из прокуратуры штата, позвольте напомнить главное правило нашей межпартийной политики: если вы не в состоянии победить врага — объединяйтесь с ним. Если Макдафф решит, что из-за устроенного вами скандала Лайтуэлл сможет победить без его, Макдаффа, помощи, он не задумываясь заключит с ним союз. И первое, что сделает Лайтуэлл для вновь обретенного дружка,— это смешает вас с грязью.

Прежде чем Вирлок успел ответить, в комнату влетел адвокат Гаррисон Блейк — невысокий человек с выхоленным, как у женщины, но надменным лицом.

— Что за чертовщина происходит тут у вас, Пит?— недовольно спросил он.

Энстроу молча сунул ему экземпляр записи телефонного разговора Этты Саймонсон с Вирлоком и отошел. Блейк быстро пробежал бумагу глазами и присвистнул.

— Ну и ну!

— А теперь, мистер Блейк, я могу проводить вас к вашему клиенту,— усмехаясь, предложил Вирлок.

Нонна Эш, в старом пиджаке мужа, с рассыпавшимися волосами, яростно гнала машину. Час назад она взяла Берту Пул из дома ее сестры в Мейконе и теперь торопилась обратно в Гэйтвей. Берта, напуганная странным поведением хозяйки, наконец собралась с духом и спросила:

— Что-нибудь стряслось, мэм? Вы, может, объясните мне, что вас тревожит?

— Заткнись! — прикрикнула Нонна Эш; события последних дней, визит полицейских, разговор с ними — все это казалось ей каким-то кошмарным сном.

— Но вас беспокоит что-то, миссис Эш,— минуту спустя снова заговорила служанка.

— Помолчи, Берта!

Миссис Эш еще не совсем протрезвела, у нее мучительно болела голова, но она помнила, как после телефонного разговора с мужем накинула на себя какую-то одежду, бросилась в машину и помчалась в Мейкон.

— Берта, сейчас мы с тобой поедем в полицию.

— Что вы, миссис Эш!

— Послушай, Берта, это очень важно и...

— Миссис Эш, ради бога, не надо!

— ...очень важно, и ты должна рассказать мне все, что видела в тот вечер, когда была убита миссис Макдафф.

— Не могу, миссис Эш, не могу!— всхлипнула женщина.

— Берта!

— Да, мэм?

— Сейчас же расскажи мне все-все, что ты тогда видела. Полиция считает, что миссис Макдафф убил мистер Джордж.

— О нет, нет, мэм!— пронзительно закричала Берта.— Это был не мистер Джордж, это был кто-то другой!

— Кто же, Берта? Ты должна сказать мне.

— Не могу, мисс Нонна, я ничего не знаю...

— Но ты же что-то видела?

— Не помню.

— Вспомни!— крикнула миссис Эш.

— Я открыла окно и увидела, что миссис Макдафф лежит на траве. Потом я увидела мужчину. Клянусь, я не знаю, кто это был!

— А дальше?

— Мужчина направился к двери, и миссис Макдафф пошла за ним... Они, должно быть, кричали друг на друга... Его я почти не рассмотрела да и видела плохо.

— Как он выглядел?

— Было уже почти темно и...

— Я спрашиваю, как он выглядел!

— Он напомнил мне кого-то знакомого...

— Кого? Мистера Макдаффа?

— Нет, мэм.

— Мистера Джорджа?

— Нет, и не мистера Джорджа... Знаете, миссис Нонна, я часами ломала над этим голову и почти готова поклясться, что знаю его.

— И узнаешь, если увидишь снова?

— Может быть.— Берта искоса наблюдала за хозяйкой.

— И он не живет на Бэнкер-авеню? — настойчиво продолжала миссис Эш.

— Нет, мэм, он не похож ни на кого, кто живет на Бэнкер-авеню и кого я знаю. Но он показался мне очень знакомым.

Берта отвернулась и уставилась на бегущую навстречу ленту дороги.

— Ты расскажешь в полиции все, что видела в тот вечер, когда была убита миссис Макдафф. Понимаешь?

— Да, мэм.

— А из города ты уезжала потому, что у тебя заболела сестра. Понимаешь?

— Да, мэм, я уехала из Гэйтвея потому, что у меня заболела сестра.

— А сейчас твоя сестра поправилась, и ты приехала, чтобы рассказать о том, что видела.

— Да, мэм.

— Полицейские, возможно, попытаются уговорить тебя рассказать что-то другое, Берта, но ты помни, что уезжала из-за болезни сестры и что человек, которого ты видела, был не мистер Джордж.

— Да, мэм.

— Ты хорошо запомнила, что нужно сказать?

— Да, мэм, я хорошо запомнила, что нужно сказать.

Вирлок и Смит допрашивали Берту Пул часов пять, но она упорно твердила одно и то же. Из своего окна на четвертом этаже дома Эшей она видела все, что происходило в особняке Макдаффов, но испугалась и в тот вечер никому ничего не сказала, а потом уехала к заболевшей сестре в Мейкон, где и жила все это время.

— Ты узнаешь убийцу, если снова его увидишь? — спросил Вирлок.

— Пожалуй, я смогу сказать «да», если увижу его.

Питер Энстроу и Лейси Эллендер присутствовали при допросе Берты, но за все время не произнесли ни слова. Как только утомленный Вирлок встал из-за стола, Энстроу подошел к нему и с довольной усмешкой сказал:

— Вирлок, ваша песенка спета!

— Безусловно,— подхватил Эллендер, поднимаясь со стула и потягиваясь.

— Берта, сколько времени ты служишь у Эшей? — поинтересовался Энстроу.

— Да чуть не всю свою жизнь, сэр. Я служила у родителей миссис Нонны еще до того, как она вышла замуж за мистера Джорджа.

— Ты видела, как мистер Эш стрелял в Элен Макдафф? — спросил Энстроу, иронически поглядывая на Вирлока.

— Что вы, сэр!— всплеснула руками Берта.— Тот человек совсем не похож на него — он невысокий и худой, а мистер Джордж — крупный и высокий.

— А ведь Уэстин как раз невысокого роста, Вирлок,— заметил Энстроу.— Скажи, Берта, может, ты видела мистера Макдаффа?

— Но я хорошо знаю мистера Макдаффа. Это был не он. Мистер Макдафф значительно выше.

— Возможно, Берта, тебе придется повторить свои показания в суде, перед судьей и присяжными. Ты уверена, что человек, которого ты видела, не был ни мистером Макдаффом, ни мистером Эшем?

— Уверена.

— А мистера Саймонсона ты знаешь? — обратился Вирлок к Берте.

— Знаю. Там был не он.

— А Роланда Гуда? — спросил Смит.— Он тоже невысокого роста.

— Нет, нет! Я знаю с Бэнкер-авеню всех, кто приходил к нам обедать.

— Ну-с, господин Вирлок,— промурлыкал Энстроу.— Есть у вас еще вопросы?

— Не забудьте, что у нас еще имеется пианист,— ответил Вирлок.

Энстроу натянуто улыбнулся и ткнул Вирлока пальцем в грудь.

— Ваша песенка спета,— подчеркивая каждое слово, повторил он.— С вами все кончено, друг мой.

— Не торопитесь,— спокойно возразил Вирлок.— Я предлагаю включить пианиста и Уэстина в группу других людей и попросить свидетельницу опознать среди них преступника.

— Пожалуйста,— согласился Энстроу.— Лейси, срочно вызовите Вудроу и распорядитесь, чтобы человек двенадцать полицейских переоделись в штатское. Берта, постарайся узнать убийцу среди тех, кого мы тебе сейчас покажем. Сможешь?

— Я видела его в сумерках, но, возможно, узнаю.

— Вудроу или Уэстин — мне совершенно безразлично,— сказал Энстроу Вирлоку.

— Зато это далеко не безразлично Уэстину,— огрызнулся инспектор.

Берта Пул не обратила внимания ни на Вудроу, ни на остальных и почти сразу указала на Уэстина. Все же, опасаясь допустить ошибку, она сказала:

— Вот если бы я еще могла взглянуть на него в чем-то ином...

— То есть иначе одетым? — уточнил Энстроу.

— Вот, вот! В кепке, как у туристов, и в пиджаке... Уж тогда-то я была бы совсем уверена.

— Что было на Уэстине, кроме свитера и сорочки? — вполголоса спросил Энстроу у Эллендера.

— Спортивный пиджак и клетчатая кепка.

Спустя несколько минут Уэстина заставили надеть его пиджак и кепку.

— Ну, так как? — нетерпеливо взглянул Энстроу на Берту.— Он или не он?

Берта молча смотрела на Уэстина, склоняя голову то в одну сторону, то в другую. Наконец губы у нее дрогнули, и она удрученно проговорила:

— Я никому не хочу причинить неприятности! Я никому не хочу принести вред!..

— Но это именно тот человек, который убил Элен Макдафф? — продолжал настаивать Энстроу.

— В этом пиджаке и кепке вроде похож.

— Да или нет? «Похож» — нас не устраивает. Ты должна сказать: «Да, это он».

Берта снова долго вглядывалась в Уэстина, затем, видимо, окончательно решив, кивнула:

— Да, это он, сэр.

— Ну вот, Вирлок, я представлю Берту Пул суду и не сомневаюсь, что присяжные ей поверят.— Энстроу удовлетворенно потер руки.

— Пойдемте, Смит, нам здесь больше нечего делать,— сказал Вирлок и вышел на горячий, душный воздух. На тротуаре он остановился и закурил; Смит заметил, что руки у него дрожат.

— Похоже, мы поставили не на ту лошадь,— проговорил инспектор после долгой паузы.

— Мистер Вирлок, а вы не думаете, что она ошибается?

Вирлок промолчал. Возможно, ошибались они, а не она. Возможно, принципы — это и в самом деле нечто такое, что могут позволить себе только богатые. Судя по имеющимся данным и по той уверенности, с какой Берта Пул произнесла свое «Да, это он», Уэстин и есть преступник. А ведь он, Вирлок, мог бы идти вместе со всеми остальными, стать одним из этой банды, и тогда бы ему не пришлось ждать мести Энстроу и Эллендера, не говоря уже о Макдаффе. Нечего и думать, что они забудут о нем, торжествуя свою победу.

— Спокойной ночи, Смит,— сказал он.

— Спокойной ночи, сэр,— подавленно ответил Смит.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Нонна Эш привезла Берту Пул из Мейкона 10 августа. Начиная с этого дня и до 5 сентября, до последнего перед началом процесса дня, Честер Вирлок и Хиллори Смит заново анализировали все собранные материалы, все сведения, сплетни и слухи, полученные от соседей Макдаффа на Бэккер-авеню. Они семь раз допросили Джемса Вудроу, через его родных и соседей и через участников музыкального трио, которому он аккомпанировал, проверили и перепроверили его алиби. После тщательного допроса бармена Вирлок и Смит три дня поджидали в «Комбо клуб» одного из частых посетителей ресторана, подтвердившего, что Джемс Вудроу действительно играл на пианино в тот вечер, когда было совершено преступление.

Они вновь беседовали с Элроем Саймонсоном и его женой, с Робертой и Роландом Гудом, ежедневно в течение двух недель допрашивали Джорджа Эша, снова и снова беседовали с Нонной Эш, ее сыновьями и служанками. Они неоднократно пытались допросить К. Т. Макдаффа, но он неизменно оказывался пьяным, хотя Вирлок и Смит появлялись у него в самое необычное время — и рано утром, и в полдень, и поздно вечером.

По их требованию Берта Пул много раз повторяла свои показания, показывала, где она стояла в своей комнате на четвертом этаже и как смотрела. Берта действительно могла видеть, что происходит в доме напротив. Вирлок убедился в этом, когда однажды вечером Смит по его указанию разыграл соответствующую сцену в гостиной Макдаффа, и Вирлок отчетливо все рассмотрел из дома Эшей. В течение всех трех недель Берта упорно твердила, что в доме Макдаффа она видела именно Уэстина.

Вечером 5 сентября Честер Вирлок, его жена и Смит сидели за кофе в кухне дома Вирлоков.

Им уже не о чем было говорить, да и не хотелось: так они изнервничались.

— Теперь мы можем со спокойной совестью сказать, что просеяли все сквозь самое мелкое сито,— заметил Смит,— и не получили даже косвенных данных, которые позволяли бы усомниться в виновности Уэстина.

Вирлок промолчал.

— И я теперь уже не сомневаюсь в этом,— продолжал Смит, ни на кого не глядя.

— Я вас не виню, Смит,— вздохнул Вирлок.— Видимо, я и сам обманулся. Приступая к расследованию, я задавался еще одной целью: показать подлинное лицо Макдаффа. Надеюсь, процесс поможет мне в этом хотя бы частично.

— Вам не кажется странным, что Макдафф до сих пор не расправился с Фэйном?

— Странно, конечно,— согласился Вирлок.— Но он, должно быть, еще не вспомнил о нем, так как все время пьянствует.

Дальнейший разговор прервал телефонный звонок. Вирлок поднял трубку.

— Кэйджен, вы?!— удивился инспектор.— И, похоже, под градусом?.. Нет, никаких новых данных нам получить не удалось... И вообще: зачем вы мне звоните? Предполагается, что вам надо готовиться к завтрашней схватке с Энстроу и судьей Сэмом.

Некоторое время Вирлок молча слушал Кэйджена.

— Ну хорошо,— проговорил он наконец.— Мы приедем к вам со всеми нашими материалами, однако должен заранее предупредить, что все это одна грязь. Ничего, что заслуживало бы внимания. Любые наши предположения лопаются, как мыльный пузырь, когда мы сопоставляем их с показаниями Берты Пул... Так мы будем у вас минут через тридцать.

Вирлок положил трубку и взглянул на Смита.

— Вы едете со мной, Смит? Вероятно, наша беседа закончится в каком-нибудь баре, но у меня такое настроение, что я не откажусь выпить. Юнис, ты не возражаешь?

Жена Вирлока кивнула.

— Ты уж извини, Юнис,— мягко обратился к ней Вирлок.— Извини, что у меня... что у нас ничего не получилось. Ты с полным правом можешь сказать: «Ну вот, я же говорила!»

— Но не зря же я столько лет замужем за детективом!— попыталась улыбнуться Юнис.— Я понимаю, не всегда вашей работе сопутствует успех. И все же, если бы ты с самого начала послушался меня... Нет, нет, не то я говорю! Пожалуй, я даже рада, что ты не послушался...

— Привет!— заплетающимся языком поздоровался с ними Кэйджен, не вставая из-за письменного стола.— Я тут много наслушался о вас обоих. Кажется, весь город только тем и занят, что гадает, удастся вам что-нибудь выяснить или нет... Хотите выпить за компанию?

— Что с вами, Кэйджен? — покачал головой Вирлок.— Завтра процесс, а вы...

— Смеетесь? Смейтесь, смейтесь, мне все равно,— отмахнулся Кэйджен. Он закурил и пододвинул коробку с сигарами детективам.— Так что у вас есть?

— Сначала скажите, что вы намерены предпринять завтра в суде.

— Вы развернули такую бурную деятельность, что вам недосуг полюбопытствовать, как ведет себя знаменитый адвокат Гарольд Кэйджен.— Он допил вино и тут же снова наполнил бокал.

— И как же он ведет себя?

— А я послал их подальше в самых изысканных выражениях, какие только нашлись у меня в запасе. И, пожалуйста, не делайте такой изумленный вид. Виноваты в этом вы.

— В чем?

— В том, что я так поступил.

— Не понимаю.

— Да выпейте же наконец!.. Вы и Смит стали такими принципиальными! Но и я могу быть принципиальным. Разница лишь в том, что у каждого из вас есть крепкий хребет и кое-что за душой, ну, а у Кэйджена никогда ничего за душой не было, вот он и позаимствовал кое-что у вас.

— Послушайте,— удивился Вирлок,— да наши «отцы города» в порошок сотрут вас, если вы завтра на суде не потрафите им! После этого судья Дэйл заставит вас чистить урну у себя в кабинете, а не докладывать дела по завещаниям.

— Но и вам со Смитом придется не лучше,— криво усмехнулся Кэйджен.— Помяните мое слово, вы еще пожалеете, что живете на белом свете... От меня они потребовали слишком много — это даже меня заставило возмутиться... не без вашего влияния, конечно.

— Ну хорошо,— проговорил Вирлок, заметно смягчаясь.— Однако чем же вы все-таки располагаете для защиты своего клиента? У прокурора есть очевидец убийства, точнее, очевидица, и мы не нашли в ее показаниях ничего, что вызывало бы недоверие или сомнение. Она согласна выступить на суде и под присягой показать, что именно Уэстин убил Элен Макдафф. Свидетельница опознала Уэстина в группе других лиц и без колебаний указала на него... Да, да, она служанка в доме человека, на которого тоже падает серьезное подозрение, и этот факт наводит на размышления, но чем мы можем опровергнуть или скомпрометировать ее показания?

— Понимаю,— согласился Кэйджен.— А знаете, я как раз и взорвался, как только узнал о показаниях Берты Пул.

— Энстроу заставит ее изложить все так, словно во время убийства она сидела в углу той же комнаты и ела кукурузные хлопья.

— Не сомневаюсь.

— Ну, а у вас кто есть?

— Никого.

— Ну, а что у вас есть?

— Ничего.

— В таком случае прокурор мигом расправится с вами.

— Конечно, расправится. Но он сделал бы это в любом случае. Теперь же я хоть немного придержу их.

— Вы когда-нибудь пробовали придержать железнодорожный экспресс?

— И все же я должен сказать вам кое-что,— хрипло произнес Кэйджен.— У меня нет ни малейших оснований утверждать, что Уэстин не убивал Элен Макдафф. Правда, идиотских совпадений хоть отбавляй: оказывается, Макдафф был дома, пока его жена в другой комнате проводила время с очередным возлюбленным; потом в особняке появляется Эш; потом выясняется, что всю вторую половину дня тут же торчал этот пианист; потом возникает фигура Саймонсона — соседа Макдаффов... И все же я начинаю верить, что убийство — дело рук Уэстина. Показания Берты Пул лишь замыкают круг серьезных улик против него.

— Но тогда что мешает вам договориться с Энстроу и Макдаффом и сделать то, чего они от вас добиваются?

— Я уже ответил. Я не в состоянии следовать за ними, этой бандой, даже если Уэстин виновен.

— Какую же позицию вы и ваш подзащитный намерены занять на суде? — спросил Вирлок.

— Уэстин откажется признать себя виновным, но согласится давать показания... Должен сказать, сегодня впервые за долгое время я чувствую себя человеком. И это так хорошо!— Кэйджен поднял бокал, выпил и тяжело откинулся на спинку стула.— Конечно, завтра на суде Энстроу сделает все, чтобы я выглядел ослом, но, клянусь, и ему достанется от меня!

Один только отбор присяжных, вполне приемлемых с точки зрения прокуратуры, занял три дня. Затем в течение двух дней Кэйджен придирчиво и упорно допрашивал Берту Пул, но так ничего и не добился от нее в пользу своего подзащитного. С таким же пристрастием адвокат допросил Макдаффа и Джорджа Эша, и хотя ему удалось сорвать с них личину благопристойности и показать присяжным подлинную сущность этих мерзких, беспринципных людей, бóльшего он не добился. Ничего полезного для защиты не дали и допросы Джемса Вудроу, Этты Саймонсон и Роланда Гуда. Правда, Кэйджен все-таки вынудил их дать показания, которые не только характеризовали Элен Макдафф как неверную жену, но и обнажили всю грязную изнанку повседневной жизни обитателей Бэккер-авеню и послужили темами многих сенсационных статей в газетах.

К концу второго дня судебного разбирательства выяснилось, что все усилия Кэйджена доказать невиновность Уэстина ни к чему не привели. Во время допроса Уэстина Энстроу сумел представить его присяжным этаким злодеем, полностью лишенным всяких признаков человечности, и обвиняемый мог лишь упорно твердить в ответ, что он не убивал Элен Макдафф. Прокурор хладнокровно провоцировал юношу на вспышки отчаяния и гнева и тут же использовал их в интересах обвинения. К концу допроса Уэстин не казался уже больше простым парнем, ставшим жертвой неблагоприятного стечения обстоятельств, а выглядел в глазах присутствующих наглым и безжалостным хулиганом, которого необходимо изолировать для пользы общества.

Решающий удар Энстроу нанес, когда вызвал на вторичный допрос Берту Пул. Он задал ей два вопроса. Она видела, как какой-то мужчина выстрелом из револьвера убил Элен Макдафф. Может, этот мужчина был Джордж Эш? Берта ответила отрицательно.

— Тогда, быть может, К. Т. Макдафф?

— Нет! — снова ответила Берта Пул.

11 сентября присяжным понадобилось всего двадцать семь минут, чтобы признать Уэстина виновным в предумышленном убийстве при отягчающих вину обстоятельствах, что лишало подсудимого права на снисхождение при определении меры наказания. Спустя девять дней, 20 сентября, судья Сэм приговорил Уэстина к смертной казни, назначив ее на 29 октября. Вынося смертный приговор, судья заявил, что основной уликой против Уэстина являются показания Берты Пул.

...В течение всего процесса Честера Вирлока не покидала мысль об анонимном звонке по телефону, и в ушах у него не умолкал голос, утверждавший, что убийца вовсе не Уэстин.

Окончание следует.

Перевел с английского Ан. ГОРСКИЙ.

СОВЕРШЕННОЕ МАСТЕРСТВО

У русского читателя и в прошлом веке была возможность познакомиться с переводами Сервантеса, Рабле, Боккаччо, Шарля де Костера. Однако любители чтения, устав спотыкаться о словесные ухабы «переводческого языка», обезображенного буквализмами и штампами, подчас начинали невольно сомневаться, вправду ли так уж велики эти гении мировой литературы. И вот с начала пятидесятых годов нашего столетия один за другим появляются «Дон Кихот», «Гаргантюа и Пантагрюэль», «Тиль Уленшпигель», «Декамерон» и многие другие произведения в переводах, выполненных Николаем Михайловичем Любимовым. В них впервые с подлинной глубиной и художественной силой раскрылись величие, красота, истинно философская мудрость и неповторимое своеобразие целого ряда вершинных творений европейской литературы. Переводчик воссоздал с невиданной еще степенью равноценности шедевры совершенно различных по стилю и художническому темпераменту гениев ренессансной культуры — Рабле, Сервантеса и Боккаччо, которых роднит между собой лишь непреходящая любовь к человеку, к его разуму, идеалам и свершениям. Насколько же разносторонним должно быть дарование Н. Любимова, стремившегося—и преуспевшего в этом—проникнуться духом, строем мысли и манерой письма Шарля де Костера и Бомарше, Мольера и Доде, Флобера и Шиллера, Мопассана и Метерлинка, писателей разных эпох, литературных стилей и направлений, чьи книги он переводит на русский язык, бережно сохраняя их художественные особенности и национальный колорит!

Сделай Любимов перевод только одного «Гаргантюа и Пантагрюэля», этого уже было бы достаточно, чтобы войти в историю переводческого искусства. Рабле казался непереводимым. Он умел играть словами, находить в них новые смысловые оттенки, изобретать самые фантастические неологизмы, наделять своих героев забористыми прозвищами; он пользовался медицинской, юридической, военной, морской и прочей терминологией, щедро вводил в свой роман диалектную, жаргонную и иностранную лексику, зло пародировал речь схоластов и педантов. Слог Рабле — это безудержный, буйный, искрометный праздник народного языка, победно утверждающего себя в борьбе с официальной латынью средневековья. Н. Любимов не только художнически прочувствовал все тонкости необыкновенного языкового дара Рабле, не только проникся стихийной народностью этого гения Возрождения, но и сумел передать на русском языке идейно-художественные и стилистические особенности раблезианского романа, его словесную канву.

Переводчик-творец, Любимов идеи и образы, выраженные средствами чужого языка, перевоплощает на родной почве богатым, сочным, раздольным, то пылающим от гнева, то искрящимся юмором русским языком.

Николай Любимов — большой труженик. Он перевел более двух десятков крупных романов и пьес. Он редактирует собрания сочинений Гюго, Флобера, Доде, Мериме, издающиеся в «Библиотеке «Огонек», печатает статьи о секретах переводческого мастерства, пишет рецензии, участвует в дискуссиях. За сорок лет творческого труда он действительно не прожил ни дня без строчки.

Ныне мы представляем себе Сервантеса, Рабле, Боккаччо и других великих писателей прошлого такими, какими ввел их в русскую литературу Н. Любимов, талантливый, темпераментный и чуткий художник.

Говорят, что в отличие от подлинника перевод не вечен. Мне лично не верится, что «Гаргантюа» или «Дон Кихота» можно перевести лучше, чем это сделал Любимов. Конечно, со временем, когда наш язык изменится, появится необходимость привести переводы прошлых лет в соответствие с новой языковой нормой. К счастью, язык не спешит менять ни свой строй, ни свою лексику. Пожелаем же Николаю Михайловичу Любимову в день его шестидесятилетия новых творческих успехов и стольких лет жизни, сколько будут жить его переводы!

В. ВИНОГРАДОВ

ВСЕГДА НАЧЕКУ

КУКРЫНИКСЫ. «В нем живы стойкие привычки».

4 ноября нынешнего года в Москве открылась выставка «Всегда начеку», рассказывающая о славных делах советской милиции и приуроченная к 55-й годовщине создания этого подлинно народного органа защиты революционного правопорядка.

Посвящена выставка великой дате — 50-летию образования Союза Советских Социалистических Республик.

На открытии выставки выступили заместитель министра культуры СССР К. В. Воронков, заместитель министра внутренних дел СССР генерал-лейтенант юстиции Б. А. Викторов, секретарь Правления Союза художников СССР Ю. К. Королев. Открыл выставку заместитель начальника Управления изобразительных искусств и охраны памятников Министерства культуры СССР А. Г. Халтурин.

Обширная экспозиция, разместившаяся сразу в двух помещениях — Доме художника и Выставочном зале Союза художников СССР на Кузнецком мосту,— вобрала лучшие произведения живописи, скульптуры, графики, монументального и декоративно-прикладного искусства, созданные художниками всех союзных республик и отразившие историю боевого пути советской милиции, пожарной охраны и внутренних войск Министерства внутренних дел.

На открытии выставки присутствовал министр внутренних дел СССР генерал-полковник Н. А. Щелоков.

И. ЗАРИНЬ. «На новый порог».

РАБОЧИЕ МОРЯ

Семнадцатилетний Владимир Жуков пришел в грозном 1943 году в Дальневосточное пароходство и начал плавать на «Либерти» в США и Канаду палубным матросом.

Спустя двадцать девять лет полковник Владимир Жуков написал роман «Хроника парохода «Гюго», опубликованный журналом «Знамя». Принято считать, что если пишет человек военный, то уж обязательно о войне. В данном случае военный человек написал о труде, адски сложном и опасном, который был отдален от Курской дуги десятью тысячами километров, но который тем не менее находился на переднем крае войны.

Движение романа пластично, неторопливо (впрочем, заданную авторскую неторопливость не всегда можно отнести к бесспорным достоинствам книги), герои выписаны с открытой любовью, з н а н и е Жуковым предмета бесспорно.

Казалось бы, ничего особенного и не происходит: трудовые будни, которые предполагают и штормы, и тайфуны, и постоянные опасности, подстерегающие людей в их схватке со стихией. Жуков не зря назвал свой роман «Хроникой». Он следует за событиями, не торопит их. Молодой семнадцатилетний паренек Левашов попадает на пароход и идет в Америку. Всего лишь. Но он плывет туда под командованием капитана Полетаева и старпома Реута, а люди эти куда как разные — и в своем общении с экипажем и в нравственных своих позициях. Плывет он вместе с инвалидом войны Щербиной и вместе с матросом Алей — девушкой в бушлате, плывет на неведомый континент, где Левашову предстоит столкнуться и с добрыми и со злыми людьми, посидеть в полиции, увидеть воочию рабочую солидарность, еще точнее осознать себя в том мире, в котором мы живем и поныне.

Бесспорно, лучшие страницы романа — это сцены, описывающие, как трещина развалила «Виктора Гюго» на два обломка и как люди боролись со стихией в эти столь короткие и столь длинные часы. Автор подробно, дотошно, я бы сказал, описывает каждую минуту, и здесь неторопливость оправданна, ибо она выверена драматизмом ситуации и правдой поведения персонажей.

Но есть в романе неоправданные затянутости, необязательные, побочные линии, которые мешают следить за становлением главного героя — семнадцатилетнего рабочего, палубного матроса Левашова: в столкновениях его и с Реутом, и с вором и изменником родины Жоговым, и со странной девушкой Алей. Желание следовать хронике парохода, который стал домом для его обитателей, само по себе похвальное (я понимаю, как трудно автору было «отсекать» своих друзей по плаваниям, как он хотел отдать дань памяти каждому из своих товарищей), в данном случае, когда замысел стал романом, большим романом, населенным многими людьми, обернулось в некоторых главах против В. Жукова. Перенаселенность и полифоничность в некоторых местах мешают следить за главным героем, ибо «Виктор Гюго» лишь вместил в себя судьбы человеческие, сделался некоей сценической площадкой, на которой разыгрывается не пьеса — жизнь. А главным героем, повторяю, стал Левашов, и именно через него мы видим весь коллектив мужественных рабочих моря, которые честно выполняли свой нелегкий долг перед народом.

Частное это замечание мое отнюдь не снижает читательской оценки романа. Предпринята серьезная попытка создать «рабочий» роман, предпринята попытка проследить жизнь людей труда, и попытка эта успешная.

Юлиан СЕМЕНОВ

Владимир Ж у к о в. Хроника парохода «Гюго». Журнал «Знамя» №№ 6, 7, 8 за 1972 год.

СВЕТ ИДЕАЛА

У каждого большого писателя есть своя выстраданная тема, верность которой сохраняется на всю жизнь, на каком бы материале ни создавались произведения. Олесь Гончар в полный голос заявил о себе «Знаменосцами». И в последующих произведениях его в первую очередь привлекали герои в буквальном смысле этого слова. В «Знаменосцах», «Злате Праге» показывались мирные люди, из которых война выковала воинов. В «Тронке» шла речь о вчерашних солдатах, украшающих мирную жизнь. Темы войны и мира тесно переплетаются и в новом романе писателя — «Циклон». Это сложное, многоплановое произведение, написанное взволнованно, с проникновением в тайники людских душ.

Олесь Гончар приводит цитату из справочника, объясняющую, что же такое циклон — гигантский атмосферный вихрь. «Циклоны являются без предупреждения. Разбушевалась где-то стихия, в темные бурлящие недра ее вскоре будут брошены и ваши жизни. Все чудовищное врывается без предупреждений, и вдребезги разбивается устоявшийся порядок дня, не состоятся чьи-то свидания, недочитанными будут отброшены книжки, на полуленте оборвутся фильмы, все падает в своей значимости, мельчает, отступает на задний план, растет только эта грозная правда циклона, правда стихии, дыхание которой уже слышно... Не признавая границ, циклоны ходят по всей планете... встав с циклоном один на один, человек должен помериться с ним силой».

В жизни главного героя романа, Колосовского, уже был один циклон — четырехлетний — война, заставившая испить его горькую чашу до донышка. Все было: и голод и каменная тяжесть плена, раны физические и духовные. Из концлагеря на Холодной Горе довелось Колосовскому наблюдать сцены, от которых на всю жизнь закровоточило сердце: «И пастух-звездочет тоже видел той ночью от своего шалаша: обнаженные, будто русалки, девчата в отчаянье обнимают на острове чесоточных лошадей. Прикасаются персями чистыми, в слезах неодолимого горя ласкают шелудивых кляч, выбракованных, покрытых струпьями калек... Но пристанет ли эта чесотка? И что же это за мир такой? Что за век, в котором приходится красу юности своей вот так осквернять?»

«Ласкаем коней, ищем заразы, только бы не покидать Украину, только бы не чужбина, где обрезают нам косы, где наши сестры иголки глотают... В струпьях жить, но не там, не на каторге!» Прижимаются телами к конским шеям, обнимают, обнимают и плачут... Так что же это за мир?» Вот с этим миром не на жизнь, а на смерть враги герои Гончара. С ним они борются везде. Даже в лагере, где, казалось бы, комар и тот находился под неусыпным надзором, они делали, что могли. Голодные, изможденные люди, которых шатало, раскачивало ветром, ни на один миг не забывали, что у советских собственная гордость. Лихой, отважный Шамиль, словно ставший меньше ростом в неволе — осунувшийся, сгорбившийся, стоит в очереди за прозрачной баландой. И все равно, глядя на него, думалось врагам: «Нет, это человек, никогда не знавший рабства».

Таким людям не страшны никакие циклоны. Но какой же дорогой ценой достается победа... В лагере с Колосовским в Холодной Горе были представители многих народов. О каждом — почти о каждом — следовало бы написать книгу в назидание потомкам, как надо себя вести в лихую годину. Писатель откровенно любуется своими героями, которые могли бы стать незаурядными личностями. Могли — и уже никогда не станут, но навсегда останутся живыми в памяти благодарных потомков.

Новый роман Олеся Гончара — оптимистическое, жизнеутверждающее, светлое произведение. Оно учит любить жизнь, всегда помнить, какой дорогой ценой куплено наше счастливое настоящее.

М. ХОДАКОВ

Олесь Гончар. «Циклон». Издательство «Известия», библиотека «Дружбы народов». 1972.

Улица Сталинграда в Брюсселе.

Советская выставка в Амстердаме. У стенда с книгами, изданными в СССР.

Юрий ЯСНЕВ

Фото автора.

Хотя первая железная дорога на европейском континенте была построена в Бельгии, нынешнее поколение бельгийцев предпочитает в качестве средства передвижения автомобиль. Широкие ленты асфальта, словно щупальца огромного спрута, протянулись из Брюсселя во все стороны и, задержавшись на короткое время у таможенных будок на границах, уходят в соседние страны, чтобы слиться с автострадами Франции, ФРГ, Нидерландов и Люксембурга.

В самом центре Брюсселя есть маленькая, живописная площадь под названием «Каррефур д'Эроп», что значит в переводе «Перекресток Европы». В какой-то мере это название символично для всей Бельгии. Эта маленькая, компактная и высокоразвитая в промышленном отношении страна действительно лежит на скрещении сухопутных, воздушных и водных путей нашего континента. Недаром сюда перебрался выдворенный из Франции штаб Североатлантического блока. Не случайно здесь обосновались центральные учреждения Европейского экономического сообщества, именуемого почему-то «Общим рынком», хотя, как известно, эта замкнутая экономическая группировка имеет отнюдь не общеевропейский характер.

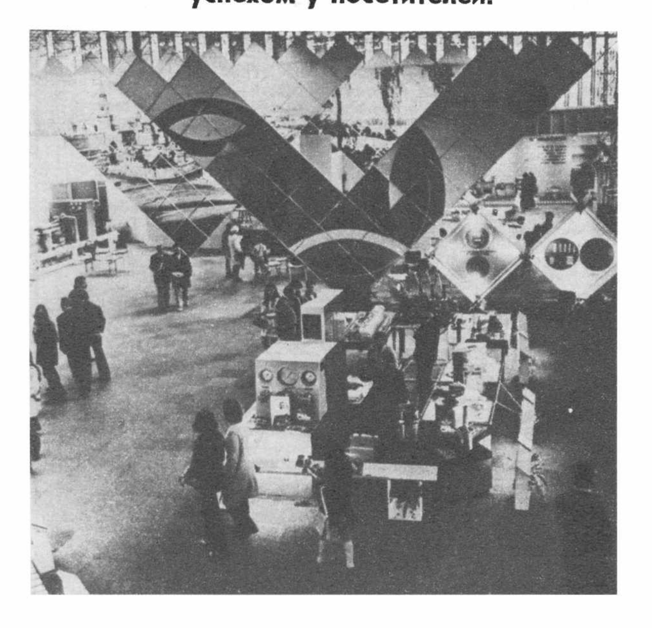
Впрочем, свежие ветры, подувшие в последние годы над Европой и благоприятно изменившие политический климат, дают о себе знать и в Бельгии. С кем бы нам ни приходилось встречаться недавно в Брюсселе и Антверпене — политическими деятелями, представителями деловых кругов, учеными и писателями,— все высказывались за активное развитие самых разносторонних связей с Советским Союзом и другими социалистическими странами. Одни говорили, что Бельгия производит почти половину своей промышленной продукции на экспорт и ей нужны новые рынки сбыта, другие вспоминали боевое содружество бельгийских и советских партизан в Арденнах в годы второй мировой войны, говорили о необходимости совместных усилий по обеспечению прочного мира в Европе.

Наиболее выразительным отражением этих настроений явилась состоявшаяся в июне брюссельская Ассамблея общественных сил за безопасность и сотрудничество в Европе. Ведь именно бельгийцы выступили с инициативой ее созыва и взяли на свои плечи главные заботы по ее проведению. Мог ли кто-нибудь подумать, скажем, пять лет назад, что натовская столица станет местом столь представительного общеевропейского форума борцов за мир, что именно отсюда около 1 000 представителей из 27 стран нашего континента обратятся с Торжественной декларацией, призывающей самые широкие круги европейской общественности внести свой вклад в дело подготовки и скорейшего созыва общеевропейского совещания.

О настоятельной необходимости жить в мире и дружбе нам не раз приходилось слышать и в Нидерландах. Эта страна докеров и моряков, крестьян и рыбаков немало пострадала от гитлеровского нашествия. Об этом напоминают многочисленные памятники погибшим в годы второй миро-

ПЕРЕКРЕСТОК ЕВРОПЫ

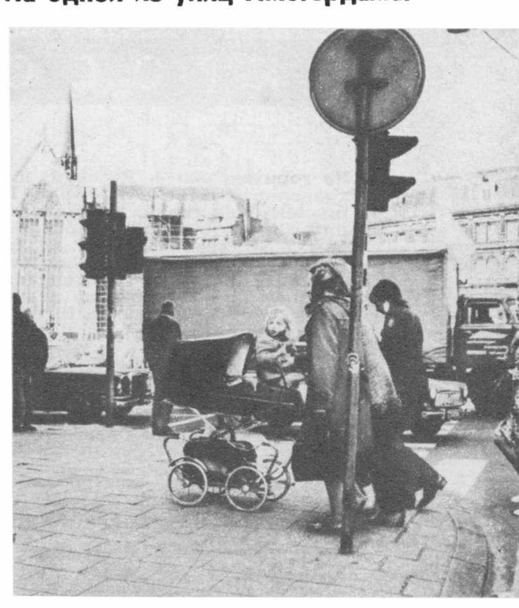
Советская торгово-промышленная выставка в Амстердаме пользовалась большим успехом у посетителей.

В зале заседаний брюссельской Ассамблеи общественных сил за безопасность и сотрудничество в Европе.

На одной из улиц Амстердама.

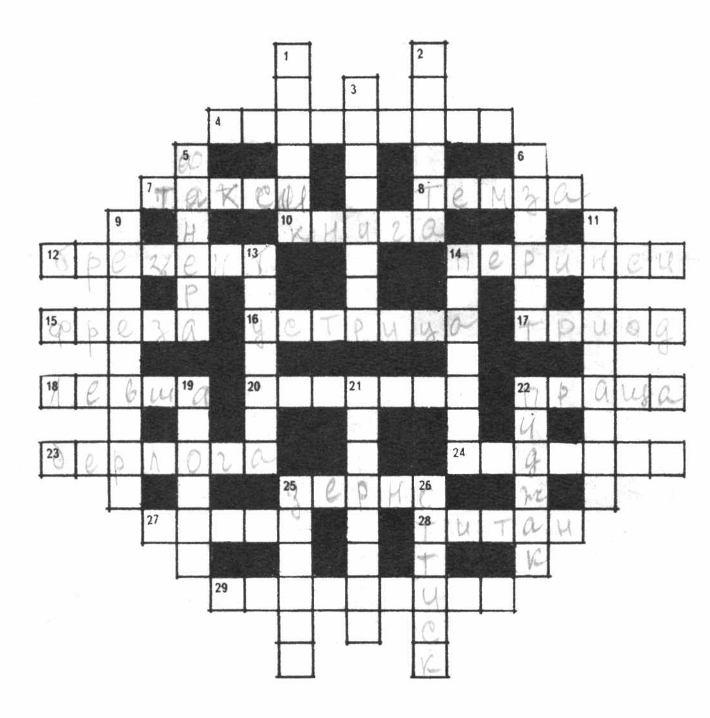
вой войны, воздвигнутые в голландской столице Амстердаме и крупнейшем порте мира Роттердаме, об этом свидетельствуют страшные своей правдой страницы дневника маленькой школьницы Анны Франк.

При каждой встрече с советским человеком голландец не упустит случая подчеркнуть глубоко исторический характер связей его родины с нашей страной. Он напомнит, что в городе Бергене до сих пор сохранилось Русское кладбище, где похоронены солдаты, освобождавшие Нидерланды от наполеоновского господства. Поинтересуется, посетили ли вы музей-дом Петра I в Зандаме.

Нынешняя Голландия — это не только каналы, тюльпаны, сыры и ветряные мельницы, но и крупные промышленные предприятия электронной, химической, приборостроительной промышленности, не говоря уже о традиционных портах, судоверфях и доках. Только через Роттердам в прошлом году прошло около 230 миллионов тонн грузов. Это больше, чем через Иокогаму и Нью-Йорк, вместе взятые. Советские суда здесь не случайные гости, а постоянные деловые партнеры, ибо между Роттердамом и Ленинградом, городами-побратимами, действует регулярная морская линия.

Лесами труб сталелитейных заводов, ровными рядами виноградников и необыкновенно живописной, влекущей к себе туристов природой предстает Люксембург человеку, впервые попавшему сюда. В великом герцогстве Люксембург на площади 2,6 тысячи квадратных километров проживает 340 тысяч человек. Это крошечное государство, расположенное в центре Западной Европы, за свою тысячелетнюю историю принадлежало то Франции, то Испании, то Австрии. В годы первой мировой войны оно было оккупировано кайзеровской Германией, в годы второй мировой войны — гитлеровской. Каждый захватчик считал необходимым навязывать люксембуржцам свои нравы и порядки и даже свой язык. А люксембуржцы говорят: «Мы хотим остаться тем, что мы есть». Именно эти слова они высекли на фронтоне ратуши города Эш. Не только высекли, но и доказали в годы второй мировой войны приверженность к этому девизу своей борьбой, понеся чуть ли не самые крупные людские потери в Западной Европе пропорционально численности населения. Огромные урны в Эшском музее движения Сопротивления хранят прах тех, кто погиб в Дахау, Маутхаузене, Равенсбруке и других фашистских концлагерях.

Конечно, и в Бельгии, и в Голландии, и в Люксембурге отнюдь не все ратуют за безопасность и сотрудничество европейских народов. В странах Бенилюкса есть еще довольно влиятельные консервативные круги, которые не отрешились от догм «холодной войны», поддерживают обанкротившуюся политику НАТО, смотрят на ход событий через очки антикоммунизма. Действуют там и силы международного сионизма. Ими, в частности, была предпринята скандально провалившаяся попытка дискредитировать советскую торгово-промышленную выставку в Амстердаме, проходившую в июне этого года. Но тенденция к взаимопониманию и сотрудничеству всех народов европейского континента пробивает себе дорогу в странах Бенилюкса. Именно об этом свидетельствуют успешные визиты министра иностранных дел СССР А. А. Громыко в Нидерланды, Люксембург и Бельгию, состоявшиеся в июле этого года. Переговоры, проходившие в столицах этих государств, характеризовались деловитостью, дружественной атмосферой и закончились выработкой целого ряда важных документов, сближающих позиции СССР и стран Бенилюкса в интересах как упрочения двусторонних отношений, так и дальнейшей разрядки в Европе.

КРОССВОРД

По горизонтали: 4. Русский писатель. 7. Вид городского транспорта. 8. Река в Англии. 10. Печатное издание. 12. Непромокаемая ткань. 14. Горная система в Европе. 15. Режущий инструмент. 16. Морской моллюск. 17. Электронная лампа. 18. Герой сказа Н. С. Лескова. 20. Город в Австрии, центр туризма. 22. Древнее метательное оружие. 23. Логово медведя. 24. Судно специального назначения. 25. Злак. 27. Немецкий композитор и дирижер. 28. Роман Т. Драйзера. 29. Персонаж оперы Н. А. Римского-Корсакова «Сказка о царе Салтане».

По вертикали: 1. Полярная птица. 2. Название некоторых видов ив. 3. Спутник планеты Уран. 5. Клееный древесный материал. 6. Минерал синего цвета. 9. Праздничный салют. 11. Поэма К. Ф. Рылеева. 13. Искусство подготовки и ведения боя. 14. Степная рысь. 19. Точка лунной орбиты, наиболее удаленная от Земли. 21. Прибор для измерения атмосферного давления. 22. Мужская одежда. 25. Периодический подъем уровня океана. 26. Отпечаток текста, рисунка.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 46

По горизонтали: 3. Балакирев. 7. Кольраби. 8. Исландия. 11. Сюита. 13. Офорт. 17. Тонна. 18. Окулист. 19. Сорренто. 20. Краковяк. 22. Рессора. 24. Скула. 25. Терек. 27. Шрифт. 30. Гончаров. 31. Институт. 32. Абонемент.

По вертикали: 1. Глобус. 2. Преспа. 3. Барон. 4. Вуаль. 5. Росток. 6. «Симона». 9. Циолковский. 10. Полиспаст. 12. Варакушка. 14. Тасеева. 15. «Контора». 16. Штурвал. 17. Ташкент. 21. Футбол. 23. Арктур. 26. Глава. 27. Штопор. 28. Тандем. 29. Катет.

На первой странице обложки: Летим мы, товарищ, дорогой высокой. Наш путь над тайгою пролег. Байкал мой глубокий, Амур мой широкий, Мой Дальний советский Восток...

На последней странице обложки: Женя Тимофеев из школы-интерната в селе Бомнак.

Фото Г. Копосова.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), Н. Б. ПАСТУХОВ, Н. М. СЕРГОВАНЦЕВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14.

Рукописи не возвращаются.

Оформление А. А. КОВАЛЕВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Социалистических стран — 250-24-21; Искусства — 250-46-98; Литературы — 253-31-87; Очерка — 250-15-33; Критики и библиографии — 253-38-26; Науки и техники — 253-31-47; Юмора — 253-39-05; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-38-52, 253-32-45.

Сдано в набор 30/X-72 г. А 00751. Подп. к печ. 14/XI-72 г. Формат 70 × 108¹/₈. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 2513. Тираж 2 100 000 экз. Заказ № 3674.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.

ПОСЛЕ ВЫСТУПЛЕНИЯ «ОГОНЬКА»

БАР ОТДЫХАЕТ В ВОСКРЕСЕНЬЕ...

«Нормальный человек не будет толкаться ради утоления жажды пивом больше часа, если ее можно утолить проще — воды напиться» — таково категорическое мнение А. Кузнецова из Иркутской области, которое он высказывает в своем письме в редакцию, откликаясь на материал «Бар отдыхает в воскресенье...» («Огонек» № 34 с. г.). «И хорошо,— продолжает автор письма,— что в Москве один именной бар, а не сотня. А очереди надо устранять другим путем — сокращением производства спиртного, вплоть до выдачи по карточкам».

Впрочем, это единственное такое письмо. Авторы всех остальных полученных редакцией писем подчеркивают: проблема поднята не случайная, она важна и для Москвы и для других городов. Л. Кашинцев из Перми рассказывает о том, как плохо организована торговля пивом в этом городе: «Я знаю только два-три места в городе, где можно выпить кружку пива, но и то не всегда. Единственный бар торгует пивом редко, зато тут всегда пьяницам раздолье. Поэтому бар пользуется дурной славой. Да, собственно, и не бар это — уголок в здании столовой. Бар должен быть не таким, а большим, красивым, чтобы и вид его, и все оформление, и обстановка не располагали к пьянству... В основном же торговля пивом производится бочками-автоцистернами. Бочки эти встречаются крайне редко. Люди стоят не только с бидонами, но и с разнокалиберными банками и даже с... полиэтиленовыми мешочками. Продавцы отпускают пиво и в эти пластмассовые мешочки, которые сами же с наценкой и продают...»

Письма, авторы которых сетуют на плохую организацию торговли пивом и на невысокое его качество, пришли из Воронежа, Омска, Новосибирска, из других городов. Тут бы впору сообщить читателям, что делает Министерство торговли РСФСР для улучшения дела. Но нет в редакции ответа от ведающего этими вопросами заместителя министра А. Сергиенко. Зато быстро и деловито откликнулся заместитель начальника Главторга Москвы Н. Завьялов: «В соответствии с решением исполкома Моссовета в 1973—1974 годах намечено открыть 350 пивных залов. По мере их открытия киоски и палатки с улиц и площадей будут убираться. Одновременно сообщаем, что управлению торговли продовольственными товарами предложено (дополнительно к прежним планам) организовать торговлю молочными коктейлями в 110 магазинах, соками — в 150, квасом — в 120. Открываются 45 специализированных магазинов по продаже кваса».

Начальник Главного управления общественного питания Мосгорисполкома И. Шевелев сообщает: «Предусматривается строительство 30 пивных баров — для них отведены участки во всех районах города. Сейчас ведется строительство четырех баров. В частности, в Гагаринском районе строится бар по индивидуальному проекту; он будет оригинально оформлен и меблирован».

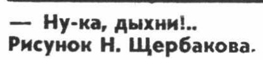
Директорам трестов и комбинатов питания, отмечает И. Шевелев, запрещено проводить санитарные дни в субботу и воскресенье; за допущенное нарушение руководству треста столовых Фрунзенского района строго указано. Вместе с тем необходимо отметить, что пивзавод имени Бадаева неоднократно срывал графики завоза пива в предприятия общественного питания.

Да, промышленность медленно решает вопросы коренного улучшения работы пивных заводов, их переоснащения, реконструкции и модернизации. Этого не скрывает и начальник Главного управления пивоваренной и безалкогольной промышленности Министерства пищевой промышленности СССР В. Балашов, приславший в редакцию обстоятельное письмо. «В пятилетии,— сообщает он, в частности,— намечено значительное развитие пивоваренной промышленности Москвы за счет реконструкции заводов имени Бадаева, Москворецкого, Останкинского и строительства нового завода в Очакове. К 1975 году производственные мощности и выпуск пива увеличатся почти в два раза. Практика показывает, что основной объем производства пиво-безалкогольной продукции (более 55 процентов) приходится на второй и третий кварталы. В целях создания запасов пива для реализации его в весенне-летний период необходимы пастеризаторы. В настоящее время выпуск пастеризованного пива ограничен. (К сожалению, тов. Балашов не говорит, что предпринимается для приобретения достаточного количества пастеризаторов. Ведь без них проблему надежного сохранения пива на длительные сроки не решить.)

Спрос на пиво далеко не удовлетворен. Но даже то, что сейчас выпускается,— продолжает он,— должно быть доведено до покупателя в лучшем виде и наилучшим образом. Существующие сейчас пивные бары и киоски не отвечают требованиям промышленности по качеству оформления, по режиму работы, по количеству».

В этом тов. Балашов, безусловно, прав. Торговля пивом во многих городах ведется из рук вон плохо. И положение нужно исправлять сейчас, не дожидаясь лета.

— Ну-ка, дыхни!..
Рисунок Н. Щербакова.

Рисунок В. Воеводина.

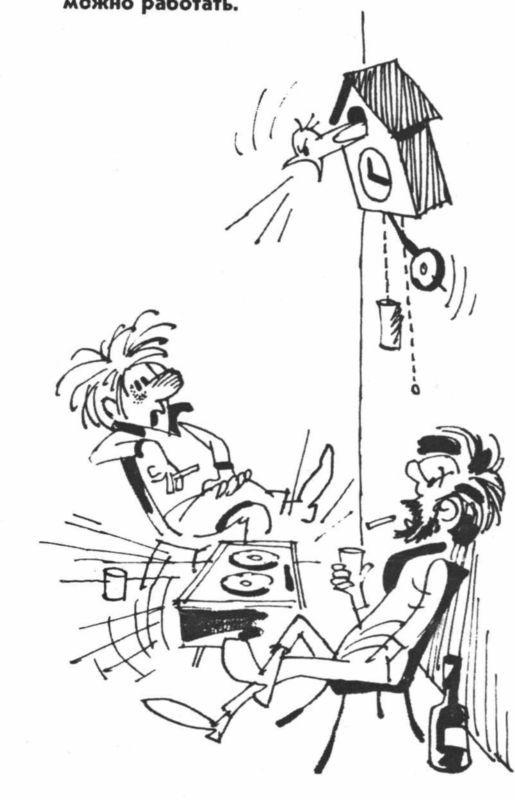
— А чего он дразнится!!.

— Вот на этом самом месте я как вдарю, так и рыба!

— Выключите магнитофон! Невозможно работать.

Домашний турнир.

Рисунки Б. Боссарта.

Цена номера 30 коп.   Индекс 70663